

A close-up portrait of a man with dark hair, a beard, and light-colored eyes. He is wearing a dark suit jacket over a white shirt. His right hand is raised to his chin, with his index finger pointing upwards. He is wearing a gold ring with a dark stone on his ring finger. The background is dark and out of focus.

ЕВСЕНИЯ МЕДВЕДЕВА

ЗА ЛОЖНИЦА

Беса

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евсения Медведева
Заложница Беса
Серия «Клан "Воронов".
Одержимость.», книга 2

<https://litres.ru/74492047>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спасая младшую дочь, мой отец заключил сделку с дьяволом, взамен пообещав ему старшую И имя дьявола – Тимур Бесадзе. Он – БЕС, бенефициар преступного мира. И его имя произносят шепотом. Его слово – закон. Он презирает желания, покупает души. Я стала его собственностью или фатальной ошибкой.

— Тимур, спаси мою сестру! Я навсегда останусь с тобой, — вцепилась ему в горло, выдыхая самую едкую ложь. Я люблю свою сестру, но свободу я люблю до безумия. Сильнее ярости, страха. Сильнее ЕГО

Мой план был прост – сбежать. Но Он переиграл меня. Бесадзе понял, что по сделке получил не покорную жертву, а КАТАСТРОФУ со стальной волей, сердцем, полным ненависти, и душу, презирающую золотую клетку.

Это история падения, предательства и лжи, которая оказалась единственной правдой. История о сделке, где ставка – не тело, а разодранная душа. Катастрофа против Беса. Кто кого поглотит?

Содержание

От автора	4
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	59
Глава 6	70
Глава 7	81
Глава 8	92
Глава 9	105
Глава 10	115
Глава 11	132
Глава 12	147
Глава 13	164
Глава 14	181
Глава 15	193
Глава 16	206
Глава 17	222
Глава 18	232
Глава 19	251
Конец ознакомительного фрагмента.	264

Заложница Беса

От автора

Все персонажи вымышлены, все совпадения случайны. Герои неидеальны, виртуозно ругаются матом, упрямы и зачастую игнорируют предупреждения Минздрава. А вы умных людей не игнорируйте... слушайте врачей, берегите себя и своё здоровье. Оставим вредные привычки бумажным героям!

Глава 1

Глупо... очень глупо искать совесть у человека с говорящим прозвищем. Они уважают силу! А если ты не готов воевать, тогда попробуй не стать его врагом... А то прощать Бес так и не научился.

Кованые ворота серого особняка тревожно поскрипывали от ударов стылого октябрьского ветра. Ледяные порывы били в затылок, подталкивали меня, принуждая побыстрее перейти черту и оставить свою прошлую жизнь. А все потому, что нет смысла мучиться напрасными надеждами на спасение. Уже всё решено...

А надежды – зло... От них всегда беда! Надежда на будущее, на закон, права и возможность самостоятельно определять свою судьбу. Кому нужны эти пустые мечты и желания?

Для чего?

Если тебе уже уготовлена роль Настеньки из старой русской сказки...

— Камилла, дочка, — зашептал отец обманчиво вкрадчивым голосом, вот только его толчки в спину были ещё резче и холоднее порывов ветра...

В каждом звуке, в каждом его жесте и движении присутствовал едкий страх. Им просто смердело от этого загнанного и жалкого старика.

Вдруг я передумаю и брошусь наутёк от этого проклятого

самим дьяволом места!

— Дочка, ты же помнишь, что это наш последний шанс?
— жалостно захрипел он.

Вот только по надутым на лбу венам я видела, что он готов заорать, схватить меня за шкурку и лично оттащить к тому... кому меня ПРОДАЛ.

— Папа, помолчи, — я сжала виски, пытаясь притупить пульсацию, но она, подобно глухим барабанам, лишь усиливалась, норовя расколоть череп пополам.

Но... Я и на это была готова, лишь бы не переступить порог дома Тимура Бесадзе.

— Камилла, соберись! Ты же хочешь спасти сестру? — отец все отчаяннее тряс мою руку, а сам осматривался, уловив, что толпа охранников постепенно смыкала круг, загоня нас в свой капкан.

Я уже давно заметила, что вооруженные до зубов качки делают шаг каждый раз, когда я заносу ногу, но так и не осмеливаюсь ступить на территорию дома. Это мне так намекали, что сегодня я в любом случае окажусь в доме Беса, и им все равно – добровольно или силой... Других вариантов, очевидно, мне не оставили.

Я и так оттянула отпущенное время свободы до предела. Противилась, брыкалась, лелеяла тупую надежду на чудо... Всё не могла распрощаться с младшей сестрёнкой, сидела у её больничной койки, питаюсь глупыми надеждами.

Корила себя, судьбу и тихо завывала, ведь не так поступа-

ют любящие старшие сёстры. Чем дальше я тяну время, чем дольше прячусь и сопротивляюсь неизбежному, тем позже Лилию посадят в бизнес-джет и отвезут туда, где могут вылечить её болезнь.

Рак... Раковая опухоль. Порою мне кажется, что эта болячку поразила не только мою сестру, но и всю нашу семью, всю нашу счастливую и размеренную жизнь. Мы все больны...

Всего за один год я потеряла почти всю семью. Что может быть страшнее, чем остаться одной на этой гребаной, полной несправедливости планете? Сначала от этой пакостной болячки умерла мама. Но мы даже не успели прийти в себя, как эту же агрессивную форму выявили у моей милой и доброй пятнадцатилетней сестрёнки, а следом ушла и бабушка, её сердце попросту не выдержало удара.

А моё выдержало... И оно бьется! Я жива, здорова, стою и трясусь от страха, а моя маленькая сестра может уже никогда не пробежать по зеленой траве, не полюбить мальчишку-хулигана, не испытать неловкости первого поцелуя... Она не прочтёт новых книг, не досмотрит концовку сериала, ведь продолжение выйдет лишь в следующем году.

У неё попросту нет этого года!

А у меня времени полно...

Это несправедливо! Почему жизнь забирает самых достойных? Почему их светлые души нужны там, наверху, в то время как Земля порабощена подлецами и настоящими Бе-

сами... Вполне телесными, опасными и ублюдочными.

— Как только ты войдёшь в дом, Лилю сразу повезут в аэропорт, — заикаясь, выдал отец.

Он словно обессилел и больше не подталкивал меня... Потух и напор в его голосе. Папа посматривал на меня, как на божество, что может сохранить жизнь его дочери. Казалось, он готов упасть на колени и умолять меня спасти её жизнь...

— А ты? — сухо спросила я, даже не пытаюсь посмотреть отцу в глаза. Кажется, я их не видела почти два месяца. Они вдруг стали... противнее кишащих тараканов, логова змей, смрада саранчи, протухшего мяса.

Я нарочно накручивала себя, чтобы никогда не забыть, что мой отец, спасая одну дочь, отдаёт на съедение вторую! Не забывать... Помнить каждого обидчика, чтобы в любой момент быть готовой воткнуть нож в самое сердце.

— Камилла, я успею... Я буду с ней каждую минуту, буду присылать тебе сообщения, фото, снимать видео... — он вновь схватил меня за запястье, прошелся по озябшей ладони, поднялся вверх до безымянного пальца и тяжело выдохнул, когда не обнаружил обручального кольца, подаренного Бесадзе. — Дочь, я понимаю, что бы я сейчас ни сказал, это не искупит моей вины... Но ты же знаешь наше положение!

О нашем положении знает весь город!

«О! Это же те самые Соболевы, которым пришлось продать все и переехать в бабушкину халупку за городом? Бед-

ная семья... Все напасти на них свалились. И бизнес отца рухнул, и эта чередá похорон... А про младшую слышали? Она же почти покойница...»

После этих слов я чуть не убила ту стервозную суку, что шепталась за моей спиной на благотворительном вечере. Только в тот раз я пришла туда не сверкнуть своей красотой и новым дизайнерским платьем. Я приползла побираться и умолять спасти свою сестру, как жалкая отчаявшаяся нищенка!

Заглядывала в глаза людям, что ещё вчера ели за нашим столом, с чьими детьми мы ходили в частный лицей, с кем отдыхали на берегу океана... Я была доведена до такого отчаянья, что согласна была ползать на коленях и унижаться. Для своей малышки я готова была на всё! Но в ответ я получила лишь холод презрительных взглядов.

В тот день я поняла, что сказка закончилась слишком внезапно. И я очень быстро превратилась из Золушки в некогда благородную побирушку.

На том вечере я сорвалась... Устроила скандал и, кажется, в порыве ярости сдёрнула парик с той самой языкастой любовницы мэра. Мне было плевать на чины и статусы, на счета в банках, я просто дошла до точки. Они сами меня подтолкнули к ней!

За это и поплатилась... Меня скрутили и бросили в полицейскую каталажку. Ну я же им больше не ровня... Ни воды, ни солнца, ни возможности хоть что-то исправить! Ме-

ня душила такая злость, что я не могла здраво мыслить. Металась по клетке, как ошалелая... Случись это год назад, то в участке бы уже топталась вереница адвокатов, но убогую нищенку некому спасать.

Но... Судьба – щедрая сука. Ублюдочная, несправедливая, но щедрая. Как на удачу, так и на несчастья. Уже через два часа меня выпустили, даже извинились, прошептав что-то вроде: *«Почему же вы, Камилла Соломоновна, не сказали, что являетесь невестой Бесадзе?»*.

Невеста Беса... В тот момент я словно сломалась, осознав, что кроме этого ублюдка нам никто не поможет.

Я никогда не видела Беса... Порой мне кажется, что его и вовсе никто не видел. Все его знают, все боятся, благоговейно произносят фамилию, но я не нашла ни одного человека, кто бы хоть раз видел его вживую. Кроме моего отца...

Это так странно... Все знают, где он живёт, кому принадлежат чуть ли не все банки, кто отвечает за теневую жизнь региона. Но как бы я ни рылась в сети, не нашла ни единого фото. А зачем оно мне? Окажись он горбуном и уродом с гнилыми зубами, я бы все равно стояла здесь.

— Ну, хочешь... Хочешь, я выберу тебя? — еле слышно прохрипел отец и в полном отчаянии уронил голову, наблюдая, как крупинцы первого снега танцуют в стихии ноябрьского ветра.

— Ты серьёзно? — мой рваный хриплый смех вырвался наружу ором стаи черных ворон.

Отец от неожиданности даже отпрыгнул, наконец-то перестав до жжения растирать место, где должно быть кольцо. Идиот! Он что, всерьез считает, что если тщательнее потереть палец, то кольцо чудным образом появится?

НЕТ! Оно не появится, потому что на прошлой неделе я загнала его в ломбард, а вырученные деньги надёжно спрята-
тала.

Мой план был прост... Как только Лиля долетит до клиники, и ей сделают операцию, я сбегу из этого дома.

Но была одна проблема... Все это только слова, гарантом которых является Тимур Бесадзе. И дал он их отцу, а не лично мне. Никто из них не будет ни в чем нуждаться. Будут оплачены операция, проживание и перелёт с командой медиков, а отцу даже полагаются деньги на текущие расходы.

Бля... Карманные деньги пятидесятилетнему мужику, что настолько заврался и потерялся в реальности, что спустил весь свой бизнес?

Услышав это от отца, я долго хохотала... Меня буквально накрыло истерикой! Я каталась по полу, не в силах остановить мрачное веселье. Папа тогда хотел даже вызвать скорую, но благо в нашей халупе нет телефона, а на мобильник я ему из принципа ничего не закидывала... О том, что звонок в службу спасения бесплатный, он даже не подумал.

— Ты серьёзно считаешь, что я соглашусь? — я повернулась и впервые за долгое время посмотрела в его сизые глаза, потерявшие всяческий цвет. — Всерьёз считаешь, что я

смогу жить, дышать, улыбаться, зная, что моя сестра умирает? А что будешь делать ты? Просто рыдать? Дальше скулить и страдать над несправедливостью судьбы? А хочешь правду, пап?

Я сделала резкий выпад, приближаясь к отцу. Заметила, как оживилась охрана, уплотняя кольцо вокруг нас.

Чёрт... Церберов стало намного больше. Из ворот выпала ещё внушительная группа, и активнее всего на меня наступал широкоплечий здоровяк. Он игнорировал порывы ветра, не замечал продирающего холода, шел, вальяжно откинув полы пиджака, изящно касаясь кожаной кобуры, закрепленной на поясе брюк.

Интересно, а на чью сторону они встанут? Помогут мне убить папашу? Или... Ладно, это неважно. Я снова обернулась к старику и растянулась в лживой улыбке.

— Меня ты привёл, как козу в дань черному ведьмаку, чтобы тот не кошмарил деревню. Бросаешь, как Настеньку в зимнем лесу, надеясь на благородство Морозко... Но то была сказка, пап! А это... — я махнула рукой на особняк за высоким забором. — Это логово БЕСА! Со мной понятно, я — товар. Лиля с каждым днем теряет силу, желание жить, возможность дышать... А чем поплатился ты? Продал все костюмы от Бриони? Лишился люксовых тачек, квартиры, дома в элитном посёлке, стал нерукопожатным для своих дружков? Чем ты заплатил за свою глупость, папочка?

«Папочка» прозвучало слишком резко, и отец закрыл гла-

за, словно моя ментальная пощёчина достигла своего адресата.

Но ничего... Он терпит!

Лиля же терпит эти мучительные капельницы, эту ядовитую химию, что отравляет её кровь в попытке справиться с раком. Но это всё тщетно... Пока не вырезать опухоль, ничего не поможет.

У меня сердце кровью обливается, когда я вспоминаю вчерашний вечер. Я лично состригла пушистые пшеничные волосы своей младшей сестрёнки, а потом расцеловала лысую головку, нащёптывая обещания, что её грива скоро снова вырастет и будет гуще прежней!

Я врала! В последнее время я только и делала, что врала Лиле, пытаюсь хоть немного успокоить, в то время как отец лил пустые слезы.

Откуда ненависть? А все началось два месяца назад, когда я застала его в сарае с верёвкой. Этот подлец оказался не просто трусом, он оказался слабаком! Тогда я оторвала от стены гнилую доску и отлупила его, словно в этой семье если и есть кто-то из взрослых, то это я...

Взрослая. Ну, если я взрослая, то пора покончить со всем этим!

— Уезжай! — закричала я, а после повернулась к охране, совершенно не ощущая перед ними ужаса и страха, и прошипела в нахально-приказном тоне: — Увезите его в гребаный аэропорт! Только убедитесь, что он не заблудится, ся-

дет в самолет, и попробует помочь хотя бы одной из своих дочерей!

И я сделала шаг... Преступила черту, прекрасно понимая, что назад у меня дороги нет. Уже нет...

Глава 2

Оглушительным ударом скрипнули ворота, зловеще лязгнул замок, а топот за спиной стал похож на строевой шаг солдат. Я думала, что во мне ненависти столько, что я даже не решусь обернуться к отцу, чтобы в последний раз посмотреть на него. Но всё же сделала это...

Его чуть ли ни силой погрузили в черный минивэн, и площадка перед домом вновь оказалась пуста. Я улыбнулась, заметив, что с ним никто не церемонился. Хоть что-то приятное...

— Камилла Соломоновна? — самый высокий и устрашающе широкоплечий бугай обогнал меня и взмахом руки указал на центральный подъезд, словно я могла не заметить это помпезное творение архитектора.

Особняк Бесадзе был не просто большим... Он был огромным! Но при этом довольно современным. Не было здесь средневековых башен, не было и цыганского красного кирпича, что очень соответствовало бы слухам, которыми я успела начитаться. Фасад из светлого камня, по периметру высились ряды колонн, обьятых по-осеннему пожухшим плющом.

Дом словно состоял из разных крыльев, смыкаясь в центре в виде креста. Крыша была плоской, окна – большими, а значит, в моей камере будет не просто форточка. Но ещё

я заметила, как по крыше, совершенно не прячась, прохаживалась охрана, поигрывая снайперскими винтовками. Так странно... Они следили не за периметром, их мишенью была я.

Или не я?

Обернулась... Но за спиной никого не оказалось. Во дворе были лишь я и качок из охраны.

Чёрт, наверное, не стоило набрасываться на отца. Может, они решили, что я опасна?

Большого я рассмотреть не успела, так как охранник распахнул двустворчатые стеклянные двери, и на меня из дома вырвалось теплое облако, приправленное дорогим парфюмом и чем-то сладким.

— Добрый день, Камилла Соломоновна, — в просторном холле меня встретила сухонькая женщина, одетая во все черное.

Крошечная, злая, как гадюка, и напряженная, как сжатая пружина. Юбка ниже колен, обычная рубашка, застёгнутая на все пуговицы, даже клеймо прислуги — фартук — был зловеще черным с идиотской вышивкой какой-то птицы. Зато волосы старушки отливали сочной ржавчиной и переливались проскакивающей сединой.

Лицо у женщины было строгое, неприятно острое, как лезвие бритвы, нос крючковатый, макияж минимальный. Сжимала руки до белесых костяшек, словно она рада моему появлению здесь ничуть не больше, чем я сама.

— Меня зовут Альбина Марковна, я домоправительница...

— Домомучительница, — сходу прошептала я, стягивая пальто, что сейчас казалось мне таким тяжелым. Я не могла дышать, паника накатывала резкими волнами, хлестала по макушке, замутняла взгляд.

— Я домоправительница, и по всем бытовым вопросам вы можете обращаться ко мне, — она сделала вид, что не отметила моей дерзости, только серые глаза полыхнули рыжим, как её волосы, пламенем. Женщина перевела плавный взгляд мне за спину и едва заметно кивнула, а после добавила: — Но вообще, я готова помочь в любом вопросе, если вам это будет необходимо.

Здорово. Первого врага я уже получила. Быстро, эффективно... Вот бы рак у детей лечили так же!

— Очень приятно, — я вымучила никому не нужную улыбку. Она знала, что улыбка фальшивая, и я знала это... Но никто из нас этому не сопротивлялся, потому на сдачу я получила точно такую же.

— Мы вас ждали ещё неделю назад. Ваша комната уже готова, обед будет подан через сорок три минуты, — домо-мучительница отточенным движением отогнула манжету рубашки и посмотрела на свои крошечные золотые часы.

— Даже не сорок пять? — снова усмехнулась я.

— Через сорок две. Но если вы и дальше желаете задавать вопросы, то мне придется уточнять время до самого обеда.

Через сорок одну минуту...

Чёрт... А бабулька ничего себе такая. И руку оттяпает по самую макушку, и спуска не даст. Обожаю таких!

— Ладно-ладно! Ваша взяла, — я взмахнула руками, оглянулась, чтобы убедиться, что мою сумку не забыли на улице. — Прошу прощения, не стоило начинать знакомство с дерзости. Но и вы меня поймите. Не каждый день выдается возможность побывать в роли товара.

Альбина Марковна возмущенно вскинула бровь, и я готова была поклясться, что её тонкие губы дрогнули в подобии улыбки.

— Ну? — я вполоборота обернулась к здоровяку, что стоял за спиной и отряхивал от снега моё упавшее с плеч пальто. — Веди меня к супругу... Кстати, а он не импотент, надеюсь? А то чем мне тут развлекаться в этой вашей фешенебельной клетке? Или товар не имеет права на плотские утехи? Супружеский долг не нужно будет уплачивать?

— Ой, девка-а-а-а, — еле слышно прошептала Альбина и забрала моё пальто из рук охранника. — Вещи ваши доставят в комнату. После встречи я вас лично сопровожу.

Я снова ощерилась и, гордо вскинув голову, двинула следом за охранником, пытаясь сразу запомнить расположение комнат.

Планировка интересная... Не совсем типичная, но довольно уютная. Должна признать, что у дизайнера интерьера со вкусом была полная гармония. А это редкость, учи-

тывая скорость смены современных трендов. Никакой лепнины, каменных статуй, колонн и вычурных картин. Скупая классика, сдержанные цвета, море живых растений и обилие предметов современного искусства.

Я порой притормаживала у картин, чуть ли не роняла челюсть, узнавая руку художника, но мой конвоир имел глаза даже на затылке и начинал кашлять, тем самым поторапливая.

— А ты? — я обратилась к здоровяку и чуть ускорила, пока мы шли по длинному коридору. — Ты не представишься?

Я, как могла, пыталась заглянуть в лицо охранника, но ничего не выходило. То ли он нарочно отворачивался, то ли это совпадение, но как только я его нагоняла, здоровяк ускорял шаг.

— Слушай, ну если ваш Бес того... на полшестого, то, может, он мне выделит какого-нибудь brutального охранника? — когда я нервничала, из моего рта неслась всякая погань, но сейчас мне было это нужно! Просто скинуть хоть каплю напряжения и встретиться с хозяином моей клетки в полной боевой готовности.

Конвоир ничего не ответил, но я готова была поклясться, что он многозначительно хмыкнул... Что это значит? Да? Нет? Однако ответом мне послужил протяжный рык, от которого по позвоночнику потек едкий страх.

Я съежилась и чуть приотстала, отмечая пугающие габа-

риты конвоира. Такой прихлопнет и не заметит... Рост великана, плечи атланта, резкий профиль с четко очерченными скулами и острой линией челюсти — ничего не выдавало в нем добряка, готового пожалеть деву, попавшую в беду. Заметила и рваный шрам, тянувшийся от подбородка до самого уха, словно кто-то пытался скальп с него снять, но не успел закончить. Боже, их что тут пытаются?

Так, об этом лучше не спрашивать. Согласно моему плану, мне нужно будет сдружиться с одним из охранников. Только так я смогу сбежать сразу после того, как Лильке сделают операцию. А значит, надо бы приглушить свою дерзость.

— Слушай, ну скажи, как тебя зовут, — обессилев, прошептала я. — Хоть один нормальный человек в этом доме должен же быть? Пусть это будешь ты?

— Нет! — рявкнул бугай, и у меня мороз пошёл по коже...

Я замерла, не понимая, на что он ответил отказом? Не назовёт имени или отказывается быть нормальным человеком?

— Что? Ваш людоед не разрешил с будущей супругой говорить? Хочет быть во всем первым? Так просчитался он... Надо было ему искать другого разорившегося придурка с невинной дочуркой. Продешевил ваш Бес... Какого черта он взял двадцатипятилетнюю занозу?

Здоровяк не оборачивался, лишь когда я повторила прозвище Бесадзе, уловила, как окаменели его плечи, словно он за своего хозяина готов был придушить меня прямо здесь.

А может, так даже лучше! Пусть избыют, посадят на цепь, так будет проще ненавидеть. Всех их – за жестокость, себя – за слабость... А отца – просто так.

Но во всей этой мгле подлости был лишь один светлый лучик. Моя милая Лилька уже наверняка на пути в аэропорт. Только эта мысль грела моё растрескавшееся сердце. Но ничего, я скоро привыкну. У товара не может быть чувств, обид и страха.

— Я могу позвонить? Или велено явиться сразу?

Здоровяк махнул рукой, безмолвно выдав позволение, и я достала телефон, быстро набрав по видеосвязи свою сестру, пока этот монстр не передумал.

И как только на экране появились бледное, худое и изможденное личико, лысая голова, прикрытая хлопковой козырьком, моя дерзость осела темным осадком. Я прикусила язык, на миг закрыла глаза, чтобы остановить слёзы, и даже выдавила улыбку. Не такую, которой бросила в Альбину, а настоящую.

— Моя ласточка, моя птичка сладкая! Привет! — я помахала сестре, а она лишь кивнула. Её лицо было закрыто кислородной маской, а камеру то и дело перекрывал чей-то палец, наверняка доктор помогал держать телефон.

Моя девочка была в реанимобиле, судя по тряске, они ехали, а значит, есть надежда, что это не розыгрыш, и сестра доберется до клиники. Сердце сжалось и снова оборвалось... Значит, это не сон. Она будет жить?

А я...

Я буду вечной пленницей, ведь это и есть плата за её долгую жизнь. Если, конечно, не сбегу.

— Ты скоро будешь в самолете и уже вечером окажешься в самой лучшей клинике. Ласточка моя, ничего не бойся! Слышишь? Никого и ничего не бойся! Я тебя люблю до луны и обратно. Ты мне веришь?

Здоровяк замедлился, когда мы вышли к огромной двери из черного калёного стекла, но при этом не торопил меня, позволяя закончить разговор.

Лиля не могла ответить, она просто кивала.

— Я люблю тебя, птичка. Очень люблю! И даю слово, что с тобой все будет хорошо...

Откуда я это знала? Откуда я вообще набралась этой резвости во вранье? Если у кого и есть уверенность, то лишь у Бога, что послал нам это испытание любви. Но зря он меня прощупывает, за Лильку я готова и на большее.

Но лишь такой напор, лишь мои слова могли её успокоить. А значит, я и дальше буду врать! Я буду врать так, как никто на этой планете, лишь бы моя девочка не плакала.

Лиля махнула рукой и отвернулась, чтобы не показывать слёз и страха. Боже... Это я должна быть рядом с ней, а не отец! Я должна целовать её ручки, уговаривать потерпеть, именно я должна читать глупые детские сказки, в которых добро всегда побеждает зло. Там и Настенька от Морозко возвращается с неслыханным приданым, и Спящая красави-

да просыпается от поцелуя принца...

Я на миг припала к стене и зажмурилась. Мы слишком поздно узнали о диагнозе. Доктора хором говорили, что операцию нужно делать срочно! Но все детские хирурги, специализирующиеся на столь опасной локации опухоли, были расписаны на несколько месяцев вперед, а ожидание... У нас попросту не осталось этих месяцев.

Лилька тряслась, сдерживая всхлипы, и мне пришлось сбросить вызов, пока я не отключилась сама. Сердце сжалось, а воздух едва проходил через гортань.

Здоровяк принял конец моего разговора за готовность встретиться с тюремщиком и распахнул дверь. А мне ничего другого не осталось, кроме как заткнуть свои боль, гордость, жалость к самой себе и войти в темный кабинет БЕСА...

На дворе день, а кабинет выглядел как склеп. Темнота была искусственная, просто все портьеры были плотно задёрнуты, словно хозяина, восседающего на кожаном троне, одолевала мигрень.

Хозяин... Боже, серьёзно? Это он? Я уставилась на сухонького недомерка...

Нет! Нет... не может быть! И это Бес?

Я замерла на пороге, и в просвет дубового рабочего стола заметила, что он ногами даже до пола не достаёт! То ли трон слишком велик, то ли он коротышка. Жидкие светлые волосы были уложены ото лба к затылку, в бликах бра светились глубокие залысины. Лицо странное... Нелепое, что ли?

Неудивительно, что его фото нет в интернете. Да мимо тако-го пройдешь и в жизни не запомнишь. Владелец тусклой непримечательной личности.

Я даже не понимала, за что бы зацепиться?

Покатый подбородок, бледная, гладко выбритая кожа, тонкие губы, блестящие от слюны, прозрачные брови, такие же ресницы. Он больше походил на противную моль, чем на Беса, о котором знают далеко за пределами нашей страны. И этот недоросль держит в страхе регион? Это о нем ходят жуткие байки?

Это он купил меня?

Именно ОН обменял меня на жизнь моей сестрёнки?

К горлу подкатил спазм тошноты, желчь двигалась вверх, норовя вырваться наружу, но я плотно сцепила зубы. Я машинально обернулась к охраннику, надеясь на помощь, но в ответ услышала лишь недовольное сопение разгневанного зверя.

Картинка снова поплыла. Я вцепилась в стекло деверей, слыша, как скребут острые ногти по холодному гляncу. Но в этот момент получила довольно грубый тычок в спину. Долбаный конвоир этим жестом напомнил и о моем месте в доме, и о том, что я этому недомерку ноги должна целовать, благодаря за щедрость!

— Добрый день, Камилла, — проскрипел хозяин кабинета, но даже не потрудился встать, как подобало всякому воспитанному мужчине.

За спиной снова хлопнула дверь, но бугай никуда не ушел, припал к створке, на случай, если я решу убить его хозяйна. Цербер, блин... Интересно, а этого придурка даже во сне охраняют?

— Добрый день, Тимур, — я нарочно проигнорировала его отчество.

— Ваш отец скоро будет в аэропорту. Всё идет по плану, правда, явиться вы должны были ещё неделю назад, — мужчина сказал это таким дежурным тоном, что вся моя благодарность растворилась.

А вот желание устроить скандал лишь окрепло... Он отчитывал меня, как опоздавшего курьера! Что, так не терпелось посмотреть на молодую жену?

— Спасибо, я в курсе, — кивнула я, пытаюсь понять, что делать дальше.

Присесть он не предложил, лишь продолжил смотреть на меня, как на кусок мяса, снова и снова облизывая свои противные тонкие губы.

— Расскажите о себе, — снова заскрипел мужчина, быстро постукивая пальцами по столешнице.

Он что, косой? Почему-то у меня было четкое ощущение, что он смотрит куда-то мимо меня. То ли перевозбудился дядя, и теперь давление шарашит, заставляя глаза крутиться быстрее секундной стрелки, то ли... нервничает?

Я опустила голову и осмотрела себя. Черные джинсы, свободный свитер, прикрывающий задницу. Ни глубокого де-

кольте, ни единого обнаженного участка кожи... Я даже волосы не стала закалывать, чтобы шею не открывать. Они так и остались лежать на плечах прямыми шелковыми лентами цвета горького шоколада.

— Для чего эти игры? — я набрала полные легкие воздуха и двинулась к креслу прямо перед столом. Аккуратно присела, потому что ноги гудели... Я же простояла у дома почти три часа, пытаюсь заставить себя сделать хоть шаг.

Но онемение и боль мне пришлось проигнорировать, чтобы не радовать своего мучителя. Скромно поджала ноги, выпрямила спину и сцепила руки, прикрывая отсутствие обручального кольца.

— К чему этот спектакль? Вы и так всё обо мне знаете. С трудом верится, что вы выбрали невесту, не прошерстив её родословную до прабабушки. Но если это доставит вам удовольствие... Камилла Соболева, двадцать пять лет. До этого момента трудилась в банке «Симбир», что сейчас с моим статусом — неизвестно. Окончила экономический университет, занимаюсь спортом, люблю бегать. Аллергия на апельсины, лилии, и терпеть не могу манную кашу, — вспыхнула я, но вовремя прикусила язык, вспомнив личико своей сестры. — А если она будет с комочками, можете использовать это блюдо как пыточное средство. Я на всё соглашусь, лишь бы не жрать эту гадость.

— Занятно... — недоросль сомкнул у лица руки, образуя из пальцев замок, чтобы прикрыть губы.

— Ага... Занятно. Итак? Как жить будем? — я крутанулась, осматривая кабинет.

В тусклом свете настольной лампы было сложно рассмотреть обстановку, но очертания были мне знакомы. Высоченные книжные стеллажи, неприметная дверь в примыкающее помещение, изящный диван у окна, длинный стол, словно здесь иногда заседает совет директоров.

— Кстати, спасибо, что вызволили меня из обезьянника, а то эти засранцы даже в туалет меня не выпускали, ещё и губу порвали, — я машинально коснулась ноющего уголка губы, что до сих пор иногда трескался. Когда я закончила осмотр, мне стало непонятно, почему красоту кабинета прячут в темноте.

Может... Может, он уродец? Или болеет чем? Я читала, что есть хворь, типа непереносимости солнечного света. Стоп... Он же не вампир?

Я чуть наклонилась и всерьез начала искать клыки и рога... А как должен выглядеть вампир? Бледность? Есть... Мерзость? Тоже есть... А большего я о них и не знала.

Заметив откровенное удивление хозяина, я все же снова вытянулась в струну и, собрав остатки сил, продолжила:

— Итак? Я жду правил... Как вы понимаете, я не знаю, что делают купленные невесты. Сразу в койку? Или сначала отобедаем? Только давайте без лишних слов? Начнём с правды? Я буду первой, чтобы вам было проще. Вы — людоед и работороговец, что говорит о скрытых комплексах и

поломанной психике, — начала было я, но услышала за спиной тихий рык...

Обернулась к бугаю, смотревшему на меня взглядом голодного волка, готового вцепиться в горло.

— Тише, волчок, я ничего твоему боссу не сделаю. От правды ещё никто не умирал... Или мне и говорить в этом доме не положено? Тогда ещё раз повторяю, вы не на ту нищенку сделали ставку.

Вот отсюда бы рассмотреть этого здоровяка, но он как будто мысли мои читал и сделал шаг назад, прячась в тени высокого книжного шкафа.

— Я острая на язык ведьма, и чтобы заткнуть мне рот, вам придется поручить своему горилле избить меня и закинуть в пыточную. Кстати, она у вас есть? — усмехнулась я, ощущая, как на язык накатывает горечь, а глаза жжет подступающими слезами.

Чем больше я говорила, тем отчетливее понимала, что это не сон!

Я действительно нахожусь в доме чокнутого придурка! Я действительно завишу от него! И мне действительно нужна его помощь. А это было самое гадкое...

Во мне боролись два зверя, и силы их были равны, потому меня и бросало из стороны в сторону. Один свирепствовал, требуя свободы, а второй вопил жадной спастись единственного родного человека. У Лили никого нет кроме меня, и

только я способна подарить ей жизнь, пусть и руками этого монстра.

Чёрт! Да если бы речь шла об отце, всё было бы куда проще. Мы бы с сестрой прекрасно прожили на мою зарплату. Бедно, скупо, но зато на свободе, а не под гнетом этого ублюдка.

— Хватит! — вдруг разнеслось по кабинету, и я вздрогнула от резкой волны звуковой бомбы.

Машинально обернувшись, уставившись на здоровяка, что двинулся на меня со скоростью тигра...

Он буквально разрывал темноту в клочья. Шаги тяжелые, яростные, ему хватило и пары секунд моей растерянности, чтобы опустить огромные ладони на оба предплечья и нависнуть надо мной серой тенью...

Но даже в уюте сизой мглы я заметила, как полыхают его неестественно зеленые глаза. Боже! Вот это глаза... Такие рисуют в комиксах, в сказках, чтобы усилить эффект злодея. Но в жизни я не встречала ни одного человека с таким цветом.

Я напряглась и сместила взгляд на его лицо. Красивый...

Прямой нос, чувственные губы, все тот же резкий профиль и белёсый шрам, что в свете бра и вовсе казался серебряной нитью, вшитой под кожу ленивой швеи с дрожащими руками.

Я растерянно перевела взгляд на придурка в кресле... Но недоросль и сам трясся как лист осиновый. Он смотрел на

здоровяка такими глазами, что мне даже стало его немного жаль. Недоросток соскользнул с кресла, словно уступая трон его истинному владельцу. А после отошёл на три шага к камину, поправил галстук и вытянулся по струнке...

Стоп!

Я снова повернулась, и в голове пронеслось: *«Ой, девка-а-а-а...»*.

— Это ты... Это ты!!!

Глава 3

— Я!

Здоровяк презирал понятие личного пространства. Он здесь был хозяином, властителем, пульсирующей силой, замкнутой в человеческом теле. До этого я не замечала, какой же он здоровый... Нет, не великан. Но его энергетика настолько мощная, что рядом с ним кажешься крошечкой.

А ещё его мрачность ощущалась физически... Будто тени могли вырваться из-за его спины и накрыть меня! От ужаса я не могла пошевелиться, не могла вдохнуть, кислород вмиг выгорел, превращаясь в углекислый газ, отравляющий меня изнутри.

Я машинально облизала пересохшие губы, чтобы разлепить их и заставить себя послать этого дьявола ко всем чертям. Но не могла. Бес подавлял меня одним лишь взглядом, и стало страшно представить, что он может сделать руками или словом. Но в следующий момент я оценила его способность:

— Дыши, Зараза, — скомандовал Бесадзе, и легкие расправились, впуская воздух, приправленный его сумасшедшим ароматом... Я не успела понять, чем же он пахнет, как Бес снова перешел в наступление.

Он рывком наклонился и потянул носом, пробуя мой запах. Этот жест был таким интимным, откровенным и пуга-

юще честным.

Он вдохнул меня, как сигаретную затяжку, смакуя и перекачивая отравляющий дым по языку. Он выглядел как зверь, обнюхивающий свою жертву, на случай, если ему придется брать след.

Чёрт, если бы я могла посмотреть в его глаза там, в коридоре, сразу бы все поняла! Ну не станет недоросток блондинистый нанимать таких красавчиков в охрану. Они ж на фоне своих амбалов должны выделяться. А как тут выделишься, если перед тобой идеал мужской красоты?

А его взглядом убивать можно! Глаза переливались, зрачок пульсировал, а мне зажмуриться хотелось, потому что он буквально въедался под кожу, в мысли, в самую душу...

Но как бы я мысленно ни сопротивлялась, физически оказалась полной размазнёй. Пялилась, как малолетка на шикарного мужика, а сама пыталась найти хоть что-то отвратительное, неправильное! Но даже его шрам казался таким соблазнительным, что запекло подушечку указательного пальца в сдержанном порыве повторить рваную линию, похожую на росчерк молнии в ночном небе.

Бес... Тимур Бесадзе.

Умопомрачительный красавчик, подонок и кровожадный ублюдок... А ещё в его руках находятся две жизни: моя и моей младшей сестры.

— И что это за ролевые игры? — я всё же собралась и прошептала, впечатываясь в кресло, чтобы случайно не кос-

нуться Беса губами.

— А врага нужно знать от а до я. Считай, это было знакомство. Спасибо, Коля, — Бес рывком поднялся, хлопнул в ладоши, и портьеры начали разъезжаться, впуская солнце в кабинет.

Плотное свечение рвануло прямиком на Бесадзе, ласково окутывая его мягким облаком. Если темнота сглаживала резкость черт, то свет явил мне всю его сущность...

Горло перехватило, я едва смогла сглотнуть скопившуюся желчную слюну. Но отступить уже было некуда, а паниковать поздно. Если он устроил этот спектакль, чтобы узнать меня, так не будем же отказывать этому засранцу в удовольствии.

— И что же вы узнали, Тимур...? — я замялась, пытаюсь вспомнить отчество, но в голове шуршал белый шум.

— Можно без отчества, — он чуть потянул плечами, сбрасывая напряжение, и наконец-то отошел, разрывая вакуум полного подчинения.

Чёрт, сколько ему? По разным данным возраст разбегался от тридцати пяти до сорока двух. Матушка природа щедро наградила этого ублюдка, а шкуру ему все же подпортили... Пусть и человеческой рукой. Я все никак не могла перестать рассматривать шрам, рассекающий густую щетину.

Вот есть такая каста мужиков, что великолепна и в лаптях, и в костюме от «Эрменеджильдо Дзёнья». И доказательство сейчас стоит передо мной, самодовольно перекатываясь с пятки на носок.

Бесадзе напрягся, медленно расстегнул пуговицу на пиджаке, на миг демонстрируя протёртую кожу кобуры, закреплённую на поясе брюк. Во рту все пересохло... Я заткнулась, а Бес усмехнулся, будто оценил и эту мою способность. А после опустился в кожаное кресло и начал машинально подмахивать какие-то документы. Золотая ручка так крепко лежала в его пальцах. Размах росчерка широкий, уверенный, как порхание ножа.

Он игнорировал меня! Словно и не слышал вопроса...

— Так что же вы узнали, господин Бесадзе? — упрямо повторила я вопрос.

— А то, что у меня с тобой будут больши-ие проблемы, — он резко вскинул голову, и в меня полетели копы его зеленых глаз...

Легкие сжались, пульс забил по вискам восторженной истерикой барабанов. Вдох, но воздух превратился в мелкие ледяные иглы, царапая слизистую, горло, язык, с которого ещё недавно с такой легкостью слетали острые словечки.

Стоп! Ты чего раскисла, Ками? И что? Какая разница, кто из них Бес? Он – твой тюремщик! Он — хозяин твоей жизни. Захочет — убьёт, и никто... никто не запретит ему этого, потому что он тут Бог!

— Проблемы? Так это ни для кого не новость... Это я и без вашего дешевого театрального представления могла рассказать. И поверьте, мой папенька прекрасно знает, какую именно дочь отправил вам. А если не сказал, то считайте, что

это его очередная подлость. Лично я к этому привыкла. Но вы правы, Тимур... У вас со мной будут огромные проблемы. Неужели вы думали, что, покупая девку, получите робкую лань?

Бесадзе хмыкнул, и его губы растянулись в грозной ухмылке. Он на миг прислонил золотую ручку к своим губам, а после пробежался по мне взглядом... Но как-то быстро! Осмотрел лицо, шею, широкий свитер, ноги... А после тяжело вздохнул и вернулся к бумажкам, словно они куда интереснее, чем моя чудаковатая персона.

Поставил последнюю подпись и передал блондинистому недорослю, что до этого момента словно и вовсе не дышал. Мужчина принял бумаги и закивал, безмолвно прося разрешения уйти с поля боя.

— Ну ошиблись, с кем не бывает... Тогда я пойду? Спасибо вам огромное за помощь, я клянусь, что мы вернем вам все до копейки! Хотите, расписку напишу? Я буду пахать сутками, не буду есть, спать...

— Сидеть! — снова рявкнул Тимур, и недоросток подскокил на месте, не успев выскользнуть из кабинета вовремя.

Бесадзе протяжно прорычал, пока ждал, когда свидетель все же покинет кабинет, а после резко повернулся ко мне.

— Это что за спектакль, девочка? — зашептал он, склоняя голову то вправо, то влево, как хищный падальщик, заметивший еще свежую тушку. Он будто выбирал, с чего начать лакомиться. — Ты не старайся, на меня женские исте-

рики и манипуляции не действуют, побереги силы для самобичевания. Купил? Серьёзно? — Бес расхохотался, и вибрация его смеха подстегнула ритм моего сердца. — Думаешь, меня возбуждают слёзы, мучения, а хер встает, лишь когда женщина куплена и привязана?

— Именно так я и думаю...

— Я тебя не покупал, — Бес откинулся на спинку кресла, и на лице его появилась улыбка... Но что-то мне подсказывало, причина его веселья мне не понравится. — Твой отец сам предложил оставить в залог свою старшую дочь... Поверь, нужно быть конченным придурком, чтобы мечтать купить себе пятьдесят килограмм проблем, даже если она божественно трахается, стоя на голове.

— Что? — я вскочила, но Бес снова посмотрел на меня так, что кровь в лёд превратилась, а потом захрустела, рассыпаясь мелкой холодной перхотью. — Что вы несёте?

— Несу добро и свет в этот бранный мир, где отцы продают дочерей. Ой... — вдруг Тимур рассмеялся, не скрывая удовольствия от моего шока.

Этот колдовской звук густым облаком опутал меня, скользя по рукам и ногам, а после ворвался в пустую иссохшую душу, довольно лупя по её стенкам. Его лицо расслабилось, но всего на мгновение. Но и этого было достаточно, чтобы убедиться в его совершенной красоте.

— Камилла, неужели он тебе ничего не сказал?

Быть может... Быть может, потому и нет его фото? Мо-

жет, это его фишка такая — прикидываться не собой, а каким-нибудь охранником, менеджером среднего звена, простым управляющим? От кого он прячется? Что скрывает?

Я словно нарочно заполняла мозг нелепыми мыслями, вопросами, лишь бы не вникать в суть произносимых Бесадзе слов. Нет, это неправда!

— Камилла, твой отец не просто потерял бизнес. Он в погоне за наживой потерял херову тучу моих денег... Нет, херову тучу херовых туч моих денег! — Бес поднялся и медленно обошел свой стол, присаживаясь на угол прямо напротив меня. — Он взял моё... А этого я никому не прощаю.

Стиснула челюсти, чтобы не выдавать своего страха. Смотрела прямо, даже умудрилась вскинуть подбородок, хотя внутри я умирала... Медленно, по миллиметру.

— И что? Вы хотите, чтобы я в это поверила? Отец вам должен денег, а у вас настолько добрая душа, что вы решили оплатить лечение его дочери? — фыркнула я и попыталась отвести от Беса взгляд, но не смогла.

— Ты можешь считать меня зверем и ублюдком, уверен, что ты не просто так тянула срок явки, а собирала на меня крохи компромата. И ты, Камилла, имеешь на это право. Но я понимаю, что ты чувствуешь. Три года назад я потерял сестру, мы были двойняшками... Добрая душа, говоришь? — хмыкнул Бесадзе, не скрывая горя от упоминания своей сестры. — Не обольщайся, это не про меня. Айке не смогли помочь мои деньги, а твоей сестре они помогут... Если ты

не будешь занозой в моей заднице.

Меня потрянуло от шока. Я вскинула глаза, пытаюсь распознать в его бархатной речи угрозу. Он что... Намекает, что если я буду доставлять ему неудобства, то он отменит операцию?

— Камилла, я не людоед и не работороговец. Просто заметил, как сильно ваш папенька любит дочерей, и решил, что это довольно весомый залог. К тому же, Камилла Самсоновна, у вашей семьи все равно ничего не осталось... Это не душевный порыв, это расчет и выгода. Поэтому повторяю, не обольщайся на мой счёт.

Не обольщаться... Это точно! Да по этому засранцу видно, что душу он давно дьяволу продал. Но чем он отличается от моего отца?

Болезнь мамы затмила всё! Мне было все равно на проблемы отца, мне нужно было водить Лильку в школу, готовить на всю семью, ходить на работу и заботиться о своей мамочке. Поэтому даже новость о банкротстве пронеслась мимо ушей. Я могла рассчитывать только на себя. И мои мама, сестра и бабушка могли рассчитывать только на меня!

А теперь мне говорят, что отец не просто обанкротился? Мы не просто потеряли стабильный доход, но и оказались должны половине города!

Зубы скрипели, стачивали эмаль, виски пульсировали, злость едкой желчью растекалась по языку. Я опустила глаза, выцепив на пушистом ковре маленькую соринку, и уста-

вилась на неё, пытаюсь вернуть контроль над своим телом.

Точно... Настенька. Отец самолично привез меня Бесу... Но я ехала ради сестры! А не ради своего слабого и безвольного папаши.

Интересно, а если бы Бесадзе не согласился оплатить лечение Лили, какова была бы моя судьба? Я была обещана до гарантий или уже после?

— Ну и мне действительно нужна фиктивная жена, чтобы закрыть пару вопросов, — он сообщил мне этот факт походя, совершенно не придав своему тону никаких красок.

Так говорят о погоде, о долгой зиме... А не о человеческой жизни. Не о моей жизни...

— И это не значит, что я буду трахать тебя... — Бес не просто издевался, он смеялся надо мной и тем, что слышал, будучи в роли охранника. — И поверь, мой агрегат всегда указывает полдень. Но об этом ты можешь только мечтать.

Чёрт... А что я ему наговорила? Кажется, что-то про «полшестого»? Про охранника для любовных утех... Стоп! Что он сказал?

— Мечтать? — хмыкнула я и откинулась на спинку кресла. — Как бы вам не пришлось ворочаться от вашего полдня.

— Не волнуйся за меня, Соболева. Ты побудешь рядом, пока твой старик не вернёт то, что украл. А потом можешь гулять на все четыре стороны. К тому же у меня есть жена.

Дьявол... У него есть жена? Значит, я и правда, его заложница? То есть... Я просто буду здесь жить? Никакого секса,

унижения и прочей чепухи из романов про мафию?

Горло стянуло, а мозг просто отказывался работать и складывать обрывки информации воедино.

— Что-то я не понимаю, — прохрипела я. — Я... Вы что, предлагаете мне стать младшей из гарема? Или что?

— Ну, хорошо, — он поджал губы и чуть прищурился, ослабляя силу своего въедливого взгляда. — Жена неофициальная, и в силу некоторых причин её существование не должно быть достоянием общественности.

— То есть её вы бережете? — я кивнула на его шрам. — А меня не жалко? Можно и в расход?

— Это не твоя проблема. Всё, что тебе полагается знать — браку быть, а сексу нет... И ещё, — Бес снова рассмеялся, но уже тихо. — Никакого охранника для плотских утех я тебе выделять не буду. Посидишь в тишине и спокойствии. Так даже полезно для твоего взрывного характера.

— А не боитесь, что мой характер рванёт? — процедила я сквозь зубы.

Злость опутала горло, медленно стягиваясь петлёй. Впивалась ногтями в ладони, рассчитывая, что боль поможет успокоиться! Но нет... Рядом с этим придурком невозможно быть спокойной.

— Скажу проще... Ты мне неинтересна, Камилла, — устало выдавил Бес и посмотрел на часы. — Ты — гарантия, что твой отец не сквозанёт в туман, как только выберется за пре-

дела страны. Признаюсь, я долго искал клинику здесь, но мы не укладывались в сроки, а операцию твоей сестре нужно было сделать ещё месяц назад.

— Знаю, — я кивнула и опустила голову, ударив пальцем по экрану телефона, где заставкой было установлено фото Лильки. Болезненное напоминание, что мир несправедлив.

— Тогда давай договоримся? Я не порчу тебе жизнь, а ты не портишь её мне. Уговор? — пугающе дружелюбно прошептал Бес, и вдруг дистанция между нами сократилась. Он снова навис надо мной, заглядывая в экран моего телефона.

И на миг показалось, что за холодом и опасностью в его глазах может скрываться что-то теплое, душевное и человеческое.

— Так меня не тронут?

— Ещё раз повторяю... НЕТ! Скорее ты свернешь кровь персоналу.

— Что мне можно делать? — я проигнорировала его подкол.

— А всё зависит от вашего с папенькой поведения. Будете тихими и послушными, твоя жизнь никак не поменяется: работа, автомобиль с личным водителем, охрана и обязательное возвращение в этот дом. Но тебе придётся рассказать своим друзьям, что ты без пяти минут замужняя дама. Признаюсь, в моих интересах, чтобы слух разошелся по округе как можно скорее.

Я уже поняла обманчивость его манёвра. Как только Бес

начинал говорить спокойно и так вкрадчиво, как только из его глаз переставало лить зеленое пламя ярости, то нужно ждать беды...

— А если ты, Камилла, попробуешь сбежать, то окажешься в пыточной...

В пыточной? Я же пошутила... Просто несла чушь. Но, кажется, сама и подкинула ему идею!

Бесадзе вновь наклонился, укладывая свою обжигающе горячую ладонь поверх моей руки. Я опустила глаза и застыла... Такие красивые руки: крупные, сильные, но при этом пугающе изящные. Пальцы длинные, костяшки ровные, ногти гладкие, аккуратно постриженные, на безымянном перстень с крупным чёрным ониксом, а по ободу тянулись какие-то символы.

Ворон, что ли, там выгравирован? Я было потянулась, чтобы рассмотреть получше, но тут Бесадзе так громко цыкнул, что у меня сердце замерло!

— Для тебя, зараза, я её построю! Слово даю, если будешь мне кровь сворачивать, — его слова вместе с горячим выдохом ударили мне в лицо, и я потянула носом, вбирая пьяный аромат замши, горькой ванили и табака...

Резкий купаж в одно мгновение проник в каждую клеточку, как смертельный яд. Бесадзе все усиливал хват, сжимая мои пальцы, как хрупкие веточки... Он демонстрировал силу и серьезность своих слов.

— Будь хорошей девочкой, Камилла, — очередной выдох

ударил в лоб, как смертельная пуля. — И тогда я позабочусь и о тебе, и о твоей сестре.

Хорошей девочкой? Кажется, я ею не была лет с пяти...

Я подняла голову и утонула в водовороте зеленой бури. В его глазах бушевал смерч, содравший зеленую листву со всех деревьев! Бесадзе смотрел на меня не как на женщину, а как на самую большую проблему в своей жизни...

— А теперь идём обедать, — он размял плечи и вышел из-за стола, указывая на дверь.

Я почему-то замолчала... Все мои колкости осели пеплом, я сжалась, сцепила руки, лишь изредка посматривая на телефон.

— Я могу позвонить? — шепнула я, понимая, что эту игру мы уже проходили, и Тимур кивнул, даже не обернувшись.

На этот раз я позвонила не Лиле, а отцу... А услышав его хриплый слабый голос, злость снова вернулась в ещё большем объёме, чем была там, у ворот этого дома.

— Я ненавижу тебя! Ненавижу всей душой! И если бы не Лилька, я бы пожелала тебе сдохнуть, оступить на лестнице и свернуть себе шею! — зашипела я в трубку, не желая слышать его жалкие отговорки. — Ненавижу! Вот теперь живи с этим, Соломон Соболев. С этого момента ты мне больше не отец. И я это делаю не для тебя, а для сестры!

Глава 4

Перед обедом мне было позволено осмотреть свою новую комнату и хоть немного собраться с мыслями. То ли Бесадзе заметил, что я едва сдерживаюсь, чтобы не разнести его дом в щепки, то ли просто устал от моего общества. Но думаю, он нарочно тыкал меня мордочкой в факт, что даже столь невинный шаг теперь нужно согласовывать с его «тёмным Величеством»!

И меня это жутко бесило! Сегодня он мне разрешает пойти к себе в комнату, а завтра что?

Я яростно хлопнула дверью своей «клетки» и, слабо видя через плотный занавес непролитых слез, рухнула лицом в подушку. А после... После дерущий глотку крик вырвался наружу.

Нет, это был не крик... Это был вой стаи бездомных собак!

Я рычала и лупила кулаками по гладкому сатину, сбивала одеяла, вгрызалась зубами, рвала, тянула! Билась головой о бархатное изголовье, надеясь, что полегчает. Но нет! Обида, злость и бессилие сомкнулись на горле тугим ошейником, напоминая, кто в доме хозяин, а кто – его покорный пушистый питомец.

Но была и более громкая мысль... Она затмевала остальные и вопила горном.

Отец отвел меня в залог... Оставил меня в ломбарде, как доставшийся от бабушки перстень или старую машинку «Зингер». Я стала той, от кого можно отказаться и выкупить себе шанс на выживание. Ещё неизвестно, вернётся ли он...

Тогда к чему был весь этот театр с вопросом: *«Ну, хочешь, я выберу тебя?»*. Можно подумать, это право есть у родителей! Да нет таких прав... Ты должен любить детей одинаково, должен беречь их, лечить. Но не отдавать в залог... Пусть и в обмен на жизнь одного из.

У меня в прямом смысле было раздвоение личности. Я так любила Лильку, что готова была в прямом смысле этого слова на всё. Правда, одно дело, когда ты делаешь это добровольно, а совсем другое, когда тебя ставят на кон сделки, прикрываясь болезнью дочери.

Ненавижу! Боже, как я его ненавижу!

Слабых и безвольных мужчин любить просто невозможно, невзирая на то, что он отец! Плоть от плоти, кровь от крови...

Но самое гадкое, я по глазам Беса видела, что у него нет никакой надежды на благоприятный исход. Ну откуда отцу взять деньги?

И судя по тому, что я успела узнать о Бесадзе, эта пауза могла означать лишь одно... Отец – потенциальный труп. И отсрочку он получил лишь из жалости к Лиле.

Я – залог... Лиля – гарант жизни отца. Хорошо устроилась, папенька... Остается уповать на его здравомыслие и на-

деяться, что он не разозлит Беса.

Когда первая волна ярости схлынула, я перекатилась на спину и уставилась в белоснежный потолок, наблюдая, как по ровному полотну скользят лучи солнца. Их оранжевый свет заполнял помещение, переливался в шёлковой отделке стен, играл в невесомых хрусталиках красивой люстры...

Тело пробивала дрожь, кровь уже не грела, зубы стучали, из глаз до сих пор лились бесполезные слёзы. Я даже дышала по своему приказу, ведь если сдохну, то Бес отменит акт благотворительности!

Я в очередной раз притормозила себя, напомнив, что мне всё равно на обиды и на отца. Главное, чтобы Лиле сделали операцию, а дальше будем действовать по обстоятельствам.

Во всяком случае, Бесадзе не врёт. А это уже что-то... Я заткнула крепчающий внутренний стон маленькой девочки, отцу которой грозит опасность. Мы – три элемента в уравнении, и, к сожалению, в итоге могут остаться лишь двое. Поэтому моя задача – спастись самой и вытащить сестру, а отец пусть разбирается со своими проблемами без нас.

Я оттолкнулась и поднялась, осматривая выделенную комнату, не в силах сдержать свист удивления.

Это была не комната, а целая квартира! Бесадзе сделал всё, чтобы я могла тут сидеть и не отсвечивать своим недовольным видом в его идеальном доме? А может... Может, он заранее готовился к тому, что меня придется запереть? Дальновидно, однако... А вот с моей стороны максимально

глупо. Я за сорок минут успела довести его до трясучки. Не рекорд, но твёрдое «удовлетворительно». А с другой стороны, его «тёмному Величеству» доза адреналина не повредит.

Помещение было просторным и довольно грамотно зонированным на функциональные пространства. Спальный уголок с огромной и божественно удобной кроватью, гостевая зона с диванами и мягкими креслами, у меня теперь был даже кухонный закуток с кофемашиной и мини-баром.

— Миленько...

Обернувшись, я заметила справа ещё две двери, надеясь обнаружить отдельную ванную. Первая створка распахнулась, впуская меня в пугающе огромную, но пустую гардеробную. Стеллажи до самого потолка, на полу пушистый ковёр персикового цвета, у окна туалетный столик с зеркалом... И отрезвляющей пощечиной стала моя спортивная сумка в центре бархатистого ковра.

Я выскочила из гардеробной, вошла в следующую дверь, и тут меня ждал сюрприз. Просторная ванная комната со всеми девичьими благами: пушистые коврики, мягчайшие полотенца, дорогой фен... В прошлой жизни у меня было всё это: и глубокая ванна у панорамного окна, и новомодная техника, и тонны косметики. Но правда жизни оказалась куда суровее – человек с лёгкостью проживёт без всех этих цацок, а вот без близких он медленно погибает.

И тогда я без какого-либо сожаления продала всё подчистую. Собрала шмотьё в баулы и отвезла байеру, согласив-

шесюся толкнуть хоть и брендовый, но «бэушный» хлам.

Но от прошлой жизни всё же кое-что осталось. Я машинально посмотрела в сторону гардеробной, где стояла моя сумка, напрочь забитая дорогим бельём, ведь это единственное, что продать было невозможно.

Последнее напоминание, что когда-то мы жили иначе. И семья у нас была другая. Дружная, шумная, веселая... И мы не предавали друг друга, не выбирали детей, не оставляли их в залог... И уж точно не умирали.

Я подбежала к раковине и начала плескать в лицо ледяной водой, благо назло отцу я сегодня не притронулась к косметичке. Не увидит Бес черных рек туши, хватит с него и красных от слез глаз.

— Годная клетка, — шепнула я, промокнув лицо полотенцем.

И тут из комнаты донесся настойчивый стук.

Демонесса и Домомучительница в одном лице тактично билась костяшками в дверь до тех пор, пока я не открыла.

— Что? Я куда-то опаздываю? — я закатила глаза и сделала шаг назад, но Альбина Марковна не вошла. Сомкнула руки в привычном жесте, опустила глаза, как подобало прислуге.

— Камилла Соломоновна...

— Знаю-знаю! — я посмотрела на часы. — Обед через сорок секунд.

Демонесса кивнула, поблагодарив, что не пришлось меня

уговаривать. Но ещё её пронзительный взгляд отметил то, что осталось от идеально заправленной кровати, однако на этот раз женщина не пропустила ни единой эмоции. Словно именно ничего иного от меня и не ожидала. Чего с меня взять? Дикарка...

Я шла следом, пытаюсь определить, в каком из крыльев дома находится моя комната. Панорамные окна коридора выходили во внутренний дворик, и вдруг вдали я заметила вышки с охраной...

Прелестно! Изящная тюрьма особого назначения.

— Дом состоит из четырёх крыльев, — монотонно затянула Демонесса. — В северном находятся гостиная, столовая, кухня и комнаты персонала. Западная часть охраняется магнитным замком, там кабинет Тимура Петровича и его личные апартаменты. В двух других крыльях личные комнаты его друзей.

Бесадзе слабо походил на гостеприимного человека, готового поделиться площадью ради друзей. Но, думается, я о нем ничего не знаю...

Признаться, архитектура дома даже восхищала. Длинный коридор напоминал галерею: слева – стройный ряд дверей, а вот стена справа была сплошным панорамным окном. Я быстро сориентировалась, прикинув, что эти окна как раз выходят на хозяйское крыло.

— Гостей у нас не бывает, поэтому не стоит беспокоиться. Здесь выход к бассейну, там же есть спа-комплекс, сау-

на, массажный кабинет. Если нужно, стоит просто позвонить штатному массажисту и определить удобное для вас время. Тут спортзал, дальше – библиотека...

Демонесса указывала на определенные двери, а вот часть она пропускала.

— Я так понимаю, вы мне очерчиваете контур дозволенного?

— Умная девочка, — фыркнула Альбина и толчком распахнула двустворчатую дверь гостиной. — Но некоторые комнаты заперты не потому, что там секреты, а потому что они уже очень долго пустуют.

Демонесса опередила меня в выводах и сразу намекнула на бесполезность шпионских вылазок.

Я уже даже не скрывала восторга, рассматривала интерьер, вызывающий во мне диссонанс. Бес с его мрачной физиономией и легкость современного интерьера. Это как лёд и пламя.

— По дому можете передвигаться свободно. Если нужно доработать вашу комнату, просто скажите, и я организую.

— Спасибо, мне ничего не нужно.

В нос тут же ударил знакомый терпкий запах замши, ванили и влажного дерева, а значит, Бес уже очень близко... Демонесса толкнула очередные двери, впуская меня в светлую столовую.

Бесадзе, естественно, сидел во главе стола и постукивал по тачпаду ноутбука, ожидая, пока накроют обед. Заметив

наше появление, он строго зыркнул на Альбину... И та резко хлопнула в ладоши.

Из-за скрытых дверей вмиг выскочили помощники, тоже одетые во все черное, их статус был подчеркнут лишь белыми фартуками.

Я стояла в центре, как остопоп, пока Альбина лично не разложила обеденный мат по левую руку от Бесадзе. Она нетерпеливо постучала пальцами по спинке кресла, намекая, что лучше бы мне поскорее занять своё место, что, собственно, я и сделала.

— Сегодня на обед бульон, легкий салат, телятина с картофельным пюре, — нехотя процедила Альбина. — Камилла Соломоновна, мне нужно знать ваши вкусовые предпочтения, аллергии и ...

— Она не ест манную кашу, — неожиданно хохотнул Бес, ни на миг не оторвавшись от экрана ноутбука. Обслуга порхала вокруг него, расставляла тарелки и приборы совершенно бесшумно, явно боясь потревожить покой начальника.

Я вообще думала, что он не заметил моего появления... Но оказалось, что он не просто заметил, но ещё и внимательно слушал бред, что я несла в его кабинете!

— Прикажете подать её на завтрак? — процедила Альбина, и я чуть не задохнулась от возмущения и обернулась к гадкой Демонессе. Но та неожиданно улыбнулась... Шутники, блин.

— Ага, — Бес кивнул и отбросил ноутбук на соседнее

кресло, когда помощники удалились. — И мелкое сито, комочки перетирать барышне будем. Ты свободна, Альбина.

Демонесса снова хлопнула в ладоши, и вся прислуга испарилась за скрытыми дверями.

В ушах застрекотало, сердце замерло, когда я поняла, что мы остались наедине.

Он нарочно выводит меня из себя?

— Услышу, что ты обижаешь Альбину, манку будешь есть с утра до вечера, — мягко произнес Бес, совершенно не смотря в мою сторону.

— А если не услышите?

— Все равно будет манка... У этих стен есть уши, поверь.

Я не могла понять своих ощущений... Я хочу есть? Хочу сбежать? Или снова разреветься? Вспомнила, что в последний раз я ела вчера. Приказывала руке взять ложку, но та не слушалась.

— Давай, ешь! А то как призрак. Подумай о свадебных фото! — снова хохотнул Бес, а после в два счета расправился с аппетитно золотистым бульоном.

И эта его улыбка стала бесить меня ещё больше. Пусть лучше орёт и говорит грубости... А ещё я не могла на него посмотреть.

— Это приказ? — процедила сквозь зубы.

— Ну, если тебе так проще, то да.

— Ненавижу приказы! — растянула губы в улыбке, а Бесадзе ответил оскалом. Опасным, животным и... многообе-

щающим.

— Так по-хорошему ты не понимаешь. Ладно, вываливай свои вопросы, — он махнул и отвлекся на входящее уведомление на телефоне. — Вижу, что тебя сейчас порвёт от их концентрации.

— А вы отдавайте хорошие и понятные приказы. Учитесь у Альбины Марковны! Сказала, обед через сорок минут, значит, так оно и будет... Запоздаешь — голодным останешься, — я прыснула смехом, и Бесадзе снова вскинул голову, будто сейчас меньше всего ожидал услышать мой смех. — Ладно. Свадьба, работа, ваша жена... Вы хотите сказать, что моя жизнь может вернуться в привычную колею, но взамен я должна отдать свободу действий? Охрана, слежка...

— Ну, если грубо, то да. Тебе придётся подстроиться под моё расписание, но если твой рабочий график будет мешать, то с работой придётся попрощаться.

Бесадзе сделал паузу, словно давал время, чтобы я затолкала своё возмущение поглубже в глотку и смирилась с неизбежным. И вот это уже было похоже на неоспоримый приказ.

— После объявления о предстоящей свадьбе ты будешь сопровождать меня на некоторых мероприятиях. Но есть и хорошие новости... Выходы в свет будут нечастыми, я терпеть не могу общество, поэтому большая часть нужных людей приезжают ко мне сами. И, как ты понимаешь, здесь ты тоже будешь нужна.

— Тимур, — я сжала ложку, медленно вода по дну белого

фарфора. — Я больше не верю в людскую доброту. Вы можете прикидываться сколько угодно, но я знаю, кто вы и чем занимаетесь, поэтому не стоит меня...

— Камилла, — снова зарычал он, теряя всю дружелюбность. — Я, может, и монстр, но не больной ублюдок.

— Серьезно? — я не выдержала и хохотнула, возвращая этот оскорбительный выпад обратно. — Именно поэтому я ваша пленница?

— Что-то я не видел ни разу пленников без попорченной физиономии и веревок.

— Ну, сегодня лишь первый день моей каторги, уверена, вы исправитесь.

— Нет, если ты считаешь сделку пленением, то за этот квест стоит поблагодарить своего отца, а не меня. И ещё... Я не больной придурок лишь потому, что вы обе ещё дышите! Пока...

Я только поднесла ложку ко рту, но она вывалилась обратно в тарелку, и я вскинула голову, смело встречая расстрел его одуряющих глаз. Его угроза клинком прижалась к шее, перекрывая ток крови. Всего несколько слов привели меня в чувства, напомнив, кто есть кто.

— Видишь? — самодовольно хмыкнул Бес. — Говорю же, с тобой по-хорошему не получится. Расслабься... Я терпеть не могу дерзких и холодных сук, а ты, Камилла, собрала в себе полное комбо!

Бесадзе откинулся на спинку кресла и закурил, лениво

пуская кольца дыма под потолок. Движения его были уверенными, неспешными, он наслаждался процессом, а я едва сдерживала желание прочитать ему лекцию о раке лёгких.

— Ты ненавидишь светское общества ничуть не меньше меня, но к этому ещё добавим неумение наводить контакт в коллективе, пугающую убежденность в исключительности твоего мнения. А ещё у тебя нет подруг, а это многое говорит о женщинах.

— Да? И что же это говорит? Поделитесь мудростью? — я бросила затею с бульоном и схватила румяный бриош, разломила, втягивая аромат ещё теплого мякиша.

— А то, что ты не умеешь идти на уступки. Всё берешь напором, силой, дерзостью. Но со мной, девочка, это не прокатит. Будем считать, что если твой отец справится с задачей, то я верну ему вышколенную дочь, — Бес был явно доволен собой, раз так широко улыбался, с вызовом смотря мне в глаза. — Так и быть, это станет презентом от фирмы... Акция: «Покорная дочь в подарок».

Чёрт... Да он провоцирует меня? Но для чего? Чтобы закрыть в комнате и отъехать от предложения относительной свободы? Ну нет... Я не поведусь.

— И уж тем более можешь быть спокойна за сохранность своего тела. Как женщина ты меня совершенно не привлекаешь... Тощая озлобленная сука – опасный партнёр в постели. Того и гляди горло располосует или член откусит, — прошептал Бес, и его губы снова дрогнули в ухмылке. — А

он мне очень нравится...

— Звучит самоуверенно, — я потянула плечами и хмыкнула, сделав вид, что его слова никак не тронули меня. — Ещё не встречала ни одного мужчины, кто бы жаловался на свой агрегат. Даже кривенькие коротыши вам кажутся бравыми генералами...

Чёрт! Что я творю? Камилла, заткнись!

Бес вскинул бровь, на его лице на миг отразилось... удивление? Я ожидала злости, хамства, ярости... Он даже мог меня ударить за дерзость, но удивление! Серьезно?

— Но и Кутузов был слеп на один глаз, — он поджал губы, словно сдерживал улыбку. Я бы даже расслабилась, если бы не полыхающая яростью зелень взгляда.

— Ну что вы сравниваете, Тимур Петрович? Кутузов в реальных боях глаз потерял. А ваши «генералы» в основном переносят «гусарский насморк» в силу беспорядочного освоения Марианских впадин на коммерческих основах, забывая про скафандры безопасности.

Я хмыкнула и снова оторвала взгляд от булочки, которую разбирала по крошкам, и чуть не закашлялась, когда заметила, что Бесадзе всем корпусом подался вперед, изучая меня, как заморскую зверушку. Его брови сомкнулись на переносице, глаза и вовсе будто в темную бездну превратились, переливаясь зелеными хрусталиками. А губы... Красивые полные губы стали белёсыми и напряженными.

Чёрт... Кажется, я ляпнула лишнее. По позвоночнику по-

полз липкий страх... Ещё ни один мужчина в мире не вводил меня в этот странный транс полного бессилия. Тимур одним взглядом мог толкнуть меня с обрыва в густой омут полного подчинения. И руки вновь перестали слушаться. Пальцы свело, и крошки падали мимо тарелки.

— Вы меня пугаете, — прошептала я, не в силах поднять голову.

— Да? А мне кажется, что ты непозволительно бесстрашна, — Бесадзе отмер и приложил к губам сигарету, делая ровную затяжку, а вот выдохнул он едкий дым прямо в мою сторону. — Это глупость, отвага или тактика ближнего боя? Думаешь, если доведёшь меня до ручки, я отпущу? Ерунда... Сопротивляющаяся жёнушка мне может даже очень понравиться. Подумай об этом, Ками.

Чтобы не задохнуться этой отравой, пришлось зажмуриться и не дышать, но как только я распахнула веки, из горла вырвался то ли вскрик, то ли стон...

— А жён вам много не будет?

— Кажется, у меня с тобой будут не просто проблемы, — его губы чуть ли не касались кончика моего носа, и я было дернулась отвести голову, но огромная ладонь легла мне на затылок, больно впиваясь пальцами. — Ты щетинишься, как дворовый котёнок. Рычишь, размахиваешь коготками, а сама трусишь задать вопрос в лоб. Даю тебе последний шанс...

Я открыла рот, чтобы сделать вдох, а Бесадзе сжал губы и вытолкнул тонкую струйку дыма... И даже в этом мареве, в

этой пытке я могла лишь пялиться в его нереальные зеленые глаза с пульсирующим черным зрачком.

Нужно запомнить, что обедать на соседних креслах – плохая идея. Очень плохая идея!

— Мы оба понимаем, что мой отец не сможет вернуть вам деньги, — прошептала я, замечая, как меняется его взгляд... Бесадзе толкнулся чуть вперед, словно впервые услышал от меня нечто стоящее. — И мы оба понимаем, что ни одно женское тело не стоит целого состояния. А значит... Значит, мне придётся отрабатывать. Поэтому я буду благодарна, если вы сразу скажете, что вам нужно.

— Ну а что ты умеешь? — снова оскалился Бесадзе и чуть повернул голову, чтобы затянуться, но руки с моего затылка не убрал. — Потанцуй, что ли...

— Козёл! — я вскочила, бросила салфетку на стол и выбежала вон из столовой, еще долго слушая раскидистый смех этого засранца.

Он – гребаный охотник! Его взгляд – смертельные отравленные стрелы, его смех – звуковая волна, его руки – кандалы! И мне нужно бежать отсюда! Как можно скорее...

— И не трожь моих охранников, Камилла! Они не для плотских утех... Во всяком случае, с моей будущей женой!

Боже, этот смех... Он продирал до души, сжимал горло, лишал кислорода и замыкался в голове, преобразуясь в гулкое эхо! Во что я влипла...

Глава 5

Этот Бес меня доканает... Иначе как объяснить, что я совершенно не помню, как вернулась в комнату и как уснула, даже не удосужившись раздеться?

И даже сейчас, когда глаза выжигает ярким солнечным светом, я до сих пор не могла запустить работу мозга. Но зато с этим справилась тревога... Она заскребла где-то под сердцем, и я мигом вскочила, разрывая одеяла в поисках телефона.

— Дура! Боже, какая же я дура, — в какой-то момент я словила паничку, и стала захлебываться воздухом, но как только отрыла гаджет, протяжно заскулила.

«Мы долетели, уже в клинике, как только куплю местную сим-карту, позвоню. Прости меня, Ками... Но порой, чтобы спасти близкого, нужно принимать сложные решения».

Я несколько раз перечитала СМС, а после упала на кровать и начала щипать себя за щеки, избавляясь от остатков сна.

— Сложные решения...

Как бы не было мерзко, но с этим я была вынуждена согласиться.

Даже во сне я снова и снова прогоняла всё, что мне удалось узнать за вчерашний день. И итог меня не воодушев-

лял... Отец делал все для Лильки, и я тоже делала всё для своей сестры. Исходные данные не поменялись бы, расскажи он мне правду, как, собственно, и конечный результат остался бы прежним. Я бы все равно пришла к Бесадзе...

От сумасшествия заевших мыслей меня вырвал тихий, но настойчивый стук в дверь.

Демонесса... И эта дамочка точно не уйдёт! Поразительно, что она в силу своей педантичности и дрессуры не вытащила меня к ужину в бессознательном состоянии, как того требовал установленный график приёма пищи!

Но ошибочность моих мыслей подтвердилась, как только я поднялась с кровати. Взгляд упал на зеркальную консоль возле двери, на которой стоял поднос с ужином. Не разбудила, но еду принесла... потому что график!

— Камилла Самсоновна, доброе утро, — сходу начала Альбина Марковна, внимательно оценивая мой внешний вид... И стоит признать, даже ей не удалось скрыть отвращения к увиденному. — Завтрак будет подан через час...

— Я могу поесть в комнате? — буркнула я, но мой пустой живот был громче, и старушка недовольно покивала, увидев нетронутое и уже засохшее каре ягнёнка, обваленное в пряных травах.

Я была так голодна, что если бы не присутствие домоправительницы, то сожрала бы его даже в таком виде! Но Альбина все поняла по моему взгляду и поторопилась унести поднос от греха подальше.

— Нет. Тимур Петрович сообщил, что ваше присутствие обязательно. Он желает познакомить вас с... — и вот тут Демонесса замолчала, пытаясь подобрать нужное слово.

И её говорящее выражение лица обнажило куда больше, чем того хотела Демонесса. Судя по всему, Бес хотел познакомить меня с дамой сердца, а вот Альбине Марковне эта мамзель совсем не нравилась.

Хм... Как интересно!

— Приведите себя в порядок, умоляю, — Альбина закатила глаза, а после развернулась и бодро зашагала прочь.

— Соберись! — приказала я самой себе и отправилась в гардеробную, чтобы уже разобрать свою сумку.

Моя одежда уместилась на двух полках, и картина выглядела весьма жалко... Две пары джинсов, стопка футболок, несколько спортивных костюмов, тёплый свитер и дежурное чёрное платье, подходящее ко всем праздникам.

Зато от обилия белья пришлось с силой закрывать ящик комода.

Какая прелесть...

Прихватив косметичку, я направилась в ванную и, не смотря на себя в зеркало, быстро разделась и ступила на холодный подиум из шершавого камня. Врубила сначала горячую воду, потом переключила на ледяную... И чередовала до тех пор, пока голова не начала функционировать.

Злить Бесадзе бессмысленно. Он вчера доказал, что даже если я не привлекаю его как женщина, он может сделать

со мной все что угодно. И не смутит его ни загадочная дама сердца, ни голос разума. Ненависти к моему отцу в этом мужчине куда больше!

Но и не злить его я не могла... Он вчера мне столько наговорил, что до сих пор внутри все огнём полыхает.

Когда я подошла к запотевшему зеркалу и смахнула с гладкой поверхности пар, картинка уже не пугала. Я снова была обычной. А здоровый румянец говорил о том, что я наконец-то выпалась.

Высушила волосы, чуть подкрутила кончики, а после переделась в велюровый спортивный костюм и вернулась в комнату. До завтрака было ещё полчаса, а желудок уже сводило от голода... Но тут на глаза попалась кофемашина.

Я заправила кровать, выставила даже подушки, как делала это Альбина. Несмотря на её гадкий характер, я интуитивно понимала, что такого рода союзник мне не помешает.

Сделав глоток кофе, я снова достала телефон и, уповая на то, что Лиля подключилась к местному интернету, набрала её по видео в мессенджере. Долгие гудки нервно скакали по стенам, а моё сердце билось все быстрее и быстрее...

— Ками! — прошептала моя птичка, медленно поднимая телефон, чтобы я могла увидеть её бледное личико. — Ты с ума сошла? У нас ещё пять утра...

— Прости, родная! Просто посмотрю на тебя, и можешь спать дальше, — я научилась сдерживать слезы, научилась фальшиво улыбаться, и эти навыки сейчас мне очень помог-

ли. — А лучше закрывай глазки, а я спою тебе песенку. Хочешь?

— Ты как? — тихо спросила Лиля и попыталась улыбнуться, чтобы успокоить меня.

— У меня всё хорошо. Не переживай... Где отец? Он с тобой был? Всё хорошо?

— Да, был. Но потом медсестры выгнали его из палаты. Тут при больнице есть гостиница, теперь он ночует там, — мы с Лилей хихикнули, потому что наш отец храпит как трактор. — Меня проверяют каждый час. Всё хорошо, Ками... Я тебя очень люблю.

— И я люблю тебя, моя крошка. Ты как проснёшься, набери. А то отец написал сообщение, что пока не купит симку, не сможет позвонить, будто в мире интернет вырубил! — фыркнула я, ощущая, как новая пружина ярости закручивается в груди.

— Ками... Дай поспать, пожалуйста! — снова улыбнулась Лиля, но на этот раз вполне искренне.

— Спи, мой птенчик... Спи...

Как только я отбила вызов, в дверь снова постучали.

Я расправила складки на кровати, на случай если Демонесса тут строит тюремный порядок, и во время бодрствования запрещено касаться койки.

Альбина Марковна по традиции входить не торопилась, лишь протянула довольно внушительную стопку знакомых мне каталогов модных домов.

— Тимур Петрович велел выбрать вам всё, что пожелаете. Сегодня вечером в доме будут гости, он предупреждает заранее.

— Ничего я выбирать не буду, — вмиг вскипела я и оттолкнула каталоги вместе с назойливой домохозяйкой.
— Так и передай Бесадзе...

А после... после я захлопнула дверь.

Почему, как только речь заходит о Бесе, моя кровь начинает бурлить, как лава в кратере вулкана? Мозг отключается, все здравомыслие, на которое я себя настраивала, стоя под холодным душем, вмиг разбилось о злость.

«Потанцуй, что ли...»

Придурок! И что? Я теперь должна танцевать перед ним? И привыкать, что моя жизнь будет состоять из диалогов через прислугу? Он не мог дождаться завтрака, чтобы выдать мне свои приказы? Или я должна знать своё место? Пленникам и заложникам на ножках слова не давали?

И вдруг снова стук... Но этот звук был куда резче, чем до этого.

Предчувствие лопнуло тревожными струнами... А чего я ждала? Хорошо, что дверь не взорвалась миллионом щепок! Услужливая Альбина передала хозяину все слово в слово...

Не этого ли ты, Камилла, хотела? Получай!

— Доброе утро, Тимур Петрович...

Я растянулась в самой широкой, из имеющихся в моем арсенале, лживой улыбке, как только распахнула дверь. И даже

собралась припасть к дверному косяку, чтобы не дать Бесадзе войти, но этого козла ничего не могло остановить... Он оттолкнул меня, как пушинку, а после подхватил за ворот и потащил в пустую гардеробную.

— Либо ты заполнишь эти полки, либо это сделаю я! — Бес толкнул меня вперед, а после более резким движением прижал спиной к своей каменной груди.

Удар был таким мощным, даже болезненным, что я невольно запищала. Но ему было все равно... Тимур обхватил моё лицо ладонью, зажав подбородок между большим и указательным пальцем. Я оказалась обездвижена... Парализована как эмоционально, так и физически.

Уловила наше отражение в ростовом зеркале напротив, и больше не могла оторвать глаз... Он возвышался надо мной огромной скалой, а каждая моя попытка вырваться казалась биением глупой птички по каменистому склону.

Спиной ощущала его жар и влагу, словно он только что вышел из душа. В нос ударил аромат моря, замши, табака... Вдохнула и закрыла глаза, зачем-то удерживая это облако соблазнения.

— Ну что ты за глупая птичка, — он шептал, потираясь колючей щетиной о мою щёку, а его пальцы медленно усиливали хват. — Ты можешь сопротивляться, рыдать, биться в истерике. Можешь голодать и жалеть себя, бедную и несчастную... Но с этой минуты, Ками, каждый раз созваниваясь с сестрой, ты будешь чувствовать жуткую вину, — Тимур по-

нял, куда я пялюсь, и толкнул меня вперёд, подводя к зеркалу ближе.

Его вторая рука проскользила по спине, и он перехватил меня за запястья, окончательно фиксируя, как червя на остром крючке спиннинга.

Я попыталась вдохнуть. Но тут Бес чуть сместил пальцы и нажал на бьющуюся в истеричном танце венку, демонстрируя, насколько выражение «моя жизнь в его руках» реально.

— Ей страшно и больно, а ты мне кровь сворачиваешь из-за тряпок! — Тимур наклонился, практически укладывая подбородок мне на плечо, и шептал на ухо, обезоруживая обманчиво ласковым тоном.

Но я-то чувствовала его бушующую ярость! Она долбилась о рёбра ударами его сердца. На миг показалось, что от его гнетущей энергетики даже в комнате стало темнее... И ощущение, что этот мужчина владеет армией теней, лишь усиливалось. Набежавшая туча полностью закрыла солнце, и гардеробная утонула в сизой мгле.

Я слышала унисон наших пульсов... Этот звук эхом скакал по пустому пространству, разгоняя мою кровь до предела! Но вместо покорности желание сопротивляться становилось все сильнее и сильнее...

В зеркальном отражении его глаза и вовсе казались желтыми. Прошёлся по рукам, осмотрел тонкую, чуть задравшуюся на животе майку, вернулся к лицу... И снова прижался колючей щетиной к щеке.

— Всего один отказ, а ваша кровь уже вскипела? — не знаю, откуда у меня взялись силы, но сдаваться просто так я не привыкла. — Рано, Тимур Петрович. Я бы даже сказала преждевременно. Начнём с того, что я не то чтобы отказала... Просто сначала хотела обсудить один нюанс. Мой отец и так должен вам денег, вы думаете, я чокнутая идиотка, и стану увеличивать его долг из-за никому не нужных тряпок? Я видела предложенные каталоги и знаю, сколько это всё стоит. И хотела предложить...

— Будем считать, что это представительские расходы. Ты — кукла... И одеваться куколка должна красиво. Всё верно, Ками?

Моё имя он не просто произнес, он его прохрипел, едва клацнув зубами по мочке уха. Чувствовала, как его пальцы бегают по моим, словно что-то ищут... Поглаживание медленное, внимательное... А после по безымянному пальцу проскользило что-то холодное, и я ахнула.

— Ещё раз сдашь его в ломбард, я запру тебя в этой комнате на месяц! — рявкнул Бесадзе и оттолкнул меня. — И покажу, что значит быть настоящей заложницей!

Так вот почему он злится? Заметил, что подаренного колечка нет?

— Ясно? — рявкнул он, и я подпрыгнула, вытряхивая из себя всю браваду... Старые фокусы не работают, будем придумывать новые.

— Ясно, хозяин, — я вытянула из-за спины руку и про-

шла по ободу своего кольца... Оно вдруг напомнило мне его перстень: белое золото, квадрат черного оникса.

— Идём завтракать, — поступила новая команда, и я покорно последовала за Тимуром. — Ты уже опоздала!

Притормозила, чтобы накинуть кофту, когда заметила Альбину, что с довольным видом и гадкой ухмылкой положила стопку каталогов на консоль, где ещё недавно стоял поднос с едой.

— Ой, девка... Я рекомендую тебе самой выбрать тряпки, если не хочешь, чтобы это сделала ОНА...

Демонесса вновь не смогла подобрать нужную характеристику той загадочной даме, а может, попросту не хотела. И тут моё любопытство победило даже злость на Бесадзе.

— Предлагаю перемирие, — я протянула руку Альбине и хлопнула ресницами. — Согласна, знакомство вышло не очень... Но любому человеку нужно время на адаптацию.

— Ты мне глазюками своими лживо-наивными не хлопай, я людей насквозь вижу.

— И что же вы видите?

— Кобру! Ещё молодую, но набирающую силы кобру, — Альбина расправила плечи и хитро прищурилась. — Что ты задумала, девка? Ты же знала, что я передам Тимуру Петровичу всё слово в слово... Знала! И тем не менее, поделилась дерзостью.

— Конечно, знала, — я улыбнулась, а после вышла из спальни. — Он не будет передавать мне приказы через вас,

как наложнице низшего ранга! Теперь пусть приходит сам! Я соглашусь, потому что, как ни крути, я в его власти... Выпню любую прихоть, исполню приказ, так как ради сестры я готова на всё! Но приказывать этот засранец впредь будет, глядя мне в глаза!

— Хитро... — тихий шепот ударил в спину, но я сделала вид, что этого не услышала.

Альбина опередила меня, чтобы открыть дверь столовой, и я готова поклясться, на её лице переливалась улыбка.

— А чего вы улыбаетесь? — шепнула я. — Неужто меня ждёт обещанная манная каша?

— С комочками, — гордо прошептала Альбина, можно подумать, она самолично всё утро их катала.

Я вошла в столовую, и мой запал чуть угас, потому как рядом с Бесадзе я заметила ЕЁ...

Глава 6

— Это она?

Первым ударом была звуковая волна... Сначала меня оглушило противным писком, застрявшим на перепонках ультразвуком.

Вторым ударом стала ослепительная вспышка, от которой глазные яблоки чуть не полопались.

Оружие массового поражения какое-то, а не дама сердца...

— Тимур, это она? — ожил источник зубодробительного писка, после шаркнули ножки кресла и из-за стола поднялась ОНА...

Жгучая брюнетка, наплевав на все законы этикета, таранилась на меня так, словно я тайком в её дом пробралась. Хотя-я-я... так она это и видела.

И тут слова Альбины обрели и смысл, и форму. Дамочка явно надела всё лучшее сразу. Сверкала ярче новогодней елки! Да-а-а-а... Пожалуй, лучше я сама выберу себе шмотки.

Интересно, это она на нервах решила меня сразить своим великолепием, или это её обычное состояние?

Мда... Её дорогое платье, переливающееся пайетками, если и подходило к завтраку, то исключительно цветом теплого молока. В остальном было ощущение, что она только что вернулась из клуба и ещё не успела снять образ блудни-

цы с залакированным начесом. То ли брендовые туфли были неудобные, то ли она нервничала, отчего её мощный обвес из золота звенел, как детская погремушка. Кольца, браслеты, длинные сережки... все и сразу.

Но стоит признать, при полном отсутствии меры, красоты ей было не занимать. Идеальная кукла... Этакая современная Шахерезада с по-восточному раскосыми глазами, густо подведенными черным карандашом. Светящаяся молодостью кожа, пухлые губы, покрытые алым блеском, широкие брови.

В какой-то момент я даже поняла Беса. Они вместе и смотрятся так органично. Он – кусок тьмы с замашками тирана, и она – загадочная тень.

Однако, чем дольше она смотрела на меня, тем больше раздражала. Не сама, а её немое ожидание благодарности. Не двигалась, словно я должна была в ножки ей упасть и благодарить, благодарить! Но за что? За роль обслуги их семейства, по какой-то причине хранящей в тайне эту явно порочную связь?

Ничего подобного...

— Всем доброе утро, — я как ни в чем не бывало опустилась в кресло, уложила салфетку на колени и с любопытством посмотрела на Демонессу. — Альбина Марковна, пора хлопать в ладоши... Я умираю с голода!

Готова поклясться, что услышала смешок Бесадзе. Но решила, что ни он, ни его украшенная «ёлка» не дождутся мо-

ей реакции, даже если начнут сношаться прямо на столе.

Но как бы я себя не убеждала в этом, взгляд так и полз к соседнему креслу... Бес казался расслабленным, красивые мужские ладони спокойно лежали на подлокотниках. И тут в глаза бросился его перстень. Широкий обод белого золота, испещрённый странными символами, квадратный чёрный оникс... Вот только перстень переключался на безымянный палец правой руки. Какая предусмотрительность... Тимур нарочно тряхнул рукой, сбрасывая тяжесть моего взгляда, и рывком потушил сигарету...

— Камилла, знакомься, это Малика, — голос Бесадзе цапнул невыносимым холодом. По спине побежали мураши, я даже плечами дёрнула от неожиданных ощущений.

— Очень приятно, — я улыбнулась, но мельком. А от необходимости смотреть на дамочку меня спасла Альбина, подкатившая тележку с фарфоровым горшочком.

Демонесса снова хитро прищурилась и, не отводя от меня взгляда, принялась мучительно медленно поднимать крышку посуды... Вот зараза!

Драть друг другу нервы — норма этого дома? Тогда я, кажется, здесь приживусь. Хоть Альбина и упивалась напряжённостью момента, но я уже по запаху определила, что там моя любимая пшённая каша.

— Я знаю, что ты будешь оказывать Тимуру некую услугу, — снова запищала дамочка, совершенно игнорируя моё имя. Зато на слове «услуга» она сделала странный акцент. Я даже

растерялась от прозрачной пошлости её намёка.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, но росла я в интеллигентной семье. Отец руководил банком, мама всю жизнь проработала в университете, а все бабушки и дедушки были врачами. И меня с детства учили, что к гостям нужно обращаться по имени. Это база воспитания!

Но дамочка отчаянно хотела меня принизить, указать на отведенное мне место, оттого и выбрала уничижительный тон. Моя бабуленька была хирургом и в таких случаях грозила зашить рот крестиком, исключительно в воспитательных целях.

Стоило вспомнить мою любимую бабушку, которую мы похоронили чуть больше месяца назад, как взгляд помутился от слёз. Но я их прогнала... Нельзя плакать! Запрещаю!

— И я очень тебе благодарна, Камилла, — продолжила Малика после театральной паузы. Хоть голос и сочился спокойствием и уверенностью, но тревожное бряцанье многочисленных браслетов выдавало её состояние с потрохами.

Боже, эта сладкая ложь, срывающаяся с её губ, портила весь аппетит... Ни одна нормальная женщина не будет благодарна другой женщине, что по контракту должна исполнять роль возлюбленной.

Королева драмы, блин...

Я невольно взглянула на Бесадзе, но даже он уловил фальшь и удивленно вскинул бровь, развернувшись к Малике.

— Никаких проблем. Обращайтесь... Играю жен, любовниц. Подрабатываю плакальщицей, это у меня выходит особенно уморительно, — я снова выдала отрепетированную улыбку вежливости и приступила к завтраку, уловив, что теперь Бесадзе развернулся ко мне.

Он смотрел так, как смотрят на источник опасности... Тело напряжено, пальцы вонзились в подлокотник... Наверное, он ждал скандала и истерики? Нет... Наши игры не для посторонних глаз, Бес. Это персональная схватка без свидетелей.

И пора делать ход...

— Тимур Петрович, наш вчерашний диалог зашёл в тупик в силу моего эмоционального состояния. И я прошу прощения за резкость, — наимилейшим тоном заговорила я, обращаясь к Бесу. И готова поспорить, что его лицо вытянулось от шока. — Но с утра я созвонилась с сестрой, убедилась, что она в клинике, и теперь готова обсудить условия нашего сотрудничества. Я, правда, могу начать искать работу?

— Выбери банк, остальное я улажу, — сухо ответил Тимур и приступил к завтраку, наконец-то отведя прожигающий лазер своего взгляда.

— Тогда я хочу вернуться в «Симбир». Он наверняка тоже принадлежит вам? — я вскинула бровь и повернулась к Тимуру, но в ответ получила лишь короткий кивок.

Кажется, кто-то быстро учится... Бес стёр эмоции и теперь даже не смотрел в мою сторону. А вот его «мадам Брош-

кина» хлопала губами, как немая рыба, явно недовольная нашим разговором. А ещё я заметила, как она растерянно смотрит на моё кольцо... Поэтому нарочно потянулась к дальнему блюду, чтобы ей было лучше видно.

— Я слышала, что тебе нужно подобрать гардероб? — Малика снова нацепила идиотскую улыбку, в очередной раз проигнорировав моё имя. — Хочешь, я помогу... Я как раз вернулась из Милана...

Малика лениво гоняла черри по фарфоровой тарелке, с ужасом наблюдая, как я уминала уже третий бутерброд с маслом и красной рыбой. Она даже не пыталась скрыть осуждение! Но я назло щурилась от удовольствия, радуя Демонессу своим аппетитом.

— Малика, я вам благодарна, но не стоит, — перебила я её, не дав закончить заготовленную колкость. Она, наверное, не знает, что побирушкой, зависящей от Беса, я стала совершенно недавно. — С этим я справлюсь самостоятельно...

Двери столовой грохнули, впуская широкоплечего мужчину. В его глазах читалась паника, движения резкие, дыхание сбито. А следом вошёл тот самый Недоросль, что отыгрывал роль хозяина при нашем первом знакомстве.

— Тимур Петрович!

Бесадзе оттолкнулся от стола и вскочил, не позволяя блондину подойти ближе, а после и вовсе выдворил всех за дверь.

— Милочка, я вам очень сочувствую. Это так несправед-

ливо... Отец обанкротился, похороны мамы, бабушки, сестра на волоске от смерти, — Малика неожиданно наклонилась над столом и накрыла мои пальцы своей ледяной ладонью.

Я чуть не подавилась от шока! Стоило Бесадзе выйти, как от маски её чопорной воспитанности и благодарности не осталось и следа. Я с силой отдернула руку и демонстративно обтерла её о салфетку.

— Несправедливо – когда чужая женщина должна играть твою роль. А то, что случилось с моей семьёй – моя личная трагедия, — прошипела я, чуть наклоняясь над столом, чтобы возившаяся у кофейного стола Альбина не могла меня услышать. — Мне не нужна помощь, я предлагаю тебе комфортное соглашение: я не трогаю тебя, а ты завязываешь спекулировать на моих болевых точках. Поверь, Бесадзе фиолетово, будем мы с тобой дружить или нет. У него свой интерес, у меня свой. Я в этом доме заложница обстоятельств... И не более!

— Договорились!

Голос брюнетки перестал быть похожим на писк мыши, в нем зарокотала откровенная, ничем не прикрытая ненависть, а огромные черные глаза полыхнули пламенем, наконец-то выдавая толику правды.

— И ещё... Увижу, что для тебя игра закончилась, увижу, что ты решила оттянуть сделку, дабы задержаться в этом доме подольше — убью! Знаешь, сколько таких молодых и

нищих вилось возле Тимура? А я их всех уничтожила... И тебя размажу, наплевав на всю твою трагедию!

Роковуха с остервенением воткнула вилку в помидор и тот треснул... рассыпаясь брызгами на её платье.

— Я буду носить оникс! Я буду сидеть по правую руку от него, — продолжала шипеть Малика, буравя меня своими колдовскими глазищами.

Боже... Она больная, что ли? При чём тут оникс? Не самый дорогой камень, а, судя по наряду, она может себе его позволить. Сидеть по правую руку? Да сколько угодно! Ну кто мешает-то? Или я чего-то не понимаю?

— Ты меня поняла?

Я не выдержала и рассмеялась. Ну ладно, Бесадзе... Слушать его угрозы даже как-то возбуждающе, что ли. Он хотя бы имеет на это право! И я даже уважаю его за обескураживающую честность! И за внутренний стержень тоже уважаю. Он, наплевав на подлость моего отца, помог невинному ребёнку. Пусть в память о своей сестре... но помог! И любое его обидное слово уже давно оплачено каждым новым вдохом Лили. А вот от этой куклы слышать угрозы я не намерена!

Но Малика явно не шутила. Её напряженная поза, взгляд, искривившиеся губы — все говорило о решительности. Но тут я сама виновата. Впервые решила показать своё воспитание, сдержанность... Чёрт, да я ей даже улыбалась!

Малика неверно восприняла моё затянувшееся молчание,

ошибочно определила меня в слабого противника и продолжила ломать:

— А ещё... Не знаю как, но я бы на твоём месте поторопилась с разрывом вашей сделки, — зашептала Малика. — Тимур много лет назад похоронил свою жену... Не хотелось бы, чтобы тебя постигла та же участь. Моська у тебя милая... Жалко будет хоронить в закрытом гробу.

За спиной раздался грохот бьющейся посуды, но я даже не дрогнула. Понимала, что, скорее всего, Альбина все слышала и не смогла сдержать эмоций. Но я не подам вида...

Какого чёрта?

Ну, вот почему, как только ты пытаешься быть нормальным человеком, пусть и попавшим в самую дерьмовую ситуацию, на пути встречается какая-нибудь пустая дрянь и запускает свои грязные пальцы в кровоточащую рану?

Я заставила себя дышать... До боли прикусила язык и медленно втянула воздух, рассчитывая, что сейчас отпустит. Улыбалась, шурилась, рассматривала Малику, все отчетливее подмечая и проступившие морщинки, и линию корсета, из-за которого она и не могла нормально дышать. И стало понятно, что она уже давно не девчонка, хоть и пытается своим писком пустить пыль в глаза.

Сколько ей? Явно за тридцать... А учитывая колоритность внешности, возникает вопрос – почему она до сих пор не замужем, и почему чувствует себя хозяйкой в доме чужого мужчины? Не это ли они пытаются скрыть? Но от кого?

— Какой ценный совет, Малика. Сама поделишься подробностями смерти его жены? Или мне уточнить у Тимура Петровича? — выплюнула я и с удовольствием наблюдала, как эта дрянь стремительно бледнеет от ужаса. — Исключительно из инстинкта самосохранения. Быть может, он подскажет, как мою милую моську уберечь?

— Не смей! — Малика вскочила, кресло с грохотом упало, но Альбина была на чеку. И не для того, чтобы помочь дамочке, а чтобы скрыть разразившейся скандал от хозяина.

— Отчего же? Ты сама мне вывалила личное Бесадзе. Хотела напугать? Не получилось... Но любопытство ты моё пробудила. Ладно-ладно, можешь не рассказывать. Теперь мне даже хочется узнать, что ответит скорбящий вдовец.

Нашу перепалку прервал вернувшийся Бесадзе, благо он говорил по телефону, потому мои слова утонули в его рычащем голосе. И слава богу...

— Малика, собирайся, Сергей отвезет тебя домой, — Бесадзе выплюнул приказ, и дамочка окаменела.

Она вытянулась по стойке смирно, сложила руки по швам и гордо вскинула подбородок, но от меня уже было не скрыть истерику в её взгляде. Вот так глупые мышки попадают в свои же ловушки... Дура.

— Но как же... — проблеяла она, позорно теряя образ роковухи.

— Сегодня у меня будет важная встреча, и тебе на ней присутствовать не стоит. — Бес собрал со стола свои вещи

и, чуть подталкивая смущенную Малику в спину, удалился из столовой, бросив мне через плечо: — Одежду закажи! А насчет банка я тебе чуть позже напишу.

— Но ты, мой милый супруг, не узнал даже номера моего телефона! — я с точностью скопировала лживый писк Малики и захлопала ресницами, надеясь, что его сдует потоком воздуха.

— Обижаешь, Зараза, — шикнул Бесадзе в щель уже закрывающихся дверей, царапая меня широкой улыбкой.

Бинго... Я довольно выдохнула, откинула голову на спинку кресла, желая насладиться ощущением триумфа, но тут же столкнулась с полыхающим от восторга взглядом Демонессы.

— Ну? Как вам ведьма в действии? — лениво протянула я и снова приняла вертикальное положение. Кофе уже остыл, но домоправительница тут же заменила чашку.

— Пойду в лес схожу. Метлу тебе, что ли, сооружу, — усмехнулась Альбина и шмякнула мне в тарелку добавку каши. — Но, чур, дома не летать!

Глава 7

Пытаясь сбросить напряжение, сразу после завтрака я побежала вон из дома... Неслась по территории, быстро-быстро передвигая ногами. Задыхалась, из глаз текли слезы, из груди рвались хрипы. Но я не останавливалась!

Знала, что так будет... Знала! Слишком долго я верчусь в этом прогнившем обществе, чтобы рассчитывать на тактичность. Трагедия, боль, траур — для окружающих это не повод для сочувствия. Это инструмент давления!

Им все равно на моё рвущееся сердце... Я — игрушка для Бесадзе. А теперь я ещё и помеха и опасная соперница для Малики.

Это же какое-то комбо неприятностей. Ну где просвет в этой бесконечной мгле?

Бежала и не чувствовала усталости. Неслась как ошалелая, слишком поздно заметив, что параллельно мне движутся тени. Обернулась и чуть не завизжала, заметив, как мимо деревьев пронеслись вооруженные мужчины!

И только сейчас слышала лай собак, шорох рации, тяжелое дыхание...

И оно было не моим!

Двое охранников теперь стояли ко мне лицом, согнувшись пополам и пытаясь отдышаться. Ну вот она и свобода... Добро пожаловать в свой персональный ад.

— Прошу прощения! Честное слово, я не сбегаяю... во всяком случае, от Бесадзе, — махнула я рукой и чуть сбавила темп, поглядывая за своим конвоем.

«Босс, всё нормально... Она просто бежит», — отрапортовал отставший охранник в рацию.

Но сейчас мне было не до контроля Бесадзе. Мне было просто больно! Болело все тело! Руки, ноги, душа, сердце! Но самое гадкое, что никому до этого нет дела.

Чтобы отвлечься, я начала осматриваться по сторонам. На миг показалось, что территория просто бесконечна! На подступах к дому не было ни одного препятствия для простоты контроля. А вот вдали красовался шикарный по-осеннему пёстрый лес, покачивающийся рыжими пышными кронами от резких порывов ветра.

Когда адреналин спал, а дикий ветер продул мозги, я ощутила все коварство октября. И окончательно добили меня крапинки снега, запорхавшие в воздухе. А когда развернулась и припустилась к дому, то услышала благодарный шёпот охранников.

Слабаки... но ничего, вместе будем теперь бегать!

Улыбаясь собственным дурным мыслям, я вошла в свою комнату через раздвижную дверь террасы и охренела...

Моя комната превратилась в склад! Все свободное пространство было заставлено пакетами, а у гардеробной возвышалась высоченная башня из до боли знакомых коробок. Мозг уже давно все понял, но вот тело... Оно отказывалось

шевелиться, дабы не нарушать это видение.

— Не переживай, я помогу, — выгнав грузчиков, Альбина закрыла за ними дверь и довольно ловко начала переносить привезённое в гардеробную. — И это не предложение, от которого ты, упрямая особа, можешь отказаться. Мне свой характер можешь не показывать. Я уже всё поняла...

— Стойте! Но это же мои вещи! — я бросилась следом за домоправительницей и начала раскрывать коробки, перебирая то, что еще несколько недель назад лично упаковала и отвезла к байеру, пообещавшему толкнуть их дороже, чем мне предложили в секунде. — Но откуда это?

— Ой, девка... Вот стоит мне немного обольститься и подумать, что ты совсем не глупа, как ты снова падаешь в грязь своей милой моськой! — Альбина в привычной манере закатила глаза и принялась быстро отсортировывать одежду на две кучи. То, что было в чехлах, она аккуратно складывала, а то, что лежало без пакетов, бросала на пол. — Я всё постираю и подготовлю, остальное постепенно буду отправлять в химчистку. А ты иди, собирайся... Тимур Петрович сообщил, что гости будут к обеду.

— Он что...

Осознание, что Бесадзе не просто проявил сочувствие, вернув мне всё, что некогда было моим, он делом показал свою осведомленность о моей жизни. Что я продала, кому продала, для чего...

И кольцо вернул, и шмотки... Может, и машину мою при-

гнали?

Игнорируя слова Альбины, на негнущихся ногах подошла к окну, и из груди вырвался стон... Из моей спальни виделся лишь самый край придомовой парковки, но даже этого было достаточно, чтобы заметить мою красную ласточку, на которой я успела откататься всего полгода. Они нарочно поставили её так, чтобы я увидела!

Это была первая вещь, на которую я накопила... Не просила денег у отца, не приняла помощи бабули. Мне хотелось сделать самой себе подарок! А через полгода этот подарок помог оплатить отдельную палату для мамы.

И теперь... она снова у меня?

— Тимур Петрович и с чёртом договорится, лишь бы ваша легенда выглядела правдоподобно. Ему не нужна бродяжка, которую он пожалел и приголубил... — затянула нотацию Альбина, пугающе быстро заполняя пустую гардеробную.

— А кто ему нужен? Ведьма? Не смешите меня, Альбина Марковна... Отец предпринимал множество попыток сосватать меня в одну из почетных семей города. Таких, как я, не любят, их боятся. А в случае неизбежности союза, первым делом ломают гордый нрав, а потом и хребет.

Я металась от стеллажа к стеллажу, сдирая чехлы со своих любимых нарядов. Щупала их, рассматривала, пытаюсь найти хоть малейший признак подлога! Но нет... Розовый костюм, который я не успела ни разу надеть, до сих пор радовал биркой, на голубом платье виднелось пятнышко – Лиль-

ка случайно сдула молочную пенку с коктейля. Это всё моё!

— То есть... Все будут думать, что наши отношения начались до всего этого пизд... кошмара? — шепнула я, растерянно посмотрев на Демонессу.

— Да. Поспешный брак совсем не вяжется с Тимуром Петровичем.

— Но все знают, что отец банкрот... Знают и про продажу квартиры, особняка на Чусовой, папочкиного раритетного автопарка. Меня видели на благотворительном вечере, где я побиралась, умоляя помочь моей сестре. Да весь бомонд уныло лицезрел, как я с той суки парик сдирала...

— А ещё они знают, кто тебя вытащил, перебив личный приказ мэра сгноить стерву в обезьяннике, — цыкнула Альбина, явно выражая недовольство моим эпатажным поступком. — Зачем ты вообще туда пошла?

— А вы бы не пошли? Мне нужно было сделать хоть что-то, пока отец просто лил слёзы. Первое время нам хватало моей зарплаты, а он даже не шевелился, — с языка срывалась горькая правда, и я не понимала, почему жилеткой я выбрала Демонессу! Но остановиться уже не могла. — Первым делом я обошла всех друзей отца, а потом пришла на благотворительный вечер. Лучше бы меня туда попросту не пустили... Они собирали на восстановление популяции каких-то пингвинов. Но на спасение пятнадцатилетней девочки ни у кого не нашлось ни копейки...

— Ну, было и было! — Альбина Марковна откашлялась, и

мне показалось, что её голос дрогнул. — А теперь кайфууй... Те, кто смотрел на тебя, как на мусор, теперь будут вынуждены считаться. И помни, девка, чьего тут гнева бояться, и кто диктует свои правила. Кто такой тот мэр? Видела я его... Жирное трясущееся создание. Тимур Петрович не позволит, чтобы о его жене говорили плохо.

— Какого чёрта? — я опустила на подоконник, покорно наблюдая, как моя прошлая жизнь медленно возвращается. И не уверена, что я этому рада.

— Девка, ты должна помнить лишь одно. Лиля — не твоя дочь, а сестра. И ответственность за её здоровье лежит не на твоих плечах. Все будут думать, что твой горе-папаша и продал все ради младшей дочери. А ты — невеста Бесадзе! — Альбина явно не обладала всей информацией, поэтому и говорила в общих чертах. Но нужно было признать, что в её словах имелся смысл.

Тимур потому и воспринял просьбу о моём бывшем банке так спокойно? Это вполне вписывалось в легенду, но всё равно как-то с натяжкой... Бездушные богатенькие коршуны знают о чужих счетах куда лучше, чем о своих. Это змеиное логово, где все шушукаются и питаются сплетнями. И в этом клубке взаимной ненависти сложно утаить фиктивность наших отношений.

Ну, хорошо... Допустим, я работала в банке Бесадзе, допустим, там мы и познакомились. Но тот благотворительный вечер? На что он это спишет? На помутнение рассудка? Чок-

нутую невесту ему точно не забудут.

— За сплетни можешь быть спокойна. Тимур Петрович ас по управлению общественным мнением. Не удивляйся, если очень скоро твой телефон начнет разрываться от звонков. Те, кто брезгливо отворачивался, когда ты была в беде, теперь прикинутся лучшими друзьями и начнут выражать соболезнования и желать скорейшего выздоровления Лилии, — Альбина выкидывала пустые коробки, заносила новую партию, но один костюм она отложила... Как намёк на то, что его стоит надеть сегодня.

— Иди в душ, девка!

— Альбина, а откуда ты все это знаешь? И почему Тимур с тобой делится? — я прищурилась, пытаюсь обернуть её же метод против неё самой.

— Я знаю то, что мне положено... Думаешь, хитрая тут только ты? Нет... Тимур Петрович выдал то, что мне следовало передать без лишних ушей, не более, — рассмеялась Демонесса и вытолкнула меня. — Марш собираться! И, надеюсь, ты не станешь одеваться цыганкой, как Малика.

— Чёрт, а так хотелось... — фыркнула я и покинула гардеробную, продолжая прокручивать новую информацию.

Но стоило мне врубить воду, чтобы наполнить ванну, как мой телефон взорвался от первого звонка. Тогда я поняла, что и тут Альбина Марковна оказалась права.

— Сивцова? — я рассмеялась, вчитываясь в имя контакта. — Серьёзно?

Ленка же заблокировала меня в день, когда я пришла к её папе просить денег. Она стояла на верхнем пролёте шикарной мраморной лестницы и смотрела на меня, как на мимо проходящего бомжа, а не как на подругу, с которой дружила с садика.

Но как бы мне ни хотелось послать дрянь на все три хлесткие буквы, звонок я приняла и даже выслушала пылкий рассказ о чудном телефоне, что сам добавил мой номер в черный список. Какая жалость... А главное, сыграно так бесталанно.

— Ками, — щебетала Ленка Сивцова. — Ты же помнишь, что у нас через три дня помолвка с Вовой? Ты, кстати, получала приглашение? Если нет, я пришлю новое... Скажешь свой адрес?

Приглашение, очевидно, тоже чудное и тоже живет своей жизнью. Но и это мне пришлось проглотить. Ответила, что открытку она, конечно, может отправить на адрес Бесадзе, но придём или нет, нужно спрашивать у моего будущего мужа...

Сивцова оказалась самой проворной, но после неё мой телефон уже не затыкался. Пока я принимала звонки и отвечала на сообщения, вода в ванне уже остыла, а пена осела. В какой-то момент я обессилела и отключила звук, решив все же расслабиться.

— Какой же ты гад, Бесадзе, — прошептала я, мысленно признавая гениальность его хода.

Чего хочет обиженный человек, дошедший до ручки? Отмщения... Услышать, как лебезят те, кто ещё недавно посылал тебя с просьбой безвозмездно дать денег, кто блокировал тебя, кто отворачивался, заметив в толпе. Именно это и делало из меня идеальную кандидатку в его липовые жёны.

Уверена, что и экстренное знакомство с Маликой было чутко спродюсировано. Бесадзе ничего не дает просто так. Эта сука так меня разозлила, что желание утереть ей нос стало невыносимым... До спазма пальцев, до скрипа зубов! Никто не имеет права угрожать мне, ставя на кон жизнь сестры, об этом уже позаботилась судьба.

Как бы не было противно признавать... Бесадзе может! А они все – НЕТ!

И с этой мыслью я и приступила к сборам. Поразить его компаньонов – задача минимум. А вот задачу максимум я ещё не сформулировала. А может, просто не решаюсь признаться в этом.

Уложила волосы в крупную волну и оставила распущенными. Нанесла легкий, почти незаметный макияж, на губы – прозрачный блеск, даже достала из закровов любимый парфюм, которого осталась всего пара капель... Но второй раз первое впечатление не произвести, поэтому я сдалась.

Когда я вышла из ванной, в спальне не осталось и следа от бывшего хаоса. Коробки были полностью разобраны, и лишь из гардеробной доносилось тихое пение. Альбина заканчивала с разбором вещей и забивала корзины шмотьём, подле-

жащим стирке.

— Ну, слава Богу. Думала, ты утонула, хотела Тимура Петровича звать на помощь, — довольно кивнула Демонесса.

Альбина Марковна внимательно осмотрела моё лицо, волосы, осанку, а после сама расправила плечи, сложила руки в привычный замок, заменяющий жест покорности, и слегка опустила голову.

— Камилла Соломоновна, гости буду через двадцать минут... — эти слова стоили слишком дорого, они выражали одобрение. А именно это мне сейчас и было нужно.

— Спасибо вам, Альбина Марковна, — я улыбнулась, смотря вслед этой странной, но такой занимательной даме.

Демонесса, и правда, подготовила костюм... Коричневое платье-футляр с обнаженными плечами, его длина едва прикрывала задницу, но зато демонстрировала длину ног. Но это откровение нивелировал довольно объёмный пиджак, полы которого свободным каскадом скрывали красоту изгибов, делая их скорее тайной, чем достоянием общественности.

Я крутанулась и застонала, увидев всю свою коллекцию туфель...

— Где же вы? — шептала я, поочерёдно выдвигая полки, пока не нашла босоножки на высокой шпильке.

А когда столкнулась со своим отражением, ощутила странные эмоции... Часть меня безмерно радовалась факту, что на мне была моя одежда, это придавало уверенности. Но

другая часть фыркала, напоминая о Лиле. А аргумент, что все это я делаю ради неё, срабатывал все хуже и хуже...

Из комнаты я вышла за минуту до обозначенного срока и чуть не запнулась, заметив тёмную фигуру Бесадзе в конце длинного коридора. Он курил, пуская дым в приоткрытую на террасу дверь.

Закатное солнце освещало его красивый мужской профиль, путалось в густой щетине, подсвечивая рваный серебристый шрам. Осанка прямая, плечи расслаблены, подбородок задран... Язык его тела просто вопил о силе, замкнутой в этом человеческом облики. И даже мне не хватило бы духу оспорить этот факт.

Уловив цокот моих каблуков, Тимур резко обернулся. И это мгновение... Всего одно мгновение живого интереса и удивления стоили моего ожидания. Он видел во мне не залог, оставленный отцом, а женщину...

Какого черта я ждала?

Не знаю... Но даже когда он снова собрался, и его взгляд вернулся в состояние льда, моё настроение уже было невозможно испортить.

Но как же сильно я ошибалась...

Глава 8

Сделала первый шаг... Потом второй... И когда сердце перестало барахтаться, а уверенность и твердость в ногах вернулись, я двинулась к Бесадзе, молясь не навернуться для эпичности момента.

— Привет...

Но вместо ответа Тимур вдруг вскинул руку, так нагло и резко припечатал меня к груди. От удара из лёгких вылетел весь воздух! Я только и успела, что заметить яростный блеск зеленых глаз!

Без подготовки, без прелюдий и лишних слов горячая мужская ладонь пробежалась по спине, опустилась до самого края пиджака, а после задрала полы и нырнула между моих ног!

Меня прошибло током! Я не могла поверить, что мужское слово не выдержало и пары суток!

— Какого чёрта? — процедила я, пытаюсь оттолкнуть наглеца.

Его сверкающие зеленую глаза переливались сотней драгоценных камней... Но сейчас они ещё были и проводниками молний, что шаршили во все стороны. И чем отчаянней я билась, чем чаще дышала, вбирая его запах, тем крепче он обнимал меня!

Грубый и шероховатый палец лег на мой подбородок, ко-

лючая щетина оцарапала правую щеку... Тимур словно наслаждался моей слабостью, управлял моим телом, как марионеткой! Палец усилил нажим и чуть отвёл голову влево, будто пытался обнажить шею.

Я снова оттолкнулась и набрала воздух, чтобы закричать, но взгляд упал на длинный кортеж автомобилей, возле которого замерли только что прибывшие гости.

И все они откровенно пялились в нашу сторону...

Мы стояли в этом панорамном коридоре, как артисты цирка перед толпой жадных до зрелищ зрителей. Я так перенервничала, что не могла рассмотреть их лица. Всё туманом затянулось, слезы обиды застыли в глазах. Я чувствовала себя зверушкой в клетке, за которой наблюдают...

Тимур мягко, даже нежно проскользил губами по кромке челюсти и снова начал спускаться к шее. Губы сменились зубами, моя кожа начала полыхать, саднить, а после обжигающий язык коснулся чувствительного места и легонько ударил.

Я презирала их, его, даже саму себя... Но покорно исполняла свою роль, мысленно повторяя мантру, что эти касания мне противны!

Почти не шевелилась, сжимала колени, пытаюсь контролировать горячую руку между ног. Но и Бесадзе не торопился двигаться, словно это была та самая красная линия, которую он не хотел переступать. Он так сильно впился во внутреннюю часть бедра, то ли нарочно оставляя отметины, то

ли изо всех сил сдерживая свои мужские инстинкты.

И тут... Тут его губы втянули кожу, да так резко, что я всё поняла... Меня метят и клеймят, как племенную овцу.

Вспышка боли, а после нежное извинение в виде поглаживания языком, снимающее все неприятные ощущения.

— Они приехали раньше, — шепнул Бесадзе и снова потянул за подбородок, практически укладывая мою голову себе на грудь, чтобы никто не увидел растерянности и злости на моём лице. — Я не хотел, чтобы всё так получилось.

— Серьёзно? А пользоваться языком не пробовал? — огрызнулась я.

— Так? — горячий язык заскользил по коже от самой ключичной впадины до уха... Длинная серьга даже звякнула об его зубы, и слуха коснулся бархатный хрип, от которого по спине побежали мурашки.

Я бы поверила, что он действительно этого не хотел, если бы не убийственное возбуждение, упирающееся мне в живот. Эта пульсация будила во мне все самое низменное, заглушала ненависть к нему, к самой себе, заставляла кипеть кровь! В голове фейерверк... А Тимур так искусно распалял это зарево, подбрасывая новые и новые ощущения. Он как мог отвлекал от посторонних наблюдателей, и это помогло...

Истосковавшееся по мужскому теплу тело гудело, нервы лопались, а внутри все протестовало! Казалось, ещё пара минут в его руках, и я сдохну от расщепления личности! Меня разорвёт надвое, раздавит его энергетикой и желанием. Ну,

нельзя хотеть и ненавидеть одновременно! Это неправильно, невозможно... Это мерзко, гадко! Да я и сама гадкая и грязная... Безвольная игрушка в руках обстоятельств.

И злость снова придала мне сил.

Я на этой эмоции прожила последние два года. Когда моя жизнь рушилась, когда добро и слезы не помогали, когда отворачивались близкие и родные, только злость и желание помочь семье спасали меня от провала.

— Или это был ваш план? — я дернулась и вскинула взгляд, поражая Бесадзе бесстыжей улыбкой.

— Хватит выкать! — скомандовал он, медленно зарываясь пальцами свободной руки в мои волосы. И протест, контролируемым пламенем, стал затухать, полностью принимая его власть...

Силуэты гостей отбрасывали тени, и мы оба следили за ними. Но внезапно одна из теней отделилась. Шорох гравия выдал присутствие постороннего прямо за нашими спинами, и Бесадзе сломался. Он так долго держался, а после его сжатая на моём бедре рука сделала рывок, с силой раздвигая мои ноги, и двинула вверх...

Я так научилась врать, что могла и черта обмануть! Думала лишь о его возбуждении, но совершенно не замечала ни своей дрожи, ни убийственной тяжести, что налилась в самом низу живота.

Эта странная игра была дикой! Мужчина, чьи приказы прочнее векового льда, а взгляд холоднее океанских глубин,

сейчас мягко и с каким-то аккуратным трепетом изучал моё тело. Медленно, по миллиметру, чтобы не спугнуть.

Я снова вскинула голову и заметила явно мужскую фигуру прямо за спиной Бесадзе. Попыталась выглянуть, но Тимур тихо зарычал и отомстил за вольность...

Его пальцы так невесомо прошли по кружеву белья, но и этого было достаточно, чтобы из груди вырвался громкий, пошлый и совершенно безумный стон! По ногам понеслись разряды тока, мышцы живота сжались, а жар шаршил по каждому нерву!

И я опять утонула в тёплой зелени его глаз. Но... там уже во всю разливалась буря! И снова это удивление, снова это сдерживаемое восхищение и живой, неподдельный интерес. Я так охамела, что поднесла палец к его губам и начала очерчивать линию, медленно спускаясь к шраму... Отметина была выпуклой, такой настоящей, бугристой, что сердце сжалось, стоило лишь представить, какую боль ему пришлось вынести...

Очевидно, это стало пределом для наблюдателя, и вскоре мы услышали торопливые шаги. И тут лицо Бесадзе вновь превратилось в камень... Он даже не разжал рук, резко обернулся, желая вычислить наблюдателя. И по коридору прокатился животный рык ярости!

И тут ладонь покинула полы моего платья, Тимур бережно огладил оставленный на шее засос и сделал аккуратный шаг назад.

— Ну? Как я сыграла? — с вызовом произнесла я, почти не дыша.

— Так уж и сыграла? — хмыкнул Тимур и протянул ладонь. — Идём, моя милая Ками... Меня не стоит обманывать, я вижу тебя насквозь.

Я открыла рот, втянула воздух, пытаюсь собраться с мыслями и как-то ответить этому придурку... Но в голове было пусто.

— Стой... А легенда? Что мне им сказать? И кто там был? Почему они так нагло таращились на нас? — я пыталась затормозить, но этот здоровяк неся по галерее, совершенно не обращая на меня внимания.

Неожиданное появление гостей, очевидно, застало его врасплох, Тимур буквально полыхал от злости, не терпя ни нарушения личных границ, ни своих планов. Это чувствовалось по силе, с которой он стискивал мои пальцы.

— Тебе Альбина должна была всё передать!

— Да, в целом всё сходится. Но тот благотворительный вечер, где я умоляла этих боровов спасти мою сестру? Я же чуть на колени не падала перед ними... — всхлип обиды все же вырвался, и Тимур резко замер.

Я по инерции снова врезалась в его тело, а Бесадзе машинально подставил руку, удерживая меня от падения.

Он вздрогнул, метнул взгляд на двери в гостиную... Я видела, как напряглось его лицо, словно моё откровение об испытанном унижении задело его за живое. Глаза стали почти

черными, он прищурился и мазнул по мне быстрым взглядом. Но спустя секунду его лицо вновь превратилось в холодный кусок того самого черного оникса.

— Камилла, все давно знают, что твой отец не просто разорён и уволен из банка. Все знают, как именно он заработал своё состояние...

И тут пришла моя очередь удивляться. Я открыла рот, но от шока так и не смогла произнести ни слова. И Бесадзе сжался...

— Он крутил мои деньги, то покупая ценные бумаги, то вкладываясь в сомнительные аферы, а выручку клал себе в карман. Но его последняя ставка обернулась провалом. Я держал его на месте, пока он выполнял свою функцию, пока знал меру, но как только он потерял страх... был наказан. Как думаешь, зять будет выручать тестя, что просрал его деньги? Как думаешь, зять пожалеет жадного и жалкого старика и оставит на должности директора банка? Он закроет глаза на левый бизнес, построенный на украденные деньги? Или он будет терзаться совестью, пока будущий тесть распродает имущество? Возможно... кто-то другой, Ками, но не я!

Я отшатнулась, но Тимур снова вернул меня на место, наклонился и зашептал прямо в губы.

— Я — мстительный подонок и скотина бесчувственная! Если во мне и было что-то живое и хорошее, то оно умерло вместе с моей сестрой! А этим боровам можешь сказать, что

тебе пришлось долго потеть, чтобы я согласился помочь не ЕМУ... а твоей сестре. Уверен, в постели ты просто невообразима...

— И что? Так и сказать, что моё мастерство минета поставило на колени самого Бесадзе? — процедила я сквозь зубы, пытаюсь не отключиться прямо тут.

— Скажи... Но потом мне придется убить счастливого обладателя этой информации!

Тимур щелкнул пальцами, и из скрытой комнаты к нам подбежал один из охранников, что сегодня сопровождали меня на прогулке.

— Я не понял, почему кортеж подъехал сюда? — Бесадзе покраснел, на шее вздулись вены, желваки завибрировали, и невысокий молодой человек чуть ли не сжался от ужаса. — Кто разрешил? Вы что, бессмертные — нарушать протокол?

— Один из водителей сам свернул с подъездной дорожки и остановился у въезда в подземный гараж. Парень извинился, но мне показалось, что сделал он это специально, — отрапортовал охранник, вытянувшись в струну.

— Выясни, кто он такой, и когда переболел борзостью. Ещё сними с камер запись тех, кто наблюдал за нами в окно, и принеси мне, — Тимур вновь обнял меня и свободной рукой толкнул двустворчатые двери, показывая, что разговор окончен.

Из гостиной слышался хоровой вздох, и гости воочию увидели нас обнимающимися, румяными и откровенно воз-

буждёнными.

Но меня беспокоила лишь одна пара глаз... Вдали, прячась за широкой спиной морщинистого старика, от ярости сгорала Малика.

Боже, какая прелесть...

— Добрый день, — грохнул Бесадзе и двинулся вперед, так и не убирая руки с моей талии.

А я смущенно опустила глаза, приглушила язвительность улыбки и покорно шла следом, пытаясь подстроиться под шаг этого великана. Но Тимур заметил, что я не успеваю, и чуть замедлился. Однако мне это не помогло...

Чем ближе мы подходили, тем отчаяннее мне хотелось сбежать отсюда! Он знал! Грёбанный Бесадзе всё знал! И уже не он стискивал меня в объятиях, уже я запускала когти в его кожу, наказывая за удар в спину... Именно так я воспринимала знакомые лица собравшихся.

— Признаться, я удивлён, — первым к нам подошёл бывший лучший друг моего отца, Алан Погожев. — Когда Соломон сообщил, что его старшая дочь скоро выходит замуж, я был растерян... Но узнав, за кого именно она выходит замуж — я оказался шокирован.

Погожев талантливо изобразил умиление, даже попытался улыбнуться и потянуться ко мне со своими лживыми дружескими объятиями, но Бесадзе считал мою оторопь и пресек этот жест. Алан вздрогнул, внезапно вспомнив, в чьем доме находится.

— Добрый день, — из-за спины Погожева вышел ещё один друг отца... Сивцов, а за ним нервно переминалась Ленка. А ведь мы говорили по телефону часа полтора назад, но эта сука ни словом не обмолвилась о визите!

Да она не верила! И заявила, чтобы лично убедиться в шокирующей новости... Оттого и идиотское приглашение, перетянутое золотой тесьмой, так крепко сжимала в руках. Никто не верил! И наблюдали они именно по этой причине... Подлые, мерзкие людишки!

— Тимур, вот привёз лучшую подругу Камилки, она от меня просто не отставала! Хочет лично вручить вам приглашение на помолвку, — Андрей Сивцов коротко поприветствовал Тимура, решив не злить, как это сделал Погожев, и быстро отошел в сторону.

— Тимур Петрович, наша семья будет счастлива видеть вас на нашем скромном празднике, — руки Ленки дрожали, она едва проговаривала слова, а по открытым плечам бегали мурашки ужаса.

Но Бесадзе не слушал и не обращал внимания на блеянья Ленки. Я заметила, как он напряженно смотрит в дальний угол комнаты, где стояли Малика и старик. А значит, сюрприз в виде старой знакомой получила не только я... Или он смотрел не на неё?

— Привет, — я улыбнулась Лене и приняла приглашение, а появившаяся за спиной Альбина учтиво забрала его, а после тихонько шепнула мне на ухо:

— Обед готов. И гостей за стол приглашает хозяйка дома.

Я ошалела от такого проявления заботы... Признаться, я бы даже не подумала, что именно я должна это сделать. В нашей семье этим занималась мама...

Но теперь хозяйка, получается, я?

— Ну, здравствуй, — внезапно из тени вышел тот самый морщинистый старик. Он покачивался, переноса вес на свою трость, а его острый взгляд был приставлен к Бесадзе. — Надеюсь, ты не сердишься на моего водителя? Он заплутал немного... Приносим извинения, что нарушили вашу идиллию.

Бесадзе молчал, но тишина была громче крика! Видела, как напрягается его лицо, как начинают танцевать желваки, как сжимаются губы.

Чёрт, а что тут происходит? Это вообще кто? Мне казалось, я знаю всех богатеев города. Но этот вальяжный старик был мне незнаком. Невысокий, и не по возрасту крепкий. Я даже не могла определить, сколько ему? И путала меня не трость, а то, как фальшиво он на неё опирался. Словно казаться слабым — часть его игры.

— Камилла, знакомься, — голос Беса был невозмутимо спокоен, в нем появились даже ленивые нотки, словно все эти гости были ему в тягость. — Погожева и Сивцовых ты знаешь, а это Камиль Амиров. Старый друг моего покойного отца... А это его племянница, Малика Амирова, она когда-то дружила с моей сестрой, Айкой.

— Добрый день, — послышался знакомый писклявый голос, и я еле сдержала коварную улыбку и порыв прижаться к Тимуру ещё ближе.

Малика вышла, ошарашив меня своим внешним видом... Скромное платье в пол, закрытые плечи, руки, шея, волосы собраны в целомудренную прическу. И лишь остатки шиммера от её утреннего броского макияжа выдавали в ней ту суку, из пасти которой сыпались угрозы.

— Очень приятно. Рада видеть вас в нашем доме, — я решила подыгрывать Бесадзе и ответила всем учтивым кивком.

А когда повернулась к самому старшему, Амирову, собралась склонить голову, но... Бесадзе пресек мою попытку выразить уважение.

— Тимур... А у тебя отличный вкус на женщин, — цокнул Амиров, довольно нагло осматривая меня с головы до ног. На морщинистом лице появилась пугающая улыбка, старчески блеклые глаза полыхнули пламенем, когда он непозволительно долго пялился на мои ноги.

— Благодарю, дядюшка, — ответил Бесадзе, а я ощутила, как при последнем слове, на котором он сделал ударение, его пальцы впились в мои рёбра. Больно! Резко! И я еле сдержалась, чтобы не вскрикнуть... Лишь покачнулась, но Тимур тут же ослабил хват.

— Дорогие гости, на правах хозяйки этого дома приглашаю вас за стол, — я произвольно посмотрела на Малику,

что сейчас была белее снега.

Что? Недоразумение и услуга? Что? Приятно, когда ковыряются в гноящейся ране? Приятно тебе, дрянь? Но это только начало...

Глава 9

Я видела злость Малики, которую она никогда не покажет! Физически ощущала, как ей больно от каждого моего слова! Но ведь ещё утром она благодарила меня за готовность участвовать в этом театре. А что же случилось сейчас? Я же видела, что её появление было шоком для Тимура, так какого черта она явилась? Вот пусть теперь терпит...

Малика мельком посмотрела на Бесадзе, но не найдя ответа на немой вопрос, покорно опустила голову.

— Наши замечательные повара постарались создать маленькое гастрономическое чудо. Мы с Тимуром надеемся, их труд вас порадует, — я отошла с прохода, и Бесадзе пришлось убрать руку с моей талии.

Но радовалась я недолго, потому как он сомкнул наши ладони. Нажим пальцев смягчился, сменившись игривым постукиванием, что наверняка означало одобрение.

— Какая красивая и гостеприимная хозяйка. Вот что значит в строгости воспитанная дочь своего отца, — довольно хмыкнул Амиров и первым направился в столовую, на пороге которой, приклонив голову, стояла Альбина Марковна.

Я даже не заметила, что она тоже переоделась в парадную форму, вот только её фартук традиционно остался черным, лишь сбоку красовался золотой вензель с буквой Б и силуэт ворона. Хм... я уже это где-то видела.

— Камилла, детка! Я так соскучилась... У меня столько новостей! Мы просто обязаны поговорить! — запищала Сивцова, проходя мимо, но дуру тут же одёрнул отец, напоминая о приличиях.

Когда мы с Тимуром остались за спинами гостей, я позволила себе выдохнуть все скопившееся напряжение. Бесадзе властно взял меня под локоть и сопроводил к моему уже привычному месту по левую руку от себя.

И воспользовавшись моментом, я быстро оценила обстановку за столом, прекрасно зная, что по рассадке гостей можно узнать куда больше, чем из сплетен Сивцовой.

По правую руку от Бесадзе встал Амиров, он уверенно дёрнул кресло, словно делал это уже не раз, следом опустилась его гадкая племянница. Дальше устроился Погожев, а рядом со мной оказалась Ленка Сивцова с её отцом.

Значит, слово «дядя» имеет вполне конкретный смысл... Он его правая рука? А с какого перепугу Погожев ближе Сивцова, почему он занял правую сторону стола, тогда как там должны сидеть лишь самые близкие?

Пу-пу-пу... Какого чёрта тут происходит?

Альбина Марковна эффектно хлопнула в ладоши, и парадно одетые официанты вышли из скрытого помещения, выпуская волшебный аромат изысканных блюд.

Я знала правила таких приёмов. Женщинам не позволялось говорить, не позволялось поднимать головы, ведь это не светский раут. Обеды всегда несли деловой флёр, этакий

аперитив перед серьёзным разговором, и если бы мужчины могли, они бы и вовсе не подпускали баб к таким мероприятиям. Но чтобы соблюсти нормы приличия, нам, ущербным, позволялось просто есть и не отсвечивать.

Мы дружно уставились в тарелки, Малика вообще чуть ли не склонила голову, даже не пытаясь поднять глаз. И я была удивлена, когда вместо травы ей выставили здоровый кусок сочной баранины. Готова поспорить, Альбина назло гадине выбрала самый жирный! Ещё и заботливый дядя то и дело оборачивался к племяннице, подталкивал её, требуя есть... А у меня на душе цвели ландыши от мысли, что сегодня она в то платье уж точно не влезет.

— Ну, молодые? К свадьбе всё готово? — Я чувствовала испытывающий взгляд Амирова, но не поддалась на провокацию. Монотонно разрезала мясо на мелкие кусочки и отправляла в рот, пытаясь не стонать от удовольствия.

Боже, храни повара... А если это готовит Альбина, то я сегодня же расцелую её, даже если она, и правда, притащит мне ведьминскую метлу.

— Конечно, — спокойно ответил Тимур и опустил руку мне на колено в знак разрешения поднять голову и принять участие в разговоре.

Я стиснула зубы, а он заметил и назло моему сопротивлению пробежался к бедру, на котором виднелись оставленные отметины его пальцев. Если Амиров не видел этого фривольного жеста, то Сивцова истерично заёрзала на стуле, рискуя

получить косоглазие.

— Ками у меня неприхотливая, хотя характер у неё боевой...

— О! Об этом характере весь город гудел не так давно, — рассмеялся Погожев, но я воспользовалась разрешением будущего мужа и подняла голову. Если бы я умела убивать взглядом, то за столом появился бы первый труп...

Он был лучшим другом моего отца! Лучшим! Но когда нашей семье оказалось негде жить, Погожев не помог... А теперь он сидит и улыбается?

Тимур сменил напор пальцев на ласковое поглаживание... Он словно тигра умирлял, обращая обратно в кошку. И я снова опустила голову, потому что так было спокойнее.

Просто жуй и не смотри на этих ублюдков!

Но я до сих пор помнила их смех, их холодные взгляды... Ненавижу!

— А ты благороден, Тимур, — снова затянул Амиров, нервно тарабанив кривыми пальцами по столу. — Протянул руку помощи своему врагу, берешь в жены его дочь. А ведь мог поступить так, как обычно поступаешь с предателями. Или это не благородство, а слабость? Неужели на тебя так действует жена?

Я чуть подняла глаза, и мне стало дурно. По позвоночнику потекло жидкое пламя страха. Старик смотрел на Бесадзе с лютейшей ненавистью! Прищур, мимика, наклон головы — все транслировало ненависть!

Нет... Это не мираж! Потому как Бесадзе смотрел на него в ответ точно с таким же букетом эмоций. Да что, чёрт подери, тут происходит?

— Дядюшка, не мне вам рассказывать, что дети не должны платить за ошибки своих родителей, — Бесадзе сделал глоток вина, чуть подержав его во рту, оценивая вкус, а после кивнул, и официант обновил бокал. — Но родители... Они должны отвечать за поступки своих детей?

Я сначала подумала, что это риторический вопрос. Но судя по тому, как лицо Амирова стремительно превращалось в бордовый помидор, вопрос, очевидно, попал точно в цель.

— Ты же, дядюшка, не понёс никакого наказания за сына? — Бесадзе выплюнул эту фразу, вколачивая последний гвоздь в крышку гроба Амирова. — Так почему Камилла должна отвечать за отца?

— Всё правильно... Всё правильно... — протянул Сивцов, явно смягчая накал страстей, и потянулся к дочери, целуя ту в макушку. — Дети — всего лишь плод нашего воспитания. И уж точно не им отвечать за наши ошибки. А кто безгрешен?

— Значит, свадьба уже завтра? — Амиров отмахнулся от Сивцова, как от назойливой мухи, а его голос закрипел старой форточкой.

— Да, — Тимур наклонился и обнял меня, уловив, что проглоченный кусок мяса встал комом, а я еле сдерживаюсь, чтобы не выплюнуть его обратно. — Это будет скромная сва-

дьяба... Никаких гостей и опостылевших пышных приёмов. Завтра? Серьёзно? А я когда должна была об этом узнать? — А я-то думаю, почему мы ещё не получили приглашение? — хмыкнул Погожев. — Даже предположили, что твоя строптивая невеста выставила непомерный счет... Или таит обиду на друзей своего будущего мужа.

— Приглашение? — Тимур незаметно, но довольно сильно ударил меня по спине, и кусок мяса всё же провалился по пищеводу. — О чем вы говорите? Ещё и года не прошло со дня смерти мамы, бабушку похоронили чуть больше месяца назад, Лилию сейчас готовят к сложной операции... О какой пышной свадьбе может идти речь?

Бесадзе швырял слова, как остро заточенные клинки, и даже Амиров понимающе закивал, признавая правоту Тимура. С одной стороны, я ему была благодарна за то, что сам выкрутился из ловушки Погожева, а с другой стороны — ненависть новой волной накатила, ударяя в самую макушку.

Он что, пользуется трагедией, чтобы прикрыть ляпы своей лжи? Но для чего? Чтобы защитить Малику? Благочестивую девку, коей её считает дядюшка? Или тут всё куда серьёзней? И что-то мне подсказывало, что у Малики тоже есть роль, только она, в отличие от меня, о ней не подозревает.

Больше никто не касался ни темы свадьбы, ни темы моего отца. Мужчины снова заговорили о работе, стараясь выбирать размазанные формулировки, ведь женщинам не положено знать тонкостей.

— Ой, ты испачкалась? Камилла, вот вечно ты такая, — тихо шепнула Лена, не спрашивая позволения, взяла салфетку и принялась тереть кожу на моей шее. Вспышка боли говорила о том, что Сивцова решила проверить натуральность засоса.

— Лена! — я довольно грубо отбросила её руку и прищурилась, наслаждаясь тем, что запрета убивать взглядом сук в этикете нашего прогнившего общества нет. Сивцова стушевалась и отвернулась, припав губами к бокалу вина.

Боже, я за период проживания в больнице уже и отвыкла от этой напускной мерзости. Когда ты каждый день видишь, как пустеют палаты, когда бежишь в надежде, что смерть пропустила комнату твоей мамы, все становится таким неважным! Тряпки, званые ужины, сплетни, подколы... Там, в реальной жизни, содержание побеждает форму! А как ни крути, но содержание человеческой оболочки — не их грязные деньги, а жизнь...

А эта гадина сидит тут, сияет, довольная, счастливая, еще и засос мой проверяет, словно не верит, что такой, как Бесадзе, может полюбить такую, как я? А если наоборот? Если это я не могу полюбить такого, как он? Этот вариант совсем не рассматривается?

Злость закрипела на зубах... И я уже была не в силах сдерживаться, к тому же Бесадзе продолжал держать руку на моей ноге и никак не отреагировал на мой выпад.

— Как Вова? — я отодвинула свою тарелку, и Альбина,

что весь вечер стояла за моей спиной, в знак преданности хозяйке дома, тут же её убрала. — Ещё не передумала становиться Конюховой? Елена Конюхова... Звучит забавно.

— А этот вопрос мы уже решили, — гордо засияла Лена. — Вовочка возьмёт папину фамилию.

— Какая прелесть, — я растянула губы в улыбке и хотела что-то добавить, но Тимур всё же сжал пальцы, требуя заткнуться.

И когда я послушалась, нажим снова сменился ласковым поглаживанием... Мне даже захотелось замурчать, на случай, если у Малики больное сердце и острый слух. А я нутром чувствовала, что кто-кто, а она видит его руку на моём бедре.

Получай, мерзавка!

Обед подошел к концу, и Альбина шепнула Тимуру, что кофе готовы подать в кабинет.

— Малика, детка, езжай домой, — Амиров помог племяннице подняться из-за стола и, даже не позволив проронить ни слова, довольно грубо толкнул к непонятно откуда вышедшему мужчине. — Я задержусь.

Боже, сама покорность... А что будет, если дядюшка узнает, что его девственный цветочек стонет под Бесадзе? И тут меня ошпарила вспышка боли... Я обернулась к Тимуру, а он полоснул недобрым предостерегающим взглядом. Чёрт... Он что, ещё и мысли читает?

— Лена, ты тоже можешь ехать. Я тоже, пожалуй, задер-

жусь, — проскрипел Сивцов, наивно полагая, что его дочь уедет без подробностей, но эта любопытная гадина уже вцепилась в меня своими щупальцами.

— Пап, мы с Камиллой столько не виделись, может, мы немножко поболтаем? — Лена вскинула наивные глаза на отца, а я едва не чертыхнулась, понимая, что придется вести бестолковую беседу, хотя сейчас мне больше всего хотелось тишины.

Я сжимала столовый нож, водила ногтем по зубчикам, упивалась болью в ладони, пока Альбина Марковна аккуратно не вытянула оружие, на случай, если я решу перепилить кому-нибудь горло.

— Прошу прощения, — Тимур опять проявил дар экстрасенсорики, подошел со спины и уложил тяжелые ладони мне на плечи.

Подушечки его пальцев ласково заскользили по коже, особенно тщательно он обласкал отметину на шее. Как трофей... Как клеймо, оставленное его темным величеством.

— Камилла, ты же помнишь, что у тебя контрольная примерка платья? Елена, боюсь, вашу посиделку придётся перенести на другой день.

— Да, конечно, — Сивцова вскочила вслед за отцом, а вот Тимур не спешил убирать руки, дожидаясь, когда гости отойдут на приличное расстояние.

— Я в восторге, Зараза, — шепнул он, слегка склоняясь ко мне. — Можешь же, когда хочешь!

— Осторожнее, мой дорогой муж... Если ты и дальше будешь щупать меня под столом, твоя Малика разmozжит от ревности мне голову, и тебе снова придётся искать невесту, — шепнула я ему в ответ.

— Благо дев в беде по миру так много... Уверен, что это не станет большой проблемой, — Бесадзе склонился, закрывая корпусом моё лицо, и рассмеялся.

— Однако ни с одной тебе не будет так интересно, Бесадзе, — прошептала, смело принимая его яростный взгляд. Он готов был меня придушить за дерзость... Но ещё в его глазах появилось что-то иное... Тёмное, скрытое ото всех за семью печатями.

— У меня с тобой будут больши-и-и-е проблемы, — выдохнул он мне прямо в губы и оторвался, лишь услышав тактичный кашель из гостиной.

Эту фразу я уже слышала... Вот только в прошлый раз акцент был поставлен на слове «проблемы», в этот раз он выделил слова «у меня»... И что это значит?

— Милый, это я тебе гарантирую...

Глава 10

В комнату я вошла совершенно обессиленная. Оказалось, что бесить и доводить Бесадзе куда проще, чем врать и прикидываться овечкой.

Мой отец всегда повторял, что ему легче будет первой выдать замуж Лильку, чем такую засранку, как я. А я отвечала, что меня не нужно выдавать, потому что я сама в состоянии решить, с кем мне жить и с кем спать.

Но и тут судьба провела меня...

Как бы я ни пыталась сбежать от вмешательства в свою жизнь, меня все равно поставили на колени. Причем сделали это изощрённо, приправив пряным соусом «собственное решение».

А ведь я просто хотела быть собой... Усердно училась, вместо отдыха на море проходила практику, набираясь опыта и знаний. И после окончания универа, пока все мои бывшие друзья и выпускники гудели на пароходу, я почти сразу вышла на работу.

Отцовская любовь, она глубокая, но короткая... Дочери на выданье – слишком большое искушение для бизнесмена, и я не хотела проверять папу на прочность. Мысль, что пока не научусь отвечать за себя, так и не получу права голоса, приводила меня в ярость.

Наверное, именно тогда я и стала изгоем среди друзей...

Взять ту же Сивцову, она вместе со мной окончила университет. Но вместо поиска работы с воодушевлением ринулась на поиски мужа. Тоже метод... Но не для меня.

Если отец не одобрял моего жизненного пути, то мама и бабуля всячески поддерживали. Они всегда говорили, что зависеть от мужика – последнее дело. Сегодня он есть, а завтра ты сопли на кулак наматываешь... В нашем обществе не принято разводиться, особенно с отпрысками известных семей, но вот запрета на любовниц никогда не было... Сколько таких опозоренных дур? Да каждая вторая! На раутах они сверкают и жмутся к супругам, позируя для глянца, а вечерами топят горе в вине, пока их благоверные шпилят молодых и сочных девок.

Вдоволь этого насмотрелась! Но это не для меня...

Либо по любви, либо никак.

Я ещё долго стояла у панорамного окна, смотря на крыло дома, где был кабинет Бесадзе. Окна первого этажа светились, в щели портьер было видно мельтешение теней, словно гости метались по кабинету загнанными тиграми, то ли в панике, то ли в приступе ярости. И лишь Тимур сидел неподвижным каменным монументом... Холодный, самоуверенный и наглый.

И когда я сделала шаг назад, решив, что увидела достаточно, двери на опоясывающую весь дом веранду распахнулись. Бесадзе уже был без пиджака, рукава рубашки закатаны до локтей, ладони в карманах брюк... Тимур распра-

вил плечи, втянул воздух, перекатившись с пятки на носок, а затем вскинул вверх голову, и я увидела ослепительный блеск зубов... Он не улыбался, он скалился сытым волком, что буквально пару минут назад разодрал тупую отару овец!

Он не замечал ледяного ветра, рубашка парусилась, волосы колыхались, а он упрямо смотрел в небо, безмолвно ликуя от тихой победы.

И от этой картины по мне пробежала какая-то нелепая, совершенно необъяснимая волна радости, гордости... Я ненавидела всех этих гостей куда больше, чем Тимура! Возможно, этот приём был очередной инсценировкой, чтобы показать мне — Бес не самый отвратительный мужчина этого города. И, надо признать, у него всё получилось...

Возможно, в той самой разодранной отаре было и моё имя? Быть может, я уже заочно проиграла?

Тимур словно почувствовал мой взгляд и резко дернул головой, безошибочно оборачиваясь к окну моей спальни, но я успела отскочить, прячась в глубокой нише эркера. Даже если он не самый гнусный из них всех, он всё равно один из них...

Ведомая каким-то порывом, я на цыпочках вышла из спальни и проскользнула в тренажёрный зал, окна которого выходили на парадный вход. И в этот момент на крыльце показались гости... Бесадзе даже не удосужился их проводить!

Первым шёл Амиров, он словно и забыл про свою трость, перестав разыгрывать из себя слабого старика. Следом уны-

ло плелись Сивцов и Погожев. Эти двое и вовсе опустили глаза, чуть не пройдя мимо поданных автомобилей.

Очевидно, разговор пошёл не по плану...

Когда в темноте за воротами моргнули стоп-сигналы кортежа, я вернулась к себе. Смыв мерзость вечера под душем, я села за телефон. Ещё днём я договорилась о созвоне с хирургом. Как раз должны были прийти анализы...

Какое мне дело до Сивцовых и Погожева? То, что они сделали, уже в прошлом. Их мерзость не забудется, не смоется, но и меня не собьет, когда я уже почти на финише. Единственный человек, достойный моих переживаний – Лиля.

Разговор с хирургом был немного странный. Нет, английским я владела в совершенстве, вот только его удивление читалось слишком откровенно. Он мне сразу сообщил, что все результаты и подробный план операции, а в случае её благоприятного исхода, и периода реабилитации, он уже передал моему мужу.

Мужу! Даже не отцу, а мужу! Но уловив мою растерянность, покорно повторил всё слово в слово. Клянусь, если бы он этого не сделал, я бы отправилась к Бесадзе прямо в спальню! Но врач его спас... Как иронично.

Я узнала, что операция назначена на послезавтра. Сейчас Лилю немного восстановят, поэтому ей и прописали успокоительное, из-за которого моя птичка весь день спит.

После разговора полегчало, ведь я получила ещё одно доказательство того, что мне не лгут, и лишь тогда я рухнула

в кровать.

Как ни странно, но за эти дни отец даже не пытался связаться со мной. И, наверное, это тоже было хорошо. Он лишь выполнял обещание: постоянно присылал фото завтраков, обедов, капельниц, улыбающихся медсестёр, сонной Лилки... Но при этом в сообщениях не было ни слова обо мне, о нём, о подлости, которую папа попытался скрыть.

Как он там сказал? Порой чтобы спасти близкого, нужно принимать непростые решения? А мне вот интересно, если ему нужна будет помощь, кто будет для него принимать эти самые непростые решения?

Мой организм был измотан... А может, отсутствие вечной гонки и вереницы задач так действовали на меня. Но после разговора с хирургом я забылась крепким сном и проснулась лишь от тактичного кашля...

Вскочила на кровати, зрение ещё было в расфокусе, но даже так я узнала Альбину Марковну, застывшую на пороге моей комнаты. В приоткрытое для проветривания окно влетал птичий перезвон, отдаленный лай собак, шорох колёс и клацанье голых веток деревьев, гнущихся под натиском ветра.

— Камилла Соломоновна, это не в моих правилах — вторгаться в комнаты хозяев, но вы мне не оставили выбора, — мне показалось, в её голосе считывался стыд.

Я потёрла глаза и нащупала свой телефон, но он послал меня, моргнув индикатором севшего аккумулятора.

— Который час?

— Уже почти девять утра. Вы пропустили ужин... А если не хотите пропустить завтрак и ваше бракосочетание, то рекомендую просыпаться, — Демонесса явно была в хорошем настроении, отсюда эта попытка пошутить.

— А если хочу пропустить... бракосочетание? — потянулась я, вытягивая затекший за ночь позвоночник.

— Тогда мне очень жаль. Я думала, что вы, и правда, любите свою сестру. Вы разрешите мне войти? Или мне и дальше кричать на весь дом?

— Да входите, чего уж там... — я потянулась, поставила телефон на зарядку и пока ждала, когда он снова включится, следила за Альбиной.

Домоправительница не просто вошла, она внесла несколько белоснежных портпледов и картонный пакет с логотипом известного ювелирного бренда.

— Тимур Петрович уже уехал, поэтому, если желаете, я могу подать завтрак в постель, — слишком мягко произнесла Демонесса, аккуратно цепляя чехол за угол двери в гардеробную.

— Буду благодарна. А это что?

— Это свадебное платье, пальто и украшения. Я взяла на себя смелость пригласить стилиста, чтобы вы не утруждались в этот светлый праздник, что навсегда останется в вашей памяти.

— Альбина Марковна от вашей язвительности уже зубы

сводит, а я ещё даже кофе не пила. Если я сбегу из ЗАГСа, оставлю Бесадзе записку, что это ваших рук дело...

И тут я замерла, потому что по спальне прокатился смех Демонессы. Она прошла мимо меня, а после удалилась, царапнув пугающе мягкой улыбкой.

Вот только чем вызвано её веселье? Возможной запиской? Или невозможностью сбежать от Бесадзе?

Первым делом я просмотрела все уведомления на включившемся телефоне. Хирург не обманул и отправил мне результаты анализов, последние снимки, сравнительную диагностику обследования. И тут меня ждало два сюрприза... Новых метастаз не выявлено, это уже хорошо. Но вот дислокация опухоли вызывает у врача опасение. И я понимала природу его тревоги... Мне ещё в нашем городе аккуратно намекнули, что, вполне возможно, Лиле потребуется не одна операция, а минимум две.

И это было более чем дерьмово...

Я куталась в одеяло чуть ли ни с головой, припала к велюровой спинке кровати и уставилась в незашторенное окно. Небо было серым, тучи низко-низко скребли по верхушкам деревьев. Казалось, в любой момент на город обрушится ливень... или снег. Но в любом случае, мама говорила, что это к счастью.

— Камилла Соломоновна, — снова постучала Альбина, но после вошла, не дожидаясь приглашения. Она вкатила тележку, где под клошами меня ждал завтрак: традиционная

каша со сливочным маслом, пара тостов с красной рыбой, нарезанные фрукты, кофе и стакан воды. Всё, что я люблю...

Демонесса, и правда, была домоправительницей, и в спектр её обязанностей входил не только сам дом, но и его домочадцы. Я уже давно отметила её изучающий взгляд. Женщина жадно вбирала, что я ем с аппетитом, от чего отказываюсь, что пью. Она изучила меня... Возможно, пришла очередь изучить и её?

— Так где мой будущий супруг? Не сбежал ли от такого счастья? — спокойно поинтересовалась я, рассматривая длинные кофры с одеждой. — Или всю ночь не спал, платье для меня выбирал свадебное?

— Всё было бы куда проще, Камилла Соломоновна, если бы вы это сделали сами! — Демонесса наконец-то отряхнула налёт улыбочивой прислуги и, уловив мой взгляд, двинулась к одежде и начала снимать чехлы. — Это платье для вас подобрала Малика...

— Сожги его, — рыкнула я, довольно быстро справляясь с кашей.

— Ты должна посмотреть на это! Хотя бы во имя веселья... Я еле сдержалась, чтобы не разбудить тебя в пять утра, когда её стилист привёз сие творение, — Альбина едва сдерживала смех, а когда я подняла глаза, то чуть не подавилась...

Эта сука заказала для меня платье портовой шлюхи! Но не абы какой, а прям валютной! Тугой силуэт, бесчислен-

ное множество пайеток, тонкие бретельки, глубокое декольте, а по низу — кружево, расшитое огромными пластиковыми стразами.

— Сожги, будь добра!

— Хорошо, — Демонесса безгласно взяла кусок ткани и бросила его на пол, нещадно ступив на него своими каблучками.

— Так в чём же я пойду? Раз я, ленивая и строптивая задница, не выбрала платье, то остаётся два варианта. Либо это сделала ты, либо наш мрачный Бес...

Но договорить я не успела, потому как Альбина уже аккуратно, бережно раскрыла второй кофр, и оттуда выскользнула переливающаяся матовым блеском шелковая ткань. Это платье было воистину великолепным... Скромным, сдержанным, но таким соблазнительным! В нём не было дешевой фальши и вычурности. Оно было создано, чтобы подчеркнуть стать и природную красоту женского тела. Полностью закрытое, без пошлых декольте и вырезов до задницы. И я уже знала, как охренительно оно будет на мне смотреться...

— Годится, — я опустила взгляд, лишь бы не показать Альбине своего восторга. — Ты заказывала?

— Хотелось бы соврать, но не стану... Нет, это платье доставили по заказу Тимура Петровича.

— Ну точно — кукла... Одевают, обувают, кормят. И даже баловаться великодушно позволяют.

— Позволю себе заметить, что куклы, как правило, мол-

чаливы и податливы, даже когда им ломают ноги. Кстати, одну из прекрасных представительниц этого сословия ты видела вчера. И, кажется, не очень воодушевилась, — Альбина расправила платье, почти не касаясь ткани, чтобы не измять, а после принялась доставать обувь, украшения и всё время посматривала на часы.

— А этот Амиров — он, и правда, её дядя? — спросила я мимоходом, когда от завтрака осталась лишь чашка кофе, что сейчас она заслуженным трофеем согревала мои подрагивающие пальцы.

— Да, — Демонесса ответила, но так, что дальнейшие вопросы я задавать не решилась. — У тебя есть пятнадцать минут, чтобы сходить в душ.

— Есть сходить в душ! — кивнула и соскользнула с огромной кровати, пока Альбина убирала остатки завтрака.

За пятнадцать минут я успела смыть сон, разбитость, а когда вышла в спальню, у дальнего окна, где располагалась гостевая зона, меня уже ждала команда стилистов, готовая потрудиться над образом невесты.

— Если я обернусь и увижу шлюху в отражении, то смою всё, а Бесадзе скажу, что это вы меня так накрасили, — зевнула я, усаживаясь в высокое кресло, а заботливая Альбина вложила мне в руку очередную чашку кофе, потому что знала... Просыпаюсь я лишь после второй.

Перепуганные девушки засуетились, а я закрыла глаза. В компании Демонессы мне было спокойно, я была уверена,

что она не позволит им сотворить из меня пуделя с восторженным взглядом девственницы.

Спустя пару часов аккуратное касание плеча вывело меня из морока полусна. И стоило распахнуть веки, как я тут же столкнулась со взглядом незнакомки... Она была свежей, отдохнувшей, кожа сияла, шикарная копна волос переливалась, спадая мягкими волнами на плечи...

Макияж без макияжа — это то, что я обожала! Всё на месте: контуринг, румянец, изящные брови, чувственно прорисованные губы... Проработаны были даже шея и зона декольте. Ключичные впадины сияли, а засос, оставленный Бесадзе, и вовсе растворился, будто и не было его.

— Я хотела собрать волосы, как полагается НОРМАЛЬНЫМ невестам, — подытожила Альбина. — Но девочки убедили меня, что вашему каменному лицу подойдёт свободный каскад.

— Спасибо, — смущенно произнесла я и подошла вплотную к зеркалу. — И за каменное лицо тоже.

Это было невероятно... Я уже и забыла, что могу выглядеть вот так! Выспавшейся, отдохнувшей, счастливой... Хоть внутри я и сгорала от тревоги и страха, однако моё заново нарисованное лицо светилось радостью от предстоящего торжества, но сдержанно...

— Твои мама и бабушка сказали бы, что ты самая красивая невеста на этой планете, — тихо-тихо прошептала Демонесса, чуть притормозив около меня, а после звонко откаш-

лялась, намекая стилистам, что пора бы и освободить спальню её хозяйки.

Когда я надевала платье, старалась не пялиться на себя в зеркало. Оно было совершенным... Полностью передающим всю мою противоречивую натуру. Длинное, но при махе ногой полы распадались, открывая разрез от самой кромки белья... И каждый раз, когда я делала шаг, видела бесстыжий отпечаток мужской руки, что так и застыл небольшими кровоподтёками на внутренней стороне бедра... Эту метку мастерицы не могли спрятать.

Коснулась колена и пробежалась вверх, пока мои пальцы не соединились с отметинами. Масштаб не совпадал, по коже рассыпались колики. Станный трепет прокатился по позвоночнику, рукам, застывая пекучими шарами жара где-то под сердцем.

— Камилла Соломоновна, — Альбина не сумела сдержать восторженный вздох, но быстро собралась и добавила: — Тимур Петрович вас ожидает... Разрешите я помогу?

Домоправительница достала из портплекда шикарное кашемировое пальто в тон платью, накинула его мне на плечи, а после с грустью посмотрела на бархатные коробки с ювелирным изделиями. Они здесь точно были лишними...

Я обновила блеск на губах, собрала небольшую сумку. Искала внутри панику, страх, но ничего не находила... Поэтому, гордо расправив плечи, двинулась навстречу будущему мужу.

Бесадзе стоял на своём привычном месте, в самом конце коридора. И воспоминания вчерашнего дня лавиной обрушились на меня, вновь возвращая смущение и нелепый трепет перед этим мужчиной. Он был спокоен, спина прямая, подбородок вздёрнут...

На Тимуре красовались шикарный костюм графитового цвета и белоснежная рубашка, галстук туго оплетал мощную шею. А если он и нервничал, то выражалось это в быстром щёлканье бархатной коробочки с кольцами. Но я думаю, что это не нервозность... Скорее остаточное сомнение дурманило его мысли. И мне так хотелось, чтобы он осознал глупость этой затеи...

— У меня нет паспорта, — вместо приветствия произнесла я, почему-то не имея ни малейшей капли сил сдвинуться с места. — Отец забирал, вроде... Но это не точно.

Бесадзе развернулся... И его челюсть отпала... Он в прямом смысле этого слова охренел от меня! К этой его откровенной реакции не подходят более изящные эпитеты нашего богатого и великого, на его лице читался будоражающий шок!

И снова щелчок бархатной коробочки, как точка в бессмысленном споре с самим собой. Но, боюсь, выбор был не в мою пользу.

Воспользовавшись паузой в его стремительно перегорающем процессоре, я наконец-то смогла нормально, а не украдкой, рассмотреть его лицо... От пугающей зелени в глазах ничего не осталось, она вновь превратилась в тёмную, тягу-

чую болотистую тину, в глубинах которой таятся его секреты. Но вот всё остальное было шикарным... Высокие скулы, резкая линия челюсти, тяжелый упрямый подбородок и брутальная щетина, на фоне которой его губы казались ещё более чувственными.

Красив, гад... Я бы даже сказала, запретно красив.

Но подобного рода удовольствие я не привыкла раздавать просто так, потому моего шока он не увидит. Я нахально вскинула бровь, буквально требуя ответ на свой вопрос.

И видела, как Бесадзе завис, словно пытался вспомнить, что именно я у него спросила...

— Твой паспорт у меня, — неожиданно спокойный голос разорвал ощущение моего превосходства, и сказка закончилась. — Как старый, так и новый. А то невеста у меня пылкая... Может и паспортом позавтракать, лишь бы замуж за меня не выходить.

И всё встало на свои места: холодный Бес и его строптивая пленница...

Тимур поджал губы и двинулся в мою сторону. Он всем видом выражал недовольство моим замешательством, будто это действие нанесло ему тяжкое оскорбление! Он что... Он никогда первым не подходил к женщинам? Какая прелесть.

— Ты прекрасно выглядишь, — сухо отметил Тимур и убрал коробку с кольцами во внутренний карман пиджака.

— Спасибо за платье, — я вложила ладонь ему в руку, а второй чуть приподняла подол платья, чтобы не испачкать

его на улице. Но спустя три шага слуха коснулся тихий, почти неслышный рык...

Я опустила взгляд и сразу поняла причину его недовольства. Задранный подол, широкий шаг... А в сумме почти полностью оголенная нога, с отметинами на бедре.

— Это твои отметины, Бесадзе! Так чего ты рычишь? — отмахнулась я, но Тимур вдруг потянул мою руку вверх, а следом побежала и нежная ткань. И чем выше она поднималась, тем меньше у него оставалось надежды, что я не забыла надеть бельё...

А я забыла! Вернее, нарочно его сняла, когда заметила, насколько откидываются полы платья.

— Что, Бесадзе, жмёт, да? — рассмеялась я и отдернула руку вниз, отказывая ему в доступе к аттракциону для взрослых. — Но не переживай... Сейчас ты меня хочешь, а через пару часов снова будешь ненавидеть.

— Ну, слава Богу! — в тон моему смешку ответил Тимур и распахнул для меня входную дверь, но вперед не пропустил... Он обогнал, остановился на ступенях и довольно ловко стянул полы пальто, туго завязав их поясом. — А то я уже пять секунд не ненавижу тебя. Даже скучно стало...

— А ты мне начинаешь нравиться, — прошептала я, пользуясь тем, что между нами почти не осталось дистанции.

— А я вот не сразу понял, что ты смертница, — Тимур отмахнулся от водителя, дав понять, что поможет своей невесте сесть в машину.

И был прав... Если бы не пальто, то моё перебрасывание ног могло превратиться в стриптиз. А этого Бесадзе никак не мог позволить... Своё, пусть и фиктивное, он будет оберегать до последней капли крови.

Тимур мягко закрыл дверь, даруя мне несколько секунд одиночества и тишины. А когда сам прыгнул в салон, то первым делом поднял стекло, отсекая нас от водителя, и прошипел:

— Тебе бояться меня нужно, Камилла. Бояться и держаться подальше! А ты за усы дёргаешь...

Я не уловила момент, когда Бесадзе наплевал на все рамки приличия! Он буквально навалился на меня, утягивая в облако мужского парфюма, а по моей шее прокатился его рваный выдох.

— А ты мне платье покупаешь с разрезом до клитора! Боевая ничья, Тимур Петрович. Ты хотел посмотреть? Ты это получил...

В салоне было душно, я рывком развязала пояс пальто, расправила ткань платья, прикрыв свои колени, чтобы случайно не осчастливить засранца.

— Но я не успел ничего рассмотреть, Ками. Ты так быстро спряталась, — отреагировал Бесадзе, не отрывая от меня глаз.

Я пыталась зафиксироваться на чем угодно, лишь бы не на его голосе! Но это было сложно... Тимур изучал меня, как лабораторную мышь. Его тяжёлый взгляд полз по лицу,

спускался к шее, рукам... И я уже пожалела, что не надела ту тряпку, присланную Маликой.

Но я должна терпеть и молчать, если хочу обернуться королевой вместо пешки на его игровой доске.

— Успокой меня, Бесадзе, — я набрала полную грудь воздуха и выдала главный вопрос. — Скажи, что ты не спишь со своей родственницей! Если Амиров твой дядюшка, то кто тогда тебе Малика? Сестра?

— Он мне не дядя, — ответ прозвучал так быстро и резко, Тимур даже не пытался скрыть отвращения при упоминании фамилии Амирова.

— Ну и хорошо, тогда плодитесь и размножайтесь, — я выдавила улыбку и даже набралась смелости, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Спасибо за позволение, — усмехнулся Бес, правда, в следующее мгновение его голос стал звонче стали. Он снова наклонился, подцепил мои волосы, перекидывая их на правое плечо, чтобы ничто не мешало ему рассматривать меня. — Но если ты коснешься хоть одного охранника, Ками, я тебя убью... Лично!

Глава 11

— Приняла к сведению, — спокойно ответила я и отвела взгляд. — Если я и кукла, то раритетная. Такие в сервантах стоят, пылью покрываются. Красивые... Но не для игры. И кому есть дело до того, что свободу она любит, так же как секс? Не слишком ли это жестоко — забирать и то, и другое?

Бесадзе сжал зубы, и я поморщилась от этого пронзительного скрежета! Он напрягся, и было ощущение, что как только я надорву последний канат его нервов, он не выдержит и придушит меня!

Он даже не скрывал горячего дыхания, жадности, с которой смотрел на меня. Я вдруг вспомнила тяжесть его рук, его грубые прикосновения, несущие то ли боль, то ли наслаждение.

И мне нужно было остановиться! Заткнуться и сменить тему, пока он не очоурился от стояка... Так скоро вдовой я становиться не планировала.

Но тут в его кармане ожил телефон...

Тимур рывком достал его, и секунды промедления было достаточно, чтобы прочитать на экране имя Малики.

Бедняжка... Извелась там, наверное, вся!

— Ты лгун, Бесадзе. Она не твоя женщина, — выпалила я, а Тимур неожиданно вскинул на меня глаза, игнорируя звонок, а после и вовсе сбросил его. Смотрел так, будто я суме-

ла его чем-то поразить. — Ты, Тимур, недостижимая вершина... Ну кто такие Сивцов и Погожев? По твоим масштабам они ремесленники со строительными конторами и магазинами шмотья. В твоих банках хранится весь их капитал... Как легальный, так и серый. В твоём доступе ячейки с самыми тёмными секретами, ты видишь сеть переводов, знаешь всё об их связях. Ты, Бесадзе, богатейший мужчина региона. Как в материальном плане, так и в плане информации. Они тебе даже до пупка не достают...

— Продолжай, — прохрипел он, сжимая телефон до хруста.

— Малика просто надёжный партнёр для унылого секса. Никаких ЗПП, неожиданной беременности, розовых замков из песка и мечт о свадьбе... Суровая реальность, скрепленная тайной связью. И я тебе нужна не для того, чтобы обезопасить Малику. Но и Малика тебе не для чувств... Так для чего тебе мы, Бесадзе?

Тимур вновь вскинул бровь, словно предлагая самой добраться до истины. И, признаться, эта игра мне нравилась...

— Но я осмелюсь дать тебе один маленький совет. Женская ревность, доведённая до паранойи, плохой спутник. В таком состоянии Малика дойдёт до крайних мер... И я бы на твоём месте была осторожна, как бы бастардов не пришлось усыновлять и с дядюшкой объясняться. А я только начала привыкать к мысли о законном муже. И запомни, разводиться со мной будет ой как непросто...

Я так расслабилась, что перестала сжимать полы платья... И лишь когда вершины задравшегося разреза коснулись горячие пальцы, лишь когда они пробежались по чувствительному треугольнику, будоража нежную кожу, я захлебнулась собственным вдохом.

Бесадзе снова замер, определяя красную линию, за которую не перейдёт... Но я помню, чем закончилась его сдержанность вчера, поэтому опустила руку, мягко оттолкнула его пальцы и снова свела непокорный шелк, прикрывая свою идеальную зону бикини от его взгляда. А глаза у Бесадзе полыхали знатно... В какой-то момент мне даже стало страшно, что вместо ЗАГСа нам придётся ехать в больничку. Его грудь так вздымалась, что пуговицы на рубашке скрипели.

— Да если бы ты пришёл к Амирову, то этот старый притворщик с липовой тростью с радостью отдал бы тебе свою драгоценную и стремительно стареющую племянницу. Ну не родился еще идиот, отказавшийся от такой сделки по слиянию капиталов! Но ты не пришёл, а он делает вид, что ничего не знает...

— Он, и правда, ничего не знает, — Тимур снова отвлёкся на звонок, но в этот раз прочитать имя я не успела, потому что он сразу ответил: — Брачный контракт должен быть на столе к вечеру.

Понятно... Богатой вдовой мне не стать. Но и он тогда хрен со мной разведётся! Назвался груздем? Добро пожаловать...

— Идиотское платье! — выдохнул он и резко вскинул голову вверх, хватая воздух, словно до этого не мог нормально дышать.

— Нет, Тимур Петрович... Ты получил именно то, чего хотел, хоть и не признаешься. Хотел посмотреть? Посмотрел...

— Нужно надевать бельё! — рыкнул он и схватился за узел галстука, чуть ослабляя его тиски.

— Если бы ты не хотел этого, то отправил бы меня в комнату... Поверь, натянуть полоску кружева — дело пяти секунд, — я тоже отвернулась, стараясь не дышать, как уставшая гончая. — Но ты не стал, потому что порыв, инстинкт и любопытство победили. Одел бы меня, как дядюшка одевает твою женщину...

— Камилла, я тебе очень рекомендую не играть в игры с Амировым. Знакомство было исключением, и больше вы никогда не пересечётесь. Старик умён, хитёр и опасен... А ещё он ненавидит светские рауты, кстати, и Малики там тоже не будет, — уже спокойно добавил Тимур, словно заметил, как я сморщилась при упоминании её имени.

— Не слишком ли много предостережений для одного дня? Не трахаться, женщину твою не трогать, к Амирову не приближаться. Быть может, ты сделаешь так, чтобы и твоя Малика не приходила в дом? Или уже смиришься с моим протестом... Не удастся усидеть на двух стульях, Тимур Петрович. Я не стану играть роль хозяйки дома, пока напротив ме-

ня сидит твоя женщина... — я в край обнаглела, и распахнувшиеся от удивления глаза Тимура говорили о том же... Но отвечать он не стал. И я была благодарна ему за это...

— Лиле нужно будет две операции, — вдруг произнёс Бесадзе. Но помимо желания сменить тему, в его голосе чувствовались тревога и сочувствие.

— Знаю! — вскрикнула я, выпуская боль, что пряталась всё это время под сердцем. И шальная мысль сорвалась с языка до того, как я сумела её усмирить: — Я с тобой навсегда?

Это был риторический вопрос, ответ на который был известен нам обоим.

Как ни странно, но я думала, что наша роспись будет в каком-нибудь районе ЗАГСе, но вместо этого кортеж свернул на центральную улицу, где напротив приёмной губернатора высился помпезный Дворец бракосочетаний.

Ну, естественно... Хотя это и скромная свадьба, но свой статус Бесадзе марать не собирался.

Правда, как только машины начали притормаживать, прорезаясь через оживленную толпу, нас даже через плотную тонировку ослепил залп фотовспышек. Журналисты стояли в три ряда, опутав красивую лестницу крыльца. Охрана едва сдерживала их напор, жадные до новостей засранцы готовы были драться, лишь бы наконец-то урвать фото Бесадзе и его невесты!

— Только попробуй выйти, — рыкнул Тимур, а сам вы-

скочил из машины... Правда, налетевшая охрана тут же сомкнулась вокруг него, а в воздухе замаячили черные зонтики, закрывшие лицо хозяина от объективов пытливых журналистов.

Вся эта маскировка была отработана настолько, что даже мне было сложно рассмотреть Тимура в кишасей туче охраны. И лишь когда распахнулась моя дверь, я снова увидела эти красивые зеленые глаза...

Он протянул руки, свел пальто, и я взмыла в воздух. Поднял меня, как пушинку, прижал к своему каменному торсу и развернулся... Охрана расступилась, давая нам двоим воздуха и пространства, лишь зонты закрывали нас и от любопытных глаз, и от рухнувшего с небес ливня...

— К счастью, — зачем-то повторила я мамины слова, а сама посмотрела на небо, ловя ледяные капли пылающими щеками.

Когда мы вошли в здание, на миг показалось, что кроме нас тут никого нет... Тимур снял с меня пальто, передал охране и потянул за собой, с силой распахнув красивые светлые двери, украшенные золотыми вензелями.

Он шел не рядом, а чуть впереди. И я не сразу распознала хитрую стратегию. Он своим корпусом закрывал и меня, и то, что творило выбранное им же платье, от охранников, от любопытных зевак, что обступили широкую мраморную лестницу, словно только нас и ждали.

Его пальцы сжимались все крепче, шаг становился мед-

леннее... И лишь когда откуда-то сверху послышался до боли знакомый писк, мы вскинули головы. На пролёте второго этажа стояла вся отара, которую Бесадзе не догрыз вчера. А как жаль...

Ленка Сивцова, одетая как новогодняя елка, куталась в манто из песка и сжимала руку своего мужа так, будто его могли украсть в любой момент. Да тут были все... И Погожев с дочерью, и ещё масса знакомых морд, которых я бы ещё сто лет не видела!

И, кажется, Тимур к такому повороту тоже не был готов. Но весь масштаб абсурда стал понятен, когда из толпы показался потный пузан, нервно одергивающий свой перекошенный пиджак. И этого недотёпу я тоже знала... Наш славный мэр.

— Ну, наконец-то! Вы уж, Тимур Петрович, не сердчайте на нас за самоуправство. Просто мы тоже хотели быть частью этого знаменательного события. Не каждый день мы женим самого завидного холостяка, — мэр склонил голову, а Бесадзе и бровью не повёл. Он смотрел на них, как на муравьев, перепутавших муравейник. — Мы вас не осуждаем за скромность праздника... А вы позвольте поздравить вас и вашу молодую супругу. Мы помним и скорбим вместе с вами, Камилла. Но уверен, ваши родные были бы счастливы, что в этот день их дочь не одна...

Да лучше бы я оказалась одна, чем в этой гнилой компании рвачей, готовых на всё, лишь бы отгрызть кусок пожир-

ней. Чаплыгин чуть повернулся ко мне, и на его сальном лице засияла ухмылка... Помнит, гад, как я с его любовницы парик содрала. Не забыл!

Но тут Бесадзе неожиданно улыбнулся и так по-дружески похлопал Чапыгина по плечу, а после подтянул к себе и прохрипел:

— А с каких херов я должен тебя на свадьбу свою приглашать, Чапыгин? С каких пор я должен у тебя совета спрашивать, на ком жениться? С каких пор ты, мразь, взялся осуждать меня?

Голос Тимура хрустел, как лёд... И мне впервые стало страшно. Я вдруг осознала, что совершенно его не знаю!

Взволнованная и ропщущая толпа не слышала их диалога, но я-то была рядом! Я и слышала, и видела, как пальцы Тимура впиваются в шею хряка, буквально заставляя его склонить голову передо мной. Он тыкал его, как кошку-засранку, запрещая даже обращаться ко мне!

— Женить он холостяка вздумал... Скорбит по семье моей будущей супруги... Клоун, блядь... Место своё знай!

Бесадзе мягко оттолкнул Чапыгина, ослепив широкой улыбкой, и я впервые поняла, что не хочу этого видеть. Пусть уж лучше скалится и рычит, чем демонстрирует эту маньячную улыбку.

— Идём, — Тимур шагнул, и толпа расступилась.

На нас смотрели, как на чудиков с другой планеты! Но Бесадзе было так фиолетово на них всех, что я невольно при-

осанилась, расправила плечи и шла за ним, как подобало не пешке, а королеве!

— Я тебя, суку, помню, — внезапно раздалось справа, когда мы остановились у двустворчатых дверей. Тимур переговаривался с охраной, а я заскользила взглядом по лицам, пока не заметила мою старую знакомую... Ту самую любовницу, которую опозорила на том злосчастном благотворительном вечере. — Ты у меня за всё ответишь!

— Ну, вставай уже в очередь, — отмахнулась я, окончательно устав от угроз. — Задолбали уже, честное слово...

Я было подумала, что Бесадзе не заметил, однако вскинув голову, столкнулась с его сосредоточенным взглядом, но после он мягко толкнул меня в распахнутые двери, а охрана отсекала всех желающих присоединиться...

Мы вошли в зал и вздрогнули от громкого гимна, а регистраторша, не сумев скрыть шока, так и стояла с открытым ртом. Она видела, что на роспись не впустили даже мэра... И уже представляла, на ком он сорвёт злость.

— Только давайте без голубей, кораблей и прочих...

— Блядей, — шепотом добавил Тимур и тихо рассмеялся, подводя меня прямо к столу. — Слышали, что невеста сказала? Где тут автограф поставить? А то страсть как хочет за меня замуж...

Женщина выключила торжественную музыку, после развернула журнал, ткнув в нужные графы.

Я чуть стушевалась, заметив странную комбинацию, каза-

лось бы, несвязных слов... Бесадзе Камилла Соломоновна. Но стоило замешкаться всего на секунду, как рука Тимура легла на поясницу, слегка надавив...

И я подписала, до сих пор мысленно смакуя свою новую фамилию. Бесадзе тоже расписался, даже не дожидаясь команды... Быстро, стремительно, будто боялся передумать.

— Объявляю вас мужем и женой...

И вдруг моей шеи коснулась горячая ладонь, грубые пальцы проложили дорожку вверх, сомкнулись на подбородке, и в следующий миг Тимур обжег меня поцелуем... Таким спокойным, даже невинным... Он не делал резких движений, не торопился, словно смаковал мой вкус, запах, мягкость. И лишь когда он хотел отстраниться, его губа скользнула между моих... И меня прошибло резким ударом тока! Бесадзе распахнул глаза, и снова тёмная мгла сменила светлую зелень.

— Обменяйтесь кольцами, — сдерживая недовольство, произнесла регистраторша, и Бесадзе достал ту самую коробочку. Нажал на кнопку, и крышка откинулась, демонстрируя два одинаковых обода из белого золота. Но моё кольцо было объято крупными прозрачными бриллиантами, а его покрывали тёмные сверкающие камни.

Тимур раскрыл ладонь, явно желая, чтобы я сама протянула руку. И я сделала это... Мои пальцы дрожали, ему пришлось чуть усилить хват, чтобы остановить нервозный танец. Холодный металл обласкал кожу и остановился прямо под

первым кольцом.

И вдруг пазл сложился...

Квадратный оникс бросался в глаза, а вязь бриллиантов лишь подчеркивала мощь этого камня. Так странно... Дорогущие бриллианты были всего лишь обрамлением тёмного воплощения души моего будущего... нет, настоящего мужа. И эта частичка теперь была моей.

И тут настала моя очередь... Я повторила жест Бесадзе, раскрыла ладонь, а он без сомнений протянул свою правую руку. Я чуть не уронила коробку, доставая тяжёлый обод, нервничала, как дура! Напридумывала себе сказок про «раз и навсегда», сама в них поверила... Хотя с детства видела обратное!

Но как бы я ни злилась, пальцы мягко, почти невесомо прокатали крупное мужское кольцо, замирая у печатки с ониксом. Вот и всё...

— А вот теперь и нужно было целовать! — выпалила осмелевшая регистраторша, что своей чопорной правильностью бесила даже меня!

Бесадзе зарычал от нежелания слышать чужие подсказки! Он сам знал, как жить, кого и когда целовать, на ком жениться! Я все это успела прочитать в темнеющих глазах, пока его лицо стремительно приближалось...

И наши губы снова сомкнулись, но в этот раз он был куда смелее... Толчком заставил расслабиться, языком прошёлся по зубам, слегка надавил на подбородок, и челюсть безропот-

но разжалась... По нёбу прокатился жаркий выдох, а я, как тупая идиотка, проглотила его! Порция пьянящего аромата, вкуса, мягкое скольжение языка, едва касающегося кончика моего. Это был не поцелуй... Это было знакомство!

Тимур так и не переступил очерченную самим собой черту. Он притянул меня и прижал голову к своей груди, отчаянно целуя макушку. И вот в этом жесте он себя не сдерживал!

— Идём...

И я пошла. Ноги не слушались, сердце гулко долбило по рёбрам, в горле все пересохло, а в носу, во рту, в лёгких кружил его запах, полный сладости и терпкости кофе, карамели и табака.

— Поздравляем! Поздравляем!

Как только распахнулись двери, мы чуть не оглохли от оваций, слышались хлопки шампанского, к нам тянули букеты, но охрана все ловко перехватывала, оттесняя нас к лестнице.

Тимур продолжал прижимать меня к груди, закрывал лицо, вел вслепую через толпу гостей, по лестнице. Я почти ничего не видела, но знала, что он не даст упасть!

Откуда? Откуда я все это знала? А все просто... Теперь я – часть инвентаря страшного и ужасного Бесадзе. И моё падение автоматически становится его падением. А этого Тимур никогда не позволит.

Слёзы застыли в глазах хрусталиками льда. Но я не мор-

гала, чтобы никому их не показать. Хватит, что они и этот день умудрились измарать своими лживыми улыбками!

А Бесадзе всё знал, всё чувствовал, ускорял шаг, и из ЗАГСа мы практически выбежали. Лишь в последний момент один из охранников накинул на меня пальто, укрывая от пронизывающего ветра. Тимур усадил меня в машину и даже не стал обегать её, просто сдвинул по сиденью, сел сам, а после закрыл дверь...

Прессы уже и след простыл. Наверняка их разогнали псы Бесадзе. И лишь назойливые гости неслись вниз по лестнице, но водитель сориентировался и ударил по газам.

Я отодвинулась, рассматривая витиеватые ручейки капель. Дождь все усиливался, долбил по панорамной крыше, стекал по окнам. А в голове звучало лишь мамино: *«Это к счастью, девочка моя, к счастью...»*.

А к какому счастью, мам? Врут ваши приметы... Врут.

Всю дорогу мы молчали. И лишь когда в вечерних сумерках вспыхнула знакомая лента подсветки дома, я с облегчением выдохнула. Странная мысль накрыла меня... Словно только в этих стенах я могла ощущать себя в безопасности.

Здесь уже было некого опасаться, поэтому, как только кортеж затормозил у главного входа, я выскочила и рванула в дом, но Бесадзе меня догнал. Он сжал локоть, развернул к себе и накинул на плечи пальто.

Он заметил мои слезы... Я их берегла, прятала, чтобы оставить только себе! Но он всё увидел!

— А ты молодец, Ками... Не подвела меня.

— Так и ты меня не подводил. Пока, — огрызнулась я. — У нас уговор, Тимур Петрович. Пока ты выполняешь свои условия, пока спасаешь мою сестру, надежнее товарища, чем я, не найдёшь. Я за тобой пойду и в рай, и в ад! А личные отношения ведь никак не влияют на договор?

— И в рай, и в ад... — задумчиво протянул Бесадзе, и его рука потянулась к моему лицу, большим пальцем проскользила по нижней губе, чуть оттягивая её вниз. — Нет, наши личные отношения не влияют на сделку.

— Когда мне подойти подписать брачный контракт? — здесь, где не было посторонних, я могла вести себя так, как хотела... Спокойно поднялась на крыльцо, распахнула дверь.

— Я приглашу тебя, — донеслось со спины, но я уже не слушала...

Мой взгляд прилип к широкой лестнице, где на промежуточном пролёте стояла Малика... Она смотрела сквозь меня, делая вид, что кроме неё и её мужчины в доме никого нет!

Малика мягко улыбалась, поигрывала длинным и довольно скромным белоснежным платьем. Словно это не я приехала из ЗАГСа с кольцом, новым паспортом и новой фамилией, а она!

Её тонкие пальцы нервно перебирали тугой канат невинной косы. Сегодня Малика превзошла саму себя... Ни грамма косметики, лишь девственный румянец на щеках.

Сука притворная!

Малика словно мысли мои прочитала, изящно вскинула руку и потянулась к НЕМУ...

За спиной загрохотали тяжелые шаги и через мгновение в нос ударило облако мужского парфюма, а по руке скользнуло холодное касание... Тимур обошёл меня и двинул прямым к этой лживой твари, в чьих глазах плескалась напускная скромность.

И я всё поняла...

Она забрала мою первую брачную ночь! Красиво, изящно и больно дала сдачи. За «хозяйку дома», за то, что не выбрала её платье, за то, что я была с ним в ЗАГСе!

Я инстинктивно сжала кулак, прошлась большим пальцем по кольцам, упиваясь рельефом камней. И внезапная волна спокойствия прокатилась по позвоночнику.

Убью суку... Уничтожу!

Глава 12

Игнорируя слова Демонессы, я прошла в свою комнату. Закрыла дверь и даже не стала включать свет. Через тонкий тюль прорывалось мягкое свечение уличных фонарей, по стенам ползли лучи мелькающих фар разъезжающегося кортежа.

Вроде всё привычно и знакомо: мебель, запахи, звуки и даже ощущение безопасности, к которому я только начала привыкать. Но внутри поселился какой-то тревожный сверчок...

Я еле шевелилась, казалось, если сделаю хоть одно резкое движение, моё состояние внутреннего равновесия треснет. Вдох и выдох... Нужно просто дышать.

В дверь тихо постучали, и я знала, что это Альбина. Но сегодняшний день вымотал меня куда сильнее, чем обед в кругу моих врагов. Бесадзе словно разрушил выстроенную оболочку, за которой я пряталась. Его колкости, взгляды, моё унижительное положение не причиняли боли. Но сегодня все рухнуло... И чтобы снова обрести щитами, мне нужно побыть в тишине.

Аккуратно сняла платье, уложила его на кровать и пробежалась пальчиками по тончайшей ткани.

Меня тянуло к окну... И лишь через три круга по комнате я сдалась. В приоткрытую форточку прорывался холод-

ный сквозняк, оглаживая обнаженное тело. Но мне не было холодно... Встала за занавеской, наблюдая за бегом вспыхивающих огоньков в хозяйском крыле. И когда зажглось последнее, когда в тусклом мареве показался силуэт Бесадзе... сердце остановилось.

Он стремительно пересёк спальню, сдернул галстук, расстегнул верхние пуговицы рубашки и замер у стола. Внезапная вспышка, и тени рассыпались, Бесадзе словно почувствовал моё внимание и включил настольную лампу, чтобы я могла видеть не очертания, а его самого... Тимур в знакомой мне манере вскинул голову к потолку, после опустился в мягкое кресло и развернулся к окну. Но через мгновение в комнате появилась ещё одна тень.

Малика буквально подскочила к занавескам, даже дёрнула плотную ткань, но в последний момент передумала и безошибочно опустила взгляд к окнам моей комнаты на первом этаже.

Холодная и стервозная гадина. Её история не про любовь, не про чувства и преданность своему мужчине. Ни одна нормальная женщина не сможет делить любимого, пусть и с фиктивной, но всё же женой. Быть может, я всё же из нормальных? Быть может, в этом и кроется причина странной тревоги?

Малика вскинула голову и мягкой походкой подошла к Тимуру, уложив руки на его плечи... Однако Бесадзе не откликнулся, и тогда Малика закружила вокруг него течной

сукой. Но Тимур словно застыл, продолжая смотреть в окно.

Я инстинктивно повернула голову и тут же поняла, что же так заворожило Бесадзе. Вдали, над рваной линией леса, красовался совершенно нетипичный для осени закат. Охровые языки ласково скользили по горизонту, пытаюсь скрыться от надвигающихся чёрных, почти снеговых туч.

Не в силах больше подглядывать за чужой жизнью, я медленно собрала волосы в хвост, подошла к зеркалу и... вздрогнула, не узнав собственного отражения. Глаза переливались шальным блеском, на щеках проступил стыдливый румянец, помада оказалась размазана, а на подбородке виднелось красное пятно от его пальца.

Но больше всего меня волновал прилипший к коже чужой запах... Он раздражал рецепторы, заставлял бурлить кровь, вновь и вновь возвращая в пустой зал бракосочетаний. Вкус его поцелуя застыл на языке, губы помнили вспышку нежности, а шея ссаднила фантомными касаниями...

Я понимала, что это нормальная реакция организма на настоящего маскулинного самца, что и рот тебе заткнёт, и от врагов прикроет, и платье выберет. И будь послабее – купил бы паранджу, чтобы спрятать. Так нет, он выбрал, чтобы сдохнуть от зависти самому себе!

И, наверное, это смелый поступок... Даже когда он меня жутко бесит, я всё равно вынуждена признаваться в уважении к этому мужчине. Наверное, принеси он монашескую накидку, я бы назло надела тот наряд портовой шлюхи! Но ме-

ня покорила его полная честность в словах, желаниях, взглядах... Он же мог послать регистраторшу с её табуированными правилами и не притронуться ко мне? Мог... Но не хотел! Долбаный Бесадзе!

— Ненавижу! — шепнула я, снова подняв голову к окнам его спальни. Свет потух... Однако силуэт Тимура до сих пор просматривался на том же месте, в той же позе.

Я вошла в гардеробную, надела спортивный костюм, кроссовки, а после без промедления выскочила через панорамное окно на улицу. Чтобы уснуть, мне нужно сбросить напряжение и вымотать себя. И облегчение может принести лишь пробежка. Проползла вдоль фасада, прячась за кустами, а завернув за угол, вырвалась на свободу.

Прохладный ветер обдувал лицо, умиряя румянец, что растекался от щек до шеи. Из какой бы стали не был сотворен мой характер, тело моё было куда слабее... И Бесадзе это понял ещё при первой встрече, оттого и бил в чувствительные точки.

Но сейчас меня душила ярость. То, что сделала Малика — это пощёчина... И она куда более физической!

Но Бесадзе не мог этого не понимать, когда, забыв попроситься, отозвался на зов её довольно пошлого приглашения. Он забыл про меня. Оставил у порога, как мокрый зонт, как пальто... И пошёл к ней!

Но разве я имею право его осуждать? Это его дом, его правила, в конце концов, это фиктивный брак, скрепленный су-

хой сделкой интересов. И мне не на что злиться, ведь свои пункты он выполняет безукоризненно.

К присланным доктором документам, помимо плана лечения и анализов, была прикреплена и смета. И стоило увидеть выставленный счет, я чуть в обморок не рухнула. По быстрым прикидкам, даже если я до пенсии буду работать и питаться одним кислородом, то всё равно не смогу вернуть долг Бесадзе!

А как мы с Лилей будем жить? Как я буду ставить её на ноги? На отца в этом деле рассчитывать глупо.

Предательские слёзы всё же сорвались с ресниц, и им на смену накатила новая волна. Я ускорила, только бы отвлечься от страхов, жалости и мыслей о Бесадзе. Неслась быстрее ветра, пересекая паутину аккуратных дорожек, избегая фонарей.

Моё тяжелое дыхание прокатывалось меж редяющих деревьев. Я несколько раз обернулась, пытаюсь рассмотреть охрану, но, к счастью, за мной никто не следил. Я могла побыть наедине со своими мыслями, почти как свободный человек.

Да я Бесадзе по гроб жизни обязана... И свои эти заскоки про любовь и свободу нужно засунуть куда подальше. Я – залог жизни своей сестры. А кого он будет укладывать в свою постель – мне глубоко фиолетово! Уйдёт Малика, появится новая.

Они – функция переменная, а я, со своей секретной мис-

сией и его фамилией, к сожалению, постоянная...

И вдруг в суету моих мыслей прорезался какой-то странный шорох. Я инстинктивно обернулась на звук, но ни лучей фонарей, ни топота.

Чуть затормозила, вглядываясь в сумерки, но дорожки были пусты. От дома я отбежала на приличное расстояние, поэтому прятаться уже не было смысла. И когда я снова занесла ногу для толчка, из-за пышного куста показалось тёмное пятно. И оно с пугающей скоростью двигалось прямо на меня!

Сердце ушло в пятки, а ноги сами понесли меня вперёд. Когда я попыталась свернуть к дому, чудище зарычало и попыталось обогнать. Я оказалась в ловушке...

Ноги лупили по слякотному после дождя газону, скользили, лишая меня запаса дистанции. В спину лупило тяжелое, явно не человеческое дыхание, от которого по позвоночнику рассыпались ледяные мураши ужаса.

Я молилась, чтобы это были просто игры разума и результат перевозбужденной психики, и, лелея хрупкую нить надежды, обернулась. Ну кому за мной гнаться? Это точно не человек, а в сказочных бабаек я перестала верить ещё в первом классе. Но тут в темноте вспыхнули два светящихся глаза, и слух взорвался от оглушительного лая...

Собака? Да нет... Это не могла быть собака! Мохнатое чудище было размером с медведя, он так ловко перепрыгивал через кусты, скамейки, даже пытался хитрить, предугадывая

мои жалкие попытки спастись.

— Не убежать, — проскулила я, несясь вдоль рощицы, чтобы не терять из вида фасад дома. Взглядом искала пост охраны, но, как назло, горизонт был чист.

И тут среди молодой поросли фруктовых деревьев я заметила явно старое и раскидистое дерево, одна из веток которого была обнадёживающе наклонена к земле. Но по сравнению с другими, это дерево хотя бы внушало доверие!

Резко развернулась и рванула к цели. Смотрела на наметенную ветку, но выпирающий корень так не вовремя попался под ногу, я запнулась и влетела прямо лбом в холодную и твёрдую кору. Заглушив боль, снова поднялась, а после из всех сил подпрыгнула, вытягивая руки вверх!

То ли с перепуга, то ли ветка, и правда, была довольно низко, но у меня получилось уцепиться! Кожа ладоней вспыхнула, растрескавшаяся острая кора врезалась в кожу, пальцы скользили, но я держалась.

Пёс лаял как ненормальный, прыгал, пытался схватить за свисающие ноги. Я не слышала, а чувствовала, как челюсть со звонким клацаньем сжимается на моих пальцах. Но меня спасла слабая петля шнурков. Чудище так резко стянуло кроссовок, что я чуть не свалилась на землю! Пёс рычал, мотал головой, вмиг превращая новенькую обувь в пожёванный обслюнявленный комок кожи.

Я стонала, завывала в голос, карабкалась по изогнутой ветке, пока не сумела закинуть босую ногу наверх. Едва ды-

шала, адреналин лупил под горлом, но я подтянулась, прижалась всем телом к хрупкой опоре.

— Миленькая моя... Держись! Ты только не ломайся! — я поглаживала ветку, но вместо ответного заверения в надежности эта зараза захрустела!

И с каждым моим всхлипом звук становился всё громче, пронзительнее! Я вскинула голову и заметила ещё одну изогнутую перекладину... Она была более надёжной, правда, чтобы достать до неё, мне нужно снова подняться и прыгнуть. Но тут нет опоры...

Я ползла задом прямо к стволу. Толстовка задралась, по животу скребла кора, боль была такой резкой, что из глаз брызнули слёзы, но я не останавливалась. Я даже не поняла, что именно течёт по моему лицу... Ото лба, по глазам, красные капли падали на ветку и даже на морду собаки. Но я упорно шла к цели, пока не добралась до толстого ствола. Села прямо у основания ветки, прижалась спиной к дереву и горько заплакала.

Пёс лаял всё громче! Он вставал на задние лапы, скрёб по коре когтями, жалобно скулил. А я в ужасе смотрела на него и не верила своим глазам.

Какая же это собака? Монстр! Огромное чёрное чудовище с белым пятном у правого глаза, на котором отчетливо виднелся росчерк моей крови. И, кажется, такое жертвоприношение ему было по вкусу...

— Ну что ты ко мне прицепился? Вулкан! Бобик! Зевс...

Ну как там тебя? Уйди, пожалуйста...

Ветка снова захрустела. Превозмогая боль, я поднялась, равномерно распределяя свой вес, и потянулась к той, что была выше и толще. Я из последних сил сжимала руки, подтягивала себя, но нижняя опора все же сломалась как раз в тот момент, когда я закинула ногу...

Меня подкинуло, а икру ошпарило разрядом боли. И я не выдержала... Животный крик вырвался из груди и прокатился по роще! Перед глазами всё помутнело, дыхание сбилось, сердце лупило как ненормальное!

Не знаю как, но я все же вскарабкалась на ветку, прижалась к стволу спиной. Но неожиданно среди лая и моего рыдания я смогла распознать быстрые шаги...

— Джакут! Фу! — гроыхнуло вдали, и из темноты показался яркий луч фонаря.

Охрана... Слава Богу!

Высокий парень неся на всех парах и не мог понять, на кого лает собака. Он выкрикивал команды, но это кровожадное чудовище было неуправляемо!

— Камилла Соломоновна? — на выдохе произнес охранник, наконец-то догадавшийся поднять свой фонарь на верхушку дерева. — Чёрт подери...

Парень пристегнул к собаке цепь, обмотал её вокруг соседнего дерева, а когда отошел на пару шагов, слух резануло зубодробительным треском... Этот чумной гигант на четырёх лапах так отчаянно хотел меня убить, что тонкая берёза

не выдержала его напора.

В ужасе таращилась на переломившуюся пополам березу и не верила своим глазам! Но в шоке была не только я, охранник тоже замер, наблюдая, как чудище вновь заклацало зубами, наворачивая круги прямо подо мной.

— Помогите!!! — заорала я, на миг представив, что уже никогда не слезу с этого дерева.

Пёс прыгал на ствол, словно понял хрупкость моего убежища и принялся раскачивать его.

— Ястреб! ЧП! — закричал парень в рацию, пытаясь поймать собаку, но та как остервенелая путалась цепью в его ногах. — Я нашёл сбежавшую собаку... Но Джакут загнала Камиллу Соломоновну на дерево!

Я рыдала, умоляла дерево быть стойким и не сломаться от напора этой псины. Однако ветка снова хрустнула... Я едва смогла перехватиться, но подходящих опор больше не было.

Я попыталась обхватить ствол руками, но отчего-то не могла их сжать. Отдернула одну ладонь, однако вместо кожи увидела багряные разводы и струйки крови... Вторая ладонь оказалась с ещё более глубокими порезами, утекающими на запястье. Ноги тоже плохо слушались, но смотреть на них я не рискнула... Мне было достаточно ощущения теплого ручейка по голой ступне.

То ли голосов становилось всё больше, то ли я окончательно свихнулась от ужаса.

— Камилла Соломоновна, я сейчас! — парень довольно

ловко вскарабкался по стволу, но стоило ему тронуть ветку, на которой я сидела, она опять захрустела.

И я заорала так, что легкие вспыхнули от боли! Впилась ногтями в рыхлую от осенних дождей кору и вопила, как перемкнувшая сигнализация.

— Несите лестницу! — уловив незнакомый голос, я чуть опустила голову, но картинка плыла... Охранников было то двое, то четверо, после чёткость возвращалась, но ненадолго.

А ещё у меня жутко болела голова...

— Нет лестницы! — из рации доносился ответный, почти панический крик. — Сломали, когда чистили водостоки.

— Вызывайте кран, эвакуатор, лифт... — растерянно ответил трясущийся от ужаса охранник. — Я не смогу подняться, ветка хрупкая! А самостоятельно она не спустится!

В какой-то момент его страх стал таким явным... Я буквально ощутила его всем телом. Мои руки были полностью залиты кровью, и мужчина явно думал, что меня не дожевал их сторожевой барбос.

Дерево больше не трогали, и оно перестало хрустеть. И тогда я замолчала, желая успокоить паникующих мужиков. Они кружили вокруг и не понимали, как мне помочь прямо сейчас. И в их взгляде была видна лишь паника.

Очередной охранник подбежал к стволу и протянул руки вверх. И тут я заметила, что у дерева больше нет собаки, её лай доносился откуда-то издалека.

— Камилла Соломоновна, нужно прыгать, пока ветка не сломалась! Я вас поймаю!

Я смотрела на его тонкие длинные руки, и расстояние между нами было просто катастрофическим... Сколько тут? Метров пять? А с такой высоты можно убиться?

И я снова вцепилась в ствол и завывала февральским ветром. Пальцы соскальзывали, сил почти не оставалось... Картинка окончательно размылась. Даже голос охранника был таким жалким, беспомощным. Если он не верит в моё спасение, то что делать мне?

— Камилла Соломоновна! Я вас поймаю!

Вдали послышался хаотичный топот, крики, голоса...

— Надо прыгать! Вам нужно в больницу! Камилла Соломоновна...

Но тут всё стихло... И в тишине послышался до боли знакомый то ли хрип, то ли рык...

Пришёл? Я распахнула глаза, издалека заметив Бесадзе. Он не бежал, а буквально летел, расталкивая охрану. И чем ближе он подбирался, тем отчётливее я видела его полные ужаса глаза. Но что... Что его так напугало?

— Тимур Петрович, Джакут подкоп в вольере сделала. Геня пошёл искать, а тут... — попытался оправдаться охранник.

Тимур повторил уже знакомый манёвр, но как только он коснулся ветки, она снова захрустела, а я опять жалобно завывала...

— Нет! Нет! Нет! Пожалуйста, не трогай!

— Я сам спущу жену! — закричал Бесадзе, и охрана отступила на несколько шагов. — Камилла, ты слышишь меня?

Его голос был тихий-тихий, как весенний ветерок, скользящий по сухой, пока ещё безжизненной траве. От этого звука хотелось закрыть глаза и утонуть в нём без остатка. Там было тихо, спокойно... Голова кружилась, я уже почти не чувствовала рук, лишь пульсирующая в висках боль то и дело возвращала меня в сознание.

— Ты слышишь? — уже с напором повторил Тимур.

Не могла говорить, но кивнула.

— Посмотри на меня, — ветерок в его голосе исчез, и в меня ударил жёсткий приказ...

И я как солдат вытянула голову, подставляясь под его острый взгляд. Тимур отошел от ствола и вытянул руки. Большие, сильные, крепкие... Он не раз поднимал меня, я же чувствовала, как в них спокойно и безопасно.

— Не засыпай, Камилла! Ты качаешься... Смотри на меня и прыгай. Я тебя поймаю! — снова прохрипел он. — Слышишь? Я тебя поймаю!

«*Не поймает...*» — эхом пронеслось в путаных мыслях.

— Ками! — закричал Тимур, окончательно приводя меня в чувства. — Тебе больно и страшно! Но я здесь... И я тебя, Заразу, поймаю!

Голос Тимура дрожал и вибрировал... А я опять ничего не видела из-за слёз. На миг вскинула голову, и взгляд за-

цепился за открытую мансарду дома. Внимание привлекло какое-то светлое пятно, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы узнать в нём силуэт Малики. Она стояла у перил, слегка покачиваясь от ветра, а её платье развевалось белым флагом...

— Камилла Бесадзе! — грохнул Тимур, и ветка, вторя его ярости и страху, снова захрустела прямо под моей задницей. — У тебя лишь один вариант — довериться! Блядь, если я говорю, что поймаю тебя, значит, поймаю! Слово даю! Камилла, доверься!

Доверься... За два года я уже и забыла, что это такое.

Но смотря в его полыхающие глаза, я вновь ощутила тепло и облегчение. Собрав остатки сил, я попыталась перебросить босую ногу, стараясь не замечать её фиолетового оттенка. И тут на белоснежную рубашку Тимура упали капли моей крови...

Он заскрежетал зубами и еще сильнее вытянулся, протягивая ко мне руки.

Мой внутренний аккумулятор мигал аварийным сигналом. Картинка меркла, больше я уже не могла фокусироваться. Охранники, крона дерева – все вертолётом замелькало...

Но во всём этом вертепе я видела лишь его! Эту нереальную зелень в глазах, сильные руки и черный обод обручального кольца. Возможно, эту картинку я себе нарисовала... Но именно она заставила меня разжать пальцы и... рухнуть вниз.

Мгновение полёта казалось бесконечным! Но... Но я знала, что он меня поймает. И Тимур поймал...

От столкновения меня прошибло болью, я даже не понимала, что болит больше? Это пронзительное и смертельное ощущение плавало по рукам, ногам, голове... Я выгнулась и завизжала, да так, что уши заложило от своего же крика. Но тут на затылок легла его ладонь, и я услышала его шепот:

— Всё-всё... Я рядом, — шептал он, унося меня от этого дерева подальше. — Машину срочно!

— Но вы сами отправили Олега... Я могу!

— Я сам за руль сяду!

Мы влетели в гараж, Тимур усадил меня на переднее сиденье, а я запротестовала, увидев белый салон. Хотела что-то сказать, но не смогла... Слова просто не формировались в путаном сознании, а если и удавалось дать слогам форму, то из глотки вырывалось лишь бессвязное мычание.

Тимур прыгнул за руль и вылетел из гаража, проскальзывая в ещё не до конца открытые ворота.

Сквозь пелену тумана я смотрела на его окровавленную рубашку. Он что, поранился? Это я что-то сделала, когда упала?

Но больше я не смогла удерживать веки... Голова мотнулась и бессильно ударилась о стекло, а Бесадзе захрипел раненым зверем и притянул меня, укладывая себе на колени.

— Ненавижу, — внезапно прошептала я...

И стало так неловко... Почему из десятка мыслей я смогла

выговорить лишь то, что ненавижу его? А ведь я хотела поблагодарить, хотела сказать, что его белому салону уже ничего не поможет...

— Ну, наконец-то! — с облегчением выдохнул Бесадзе и сжал меня за подбородок, чуть приподнимая голову. — А то целых полчаса прожил без твоей ненависти. Скучно, Бесадзе...

— Я Соболева, — снова прошептала я, пытаюсь поднять-ся, но Тимур пресёк мою попытку.

— Уже нет.

То ли я вырубилась, то ли до больницы тут было рукой подать, но когда в глаза ударил яркий свет, а слуха коснулся странный шелест, я смогла приоткрыть лишь одно веко, второе будто слиплось. Приложила усилие, но почувствовала резкую боль.

— Не открывай глаза! — скомандовал Тимур и схватил меня за руку.

Сфокусировалась, нашла среди толпы незнакомых лиц ЕГО, и Бесадзе усмехнулся. Он был такой странный... Волосы топорщились, лицо в разводах, вся рубашка была в крови.

Я перевела единственный глаз чуть ниже и поняла, что меня везут на каталке по больничному коридору, а надо мной вспыхивают люминесцентные лампы.

Один... Два... Три...

Вот так же везли мою мамочку.

Четыре... Пять... Шесть...

Точно так же везли мою бабушку.

Семь... Восемь... Девять...

Так же везли и Лилечку.

Десять... Так же теперь везут и меня.

Я устала сопротивляться и закрыла глаза. Как же сильно я ненавижу больницы!

— Что случилось? Камилла Соломоновна? Скажите, что случилось, — настойчиво повторял мужской голос. — Где болит?

Отвечать я не могла, но могла двигать рукой. Правда, всего одной, вторая попросту не слушалась. Вот ей я и указала на ногу, потом на правое запястье, потом на голову... И тут пальцы скользнули по лицу, я ощутила сухую корку и теплую жидкость, и из груди снова вырвался плач.

— Тише! — зашептал Тимур, склоняясь надо мной... Он смотрел так открыто, словно ему вовсе не было противно. — Камилла, собака тебя укусила?

— Нога... — я едва разлепила пересохшие губы. — Кроссовка...

— Так, КТ срочно! И успокоительное!

Глава 13

Сознание возвращалось медленно... Сначала появились звуки, потом проснулась тупая боль.

Разлепила веки, и в глаза ударил яркий солнечный свет. Я зашипела и поднесла руку к лицу, пытаясь прикрыться. Но когда подушечки вместо кожи лица коснулись ткани, с губ сорвался слабый стон...

Я бегала пальцами по своей бедовой голове, но бинты не заканчивались, лишь на макушке показался просвет волос. Перетянут был лоб, щеку стягивало странным пластырем, под которым кожа зудела и чесалась, даже глаз и тот был прикрыт какой-то марлевой повязкой. Я что... Я ослепла?

Инстинктивно рванула вперед, но резкая вспышка боли, прокатившаяся от макушки до пяток, вернула меня в исходное состояние.

— Болит, значит, жива, — накатывающую панику заглушил знакомый голос, а носа коснулся дурманящий аромат еды.

Мой желудок первым поприветствовал Демонессу, разразившись диким урчанием, и она хрипло рассмеялась. Из-за залепленного глаза, чтобы увидеть гостью, мне пришлось повернуть голову. Альбина Марковна мягко улыбалась, шурилась и поглаживала мои волосы, разбирая спутанные пряди.

— Добрый день, Камилла Соломоновна.

— Альбина Марковна, — прошелестела я, совершенно не узнавая своего голоса. — А что случилось?

— Да тут байки ходят, мол, ты ночью пыталась сражаться с не понравившимся тебе деревом, на правах хозяйки дома, естественно. Но дерево одержало сокрушительную победу, — хохотнула она, и её движения стали ещё нежнее. — Ещё поговаривают, что тебя загнал на дерево безобидный щенок... Но лично я убеждена, что моя хозяйка, будучи крайне хитрой особой, таким образом отвоевала право первой брачной ночи. Хитро... Но глупо-о-о-о-о... Правда, победителей не судят. Тимур Петрович всю ночь в больнице просидел, я его утром еле выпроводила.

Взгляд Демонессы изменился, её глаза вспыхнули знакомым рыжим пламенем, а тонкие губы снова изогнулись в улыбке.

— Вы, Альбина Марковна, только своими бреднями ни с кем не делитесь. А то Малика доделает то, что не доделали дерево и так называемый щенок размером с медведя, — я тоже улыбнулась, и Демонесса с облегчением выдохнула.

— Ну, чувство юмора не пропало, значит, жить будешь, — Альбина неожиданно подсунула руку мне под голову, после спустилась по спине и так легко подтянула мой окоченевший корпус вверх...

И лишь приняв вертикальное положение, я смогла рассмотреть просторную и ужасно белую палату, стойку с капельницей, хрустящую больничную сорочку с рисунком ко-

тят и... свои бедные перемотанные конечности.

— Боже, — захныкала я, пытаюсь пошевелить ногой, а она откликнулась уже знакомой болью, но в движение не пришла. Тело словно было чужим! Я пыталась сжать пальцы, но и они не подчинились приказу.

Так, пострадала, в основном, правая сторона... Рука тоже была перемотана, а в левой торчал катетер капельницы. Я с перепугу даже не могла проверить, шевелятся ли оставшиеся конечности, чем и воспользовалась Демонесса, указывая на перебинтованную ногу:

— Не переживай, девка. Врачи ампутировали по ошибке, но Тимур Петрович спас тебя и велел пришить обратно, — не унималась Альбина. — Бестолочи... Чуть не перепутали правую с левой!

— Так одну ампутировали же, — прохрипела я, когда Альбина слишком резко оттянула меня, чтобы подложить под спину подушку. — Как могли перепутать?

— Ну и логика на месте, — довольно пробурчала она и подкатила ко мне столик с контейнерами, откуда тянулся невероятный аромат. — Значит, точно будешь жить.

— Альбина Марковна, я что, пропустила завтрак, и вы, дабы не нарушать распорядок дня, решили доставить мне его в постель?

— Ну, от моего распорядка даже в больничке не скрыться, это тебе для информации. Найду и накормлю! У тебя ещё есть две минуты на сарказм, — Демонесса посмотрела на ча-

сы, даже не пытаясь прятать улыбку. — Валяй, девка!

— Фи как грубо...

— Ну и напугала ты меня, Камилла... Соломоновна. Я как увидела тебя, всю в кровище, да на руках Тимура Петровича, чуть Богу душу не отдала!

Я молчала, потому что воспоминания были какими-то обрывистыми. Помню, что выскочила, чтобы проветрить голову, помню, как неслась по аллеям, загоняя себя до изнеможения, а потом из кустов выскочил огромный медведь. А ещё помню дерево и треск веток...

— Так, Альбина Марковна! Попалась? Никакой еды, пока девочки не возьмут кровь у Камиллы Соломоновны, — в палату вошёл высокий и довольно молодой доктор, смерив сначала Демонессу убийственным взглядом, а после добрался и до меня. — Ну, нарушительница спокойствия? Как ваши дела? Что болит? Хотя сейчас, наверное, у вас болит всё...

— Да вот, говорят, вы мне по ошибке ногу отрезали, а потом Бесадзе вас заставил пришить обратно, — хмыкнула я, возвращая взгляд к Демонессе. — Негоже такому мужчине выходить в свет с одноногой и одноглазой пираткой.

— Лучше бы ты своё чувство юмора сотрясла, а не мозг, — из-за угла вышагнул Тимур, и мне снова стало дурно...

Вспомнила его рубашку, залитую кровью, перепуганные глаза, истошный крик... то ли его, то ли мой. Но помню, как вибрировали перепонки, и как нежно ощущалась его горячая ладонь на моём затылке.

— Я тебя что, не убила? — я зашипела, когда доктор вынул катетер из вены. — Чёрт! Весь план насмарку...

— Не беси, Бесадзе, — ответил Тимур и так нагло присел на кровать у моих ног.

Я украдкой посмотрела на него и даже не сразу узнала... Вместо строгого костюма на Тимуре были серые джинсы и черная футболка, открывающая красивые рельефные предплечья. Вдох застыл в горле, когда я заметила темную вязь татуировки, чуть выглянувшей из-под рукава. И любопытство сработало хлеще обезбола.

— Сам не беси!

Хоть он и выглядел необычно, даже как-то молодо, что ли, но в отличие от меня на Тимуре не было ни единой царапины. Тогда откуда кровь? Я же помню, что его рубашка чуть ли не полностью была багровой. Стоп... Это была моя кровь?

— Я что, убила? — всхлипнула я и снова начала приказывать своим конечностям двигаться... И слава богу, нога дёрнулась, правда, лишь левая. — Бесадзе, ты меня что, не поймал? Да? А как же в горе и радости?

— Если бы ваш муж вас не поймал, то мы бы, и правда, играли в пазл вашими конечностями, Камилла Соломоновна, — укоризненно протянул доктор. — Итак... Меня зовут Павел Ильич, я травматолог. Вы понимаете, где мы находимся?

— Ну что вы глупости спрашиваете? — я на всякий случай еще раз осмотрелась по сторонам. — Я дома...

Лица посетителей вытянулись, а Демонесса и вовсе схватилась за сердце.

— Я за два года уже срослась с больницей, поэтому да, Альбина Марковна, я дома... В больнице, — виновато шепнула я, ощутив стыд за неуместную шутку.

— Допустим, — доктор махнул в сторону Тимура, а тот поджал губы, готовясь к очередному выпадку. — А это кто?

И с языка почти сорвалось «конь в кожаном пальто» ... Но рисковать не стала.

— Бесадзе Тимур Петрович!

— И кто он?

— Мужчина, — упрямствовала я, не желая произносить то, чего он от меня ждёт. Наглый докторишка!

А Бесадзе прям цвёл... Развалился, как барин, глаза хитрые, морда довольная!

— А ещё?

— Байки разные ходят... Говорят, стрелок отменный, банкиром называют... Но я думаю, что он несостоявшийся вдовец! Не удивлюсь, если он лично спустил собаку с цепи.

— А значит? — терпеливо вытаскивал из меня информацию врач.

— Супруг мой неверный... — выдала то, что хотел Павел Ильич, и не совсем то, что ждал Тимур. Бинго!

— А меня как зовут? — доктор проигнорировал шутку и прищурился.

— Павел Ильич... Доктор, а вы уверены, что вам самому

не стоит пройти обследование? Уже и имя своё забыли.

— А фамилия моя какая? — снова проигнорировал мое замечание травматолог.

— Вы мне фамилию не называли. Но если ваш бейджик не врёт, то вы — Павел Ильич Лукьянов. Врач травматолог в городской клинике номер двенадцать...

— Экзамен сдан! — возликовал приставучий доктор и начал меня осматривать. В единственно открытый глаз вонзилась луч фонарика, а перед лицом замаячили пальцы, за которыми я почему-то следила.

Ногу опять взорвало болью, я взвизгнула, и даже Бесадзе от неожиданности вскочил с кровати, устремив на врача всю силу своего убийственного взгляда.

— Мы не давали обезболивающее, — поторопился объяснить Павел Ильич, пока не случилось ещё одно сотрясение мозга, но на этот раз у него. — Пациенты так охотнее в себя приходят, а нам нужно было вытянуть из сна безобразницу. Но сейчас можем уколоть. Хотите укольчик, Камилла Соломоновна?

— Конечно! А ещё я есть хочу. И... — смутилась я и опустила глаза.

— Так, все на выход! — скомандовала Альбина Марковна, и её послушался... доктор.

Но не Бесадзе. Тот продолжал стоять каменным изваянием, прожигая дыру во лбу Демонессы.

— Тимур Петрович, поверьте, у меня нервная система уже

адаптирована к голодной Камилле Соломоновне. К тому же она ещё не пила кофе, и наболтает вам столько, что не рады будете. Сами же говорили... Покой ей нужен!

— Никакого кофе! — вынырнул из-за угла доктор. — У вас, голубушка, сотрясение мозга после неравного боя с деревом... Неделя полного покоя! Травяной чай, сон, тишина и никакого волнения.

— Тимур, — я схватила руку Бесадзе. — Как Лиля? Сколько я тут пролежала?

— Всё хорошо. Ты проспала почти сутки, и Лилю через час повезут на операцию. Я утром созванивался с хирургом, прогнозы пока осторожные, — он достал из кармана мой телефон, вложил в единственную работающую руку, а после вышел.

— Ну девка... Вот прав Тимур, называя тебя засранкой!

— Не засранкой, а заразой!

— За это время ты получила повышение. Теперь ты засранка! — Альбина усмехнулась и помогла мне перевалиться на каталку. — Пойдем в туалет, Камилла Соломоновна.

Демонесса помогла мне со всеми процедурами, даже умыла, как маленькую, а после с пугающей резвостью закинула обратно на кровать. К этому моменту в палате уже было не протолкнуться. Пришли медсёстры, начали колоть меня в задницу, брать кровь из вены, менять повязки на руках и ногах. Другие доктора изучали мои снимки, спорили, перешёптывались. А я напряженно ждала вердикта.

И в этом хаосе спокойной была лишь Альбина Марковна. Тихо напевая под нос, она расстелила белую салфетку и начала вытаскивать из плетёной корзинки контейнеры. Мелко нарезала румяные блинчики с начинкой из творожного сыра и красной рыбки и вкладывала мне в рот.

— А кофе?

— Нельзя, Камилла Соломоновна... Ну, теперь я на тебе оторвусь! Залечу до смерти... Только попробуй умереть, мне только весело в этом безжизненном доме стало!

После консилиума доктора ушли, а я набралась смелости и позвонила отцу.

— Камилла? — отец удивился, но его голос буквально дрожал. — Лилю уже увезли на операцию!

— Сколько она продлится?

— Доктор сказал, часов шесть, не меньше... Но медсестры говорят, что может даже больше. Ты как, дочь?

— Набери меня, как будет что-то известно, — оборвала я его расспрос и отключилась.

Он потерял право задавать вопросы... И дочью он меня тоже больше называть не будет!

Демонесса хоть и была свидетелем моего разговора, но комментировать его не стала. Через несколько минут в палату вновь вернулся доктор в компании с Тимуром.

— Итак, Камилла Соломоновна, — спокойно произнёс врач и начал освобождать мою голову от бинтов. — Судя по снимкам, у вас сотрясение... Неприятно, но не смертельно.

На лбу рану пришлось зашить, не переживайте, работал пластический хирург, и вскоре не останется и следа. Руки в глубоких порезах, на правой тоже наложили пару швов, на левой дела обстоят лучше. На ногах картина похожая.

— Я цеплялась правой рукой, — прошептала я, когда заметила во взгляде врача явное недоумение. — И закидывала на ветку я тоже правую ногу.

— Мы так и поняли. В целом, мы сделали всё, чтобы от этого неприятного инцидента не осталось и следа, — доктор отбросил бинты и довольно осмотрел моё лицо, а после протянул небольшое зеркальце. Я наконец-то смогла разлепить и второй глаз... И он видел!

Я прикусила язык, чтобы не... рассмеяться, потому что из зеркала на меня смотрела перепуганная ворона, выигравшая бой на помойке у рынка: волосы всклокочены, на лбу огромная шишка, кровоподтёк и пластырем залепленный шов. Правый глаз почему-то красный, ресницы слипшиеся, а на щеке ссадина... Это я так вжималась в дерево, что содрала кожу о его кору.

Я отбросила зеркало и опустила голову... Права Демонесса, в том раунде победило дерево, но я победила собаку.

— Тимур, увези меня домой, а? Я ненавижу больницы...

— А ты взамен пообещай соблюдать рекомендации врача, — Бесадзе стоял как скала... Ноги широко расставлены, руки сомкнуты на груди, лицо серьезное, а глаза переливались зелеными вспышками.

— Обещаю. Только заberi... Я тут скорее сдохну, чем зализу раны!

— Возражений не имею, — вскинул руки доктор и передал Демонессе стопку документов. — Тут рекомендации. А я вечером буду заезжать на осмотр, чтобы вы, Камилла Соломоновна, не утруждались визитами в больницу.

— Спасибо, — шепнула я.

Доктор вышел, и в палате повисла пугающая тишина. Но через пару секунд Альбина Марковна тяжело вздохнула, зашуршала сумками и выскочила из палаты, оставляя меня наедине с Бесадзе. Да лучше бы он ушёл, а Демонесса помогла мне собраться!

— Ну, привет, — Тимур вновь сел на кровать.

— Привет, — я набрала полные легкие воздуха и подняла на него глаза. — Не смотри...

— Почему же? — он не выдержал и рассмеялся.

— У меня и так всё болит, а от твоего взгляда ещё и чесаться начинает! — заёрзала я и тут поняла, что правая нога после волшебного укола больше не болит, а выглядывающие из-под повязки пальцы пришли в движение.

— Я тебе привёз вещи, — Тимур указал на сумку, стоящую на кресле. — Знал, что в больнице не захочешь оставаться.

— Надеюсь, дома меня не ждёт Малика? — не выдержала я и выплюнула то, что так и зудело на подкорке. — Можно хотя бы не видеть её, пока я не приду в норму? И вообще,

Бесадзе... Ты знаешь, нам нужно соглашение!

Я поднялась, но стоило опустить правую ногу, как моё тело качнулось, а Тимур тут же подставил руку... Его горячая ладонь почему-то оказалась на моей голой заднице.

Я взвизгнула, вспомнив, что на мне та самая больничная сорочка с прорехой от шеи до срамоты...

— Вот скажи, Ками, у тебя какой-то конфликт с бельём?
— зашептал Бесадзе и взялся за завязки на сорочке.

Тимур развязал сначала одну, потом вторую... Двигался сверху вниз. И когда последняя пала под его напором, он чуть задержал ладони на моих плечах, а после будто бы случайно скинул хрустящую накрахмаленную ткань.

Благо я стояла к нему спиной. И из вредности не стала закрывать грудь, истерично визжать, бросаться с обвинениями в домогательстве. Ведь он ждал именно этого? Чтобы я вспылила и обернулась? Нет, Бесадзе... НЕТ!

Вместо этого я переступила через сорочку и раскрыла сумку, откуда вытянула длинное платье из тонкого трикотажа, натянула его через голову, стараясь не шипеть от боли, когда ткань коснулась раны на лбу.

— С чего ты взял? У меня с трусами нет конфликта, а вот у тебя, кажется, есть, — я нагнулась, но в сумке не было ни намёка на нижнее бельё.

— Я просто растерялся от обилия кружева и не смог выбрать. Альбина Марковна меня одного домой отправила, пришлось рыться в твоей гардеробной. В итоге подумал, что

если моя жена не надевает их в ЗАГС, если не надевает под спортивный костюм на пробежку, то, может, и сегодня они ей не пригодятся? — послышались шаги, и Тимур встал у меня за спиной... Ещё шаг, и его грудь уперлась в лопатки, подталкивая к ростовому зеркалу в углу палаты.

Он не отошел, а я не сопротивлялась... Наблюдала в отражении зеркала, как он поднимает руки, как зарывается пальцами в мои волосы, как тянет спутанные локоны, а после пугающе уверенным движением начинает сплетать их в косу.

Мне стало так неловко... Я снова подняла глаза, но уже осмотрела себя. Ног под платьем было не видно, зато правая рука, повязку с которой снимать было ещё рано, растягивала ткань и выглядела весьма комично.

Но в целом... Тонкий трикотаж цвета топленого молока смягчил синюшный оттенок лица, ссадины и кровоподтёки. Платье было свободным, ничего не обтягивало, и лишь грудь с топорщащимися бусинами привлекала внимание... Не только моё.

— Так о каком соглашении идёт речь? — Тимур аккуратно усадил меня в кресло, а сам опустился на корточки и достал из второй сумки мои замшевые ботильоны без каблука.

Но поразило меня не это... А то, что сначала он вынул из ботинка пару белых носков, явно мужских, а после поднял обе мои ноги, поставил себе на колено и начал надевать.

— То, что вчера произошло... — я прикусила губу, пытаясь сформулировать мысль, но сотрясенный мозг скрипел,

а слова выпадали из памяти. — Да, я твоя фиктивная жена... Да, возможно, я живой залог, который оставил тебе мой отец. Но это не значит, что я не уважаю себя.

— Конкретнее? — Тимур справился с носками, а я даже не заметила, как он аккуратно надел ботинок на поврежденную ногу.

— Я не хочу видеть ваши брачные игрища с Маликой. Бесадзе, я заужала тебя, когда ты мне тогда, в кабинете, сказал правду прямо в лицо! Это качество давно утрачено нашим обществом, а ты даже не попытался запудрить мозг заложнице, хотя мог сделать её сексуальной игрушкой. Ты был честен, и я плачу тебе той же монетой. Я НЕ ХОЧУ видеть, как Малика уводит тебя в спальню... Не хочу слышать её фальшивые стоны! Не хочу! Это унижает меня как женщину!

— Почему ты думаешь, что её стоны фальшивые? — Тимур поднялся, после помог и мне, а следом на мои плечи упало пальто.

— Потому что я знаю эту категорию баб. Под личиной ангела живёт фригидная сука... Ей срать на секс, срать на приличия... Ради статуса они соглашаются на роль вторых жен и любовниц. Им бабло и статус могут заменить чувство собственного достоинства. Но это не моя игра...

Тимур попытался просунуть мою руку в рукав пальто, но бинты не давали, и тогда он просто его накиннул. Подхватил сумку и, придерживая меня за талию, он повел меня к вы-

ходу.

— Мне всё равно, какие у вас отношения. Но ты не мог бы не выпячивать это напоказ? — выдохнула я, прежде чем выйти из палаты. — Я не дам себя в обиду... И повторно испытывать унижение не собираюсь.

— Хорошо, — пугающе быстро согласился Бесадзе, укладывая ладонь поверх моей, но нажимать на дверную ручку не торопился, вместо этого он лишь теснее прижался к моей спине, чуть нагнулся и прошептал на ухо: — Обо всём можно договориться, Ками... Но вчера ты не сказала ни слова!

— Я думала, что в тебе достаточно здравого смысла, и ты не заставишь меня унижаться, объясняя элементарные вещи, Бесадзе! Я тебе не игрушка, я не бездушная тряпка... Со мной можно договориться, но подчинить нельзя.

— Я так понимаю, что тебя волнует, с кем я провожу ночь? — хмыкнул Бес.

А я было собралась с духом, чтобы возразить, но не стала... Ведь по факту он прав. В очередной раз, без лишних прикрас, Бесадзе выдал сухую режущую правду, на которую у меня не хватило духу. Да нет... Это все сотрясение мозга, наверное...

— С сегодняшнего дня Малика не будет оставаться в нашем доме. Но от её визитов я отказаться не смогу... Пока она мне нужна.

— Или ты нужен ей? — я резко обернулась, и щеку ошпарило касание его губ, но Тимур не отстранился...

— Знаешь, Ками, я было подумал, что ты нарочно расхреначила себе голову, ноги и руки, чтобы уберечь меня от Малики. Будем считать, что извращенная первая брачная ночь у нас с тобой состоялась, кровь пущена, свидетели имеются, а значит, брак можно считать признанным. Поэтому я принимаю твои условия и считаю, что они полностью справедливы, — рассмеялся Тимур, и его пальцы уже в привычном жесте сцапали мой подбородок и мягко потянули голову вверх. — Но я видел запись видеокамер... И почему-то испытал досаду.

— Я не из тех женщин, что будет биться за мужика.

— Я так и понял...

— Ну, раз мы тут обмениваемся подозрениями, то и мне есть что сказать, — я обернулась к нему, стойко вынося тяжесть взгляда и касание губ, что теперь проскользили по скуле. — Твоя Малика при первом знакомстве чётко дала понять, что один неверный шаг, и она убьёт меня... И в связи с этим меня терзают смутные сомнения, не она ли стоит за моим марафоном?

— И я бы так подумал, но ты стала четвёртой, — Бесадзе тихо рассмеялся и крепче обхватил мои пальцы на дверной ручке. — Джакут уже четвёртый раз сбегает из вольера. Первым был мой зам, он оказался на заборе... Вторым — курьер. Но больше всех не повезло почтальону, он выбрал себе менее надёжное дерево.

— Купи ему велосипед, — я тоже рассмеялась, предста-

вив вереницу пострадавших.

— Уже... У Джакут особая нелюбовь к чужакам на своей территории. Но это полностью моя вина...

Тимур дёрнул ручку и, подхватив меня под локоть, вывел в больничный коридор. Каждый шаг давался с трудом, но я пыталась не морщиться, чтобы не показать своей слабости. Однако Бесадзе хватило пары секунд, чтобы оторвать меня от пола.

Но сделал он это филигранно, не задев ни ноги, ни руки... Да и повернул он меня так, чтобы я могла обвить его шею рабочей рукой. А я не стала спорить...

Бесадзе шел, словно не чувствовал моего веса, нёс по лестнице, не проронив ни единого слова. У крыльца нас ждал минивэн, в котором я могла свободно разложить свои истерзанные конечности...

Глава 14

Всю дорогу Тимур говорил с кем-то по телефону. Он не прятался, всерьёз обсуждал какую-то сделку, злился, вскидывая взгляд к панорамной крыше.

Молчала и я... Сидела, сцепив руки на своём телефоне, экран которого был покрыт трещинами. Наверное... Наверное, я вчера его выронила, когда убегала от пса?

Я ждала звонка, сообщения... Мне нужны были хорошие новости! Ну, хоть что-то, хоть малейший повод, чтобы снова захотелось дышать полной грудью!

Как ни странно, но когда мы въехали на территорию, на крыльце уже стояла Альбина Марковна. Наверное, она не просто вышла из палаты, а тяжестью взгляда хозяина была отправлена домой.

Но вместо того, чтобы отнести моё истерзанное тельце в дом, Тимур взял меня на руки и двинул в противоположную сторону.

Оказалось, что плотное ограждение из туй — это всего лишь маскировка... За ними всё это время пряталась зона охраны. Тут были вышки, вольеры с собаками, небольшой домик и спортивная площадка, на которой сейчас проходила тренировка по рукопашному бою.

Увидев хозяина, охрана вскочила и выстроилась в шеренгу, а самый плечистый сделал пару шагов вперед, встречая

меня напряженным и... виноватым взглядом.

— Камилла, знакомься, — голос Тимура звенел яростью, он даже не пытался это скрыть, смотрел на охрану и дыры в их черепашках прожигал. — Это Олег Кравцов, мой начальник службы безопасности. А это ребята, в чьи обязанности входит охрана дома и с сегодняшнего дня — твоего драгоценного тела.

Я чуть не захлебнулась от возмущения, но Бесадзе нарочно впился пальцами в мои ребра, показывая, что сейчас с ним спорить не стоит.

— Камилла Соломоновна, у меня к вам просьба. Вы не могли бы хотя бы раз в неделю уделять нам время? Мне нужно познакомить вас со всеми собаками, во избежание эксцессов, — Кравцов сделал ещё два шага и махнул на вольер, где сидел... тот самый монстр!

При дневном свете собака не стала меньше, и уж тем более не была менее грозной. Огромная, пушистая, зато глаза... Такие добрые, правда, белое пятно до сих пор хранило следы моей крови.

— Это Джакут. Девочка... Ей всего год, и она терпеть не может вольеры. Характер у собаки сложный, но мы над ним работаем. Она либо ненавидит, либо начинает дружить до смерти. Но всё зависит от намерений человека, — Олег вдруг шагнул к решетчатым дверям просторной клетки, отпер засов, а мне дурно стало...

Но вчерашнее чудище не рвануло на свободу, хотя соба-

ка смотрела прямо на меня, не отрываясь. Она сделала один шаг, потом второй... А после завиляла хвостом, упала на пузо и прижала морду к земле.

— Отпусти меня, — похлопала я Тимура по руке, и тот подчинился.

Я попыталась присесть на корточки, но нога не слушалась, поэтому я просто нагнулась и протянула относительно здоровую руку. Огромное лохматое существо с самыми добрыми на свете глазами неожиданно махнуло коротким хвостом и поднялось, медленно приближаясь ко мне.

Олег шел рядом, видела его напряжение, он безотрывно следил за собакой и будто даже не дышал, готовый рухнуть на неё сверху при малейшей угрозе.

— Джакут, — шепнула я, и через мгновение в мою ладонь упёрлась мохнатая слюнявая морда.

Её голова была больше моей! Я, даже склонившись, не могла посмотреть ей в глаза, настолько она была огромной. Я бы ни за что не подумала, что это девочка! Хотя... У нас определённо было что-то общее: ненависть к вольерам и к наглым сукам, что без спросу шныряют по нашим территориям.

Бесадзе тихо рассмеялся, словно мысли мои прочитал... Наглец!

— Давай знакомиться? — снова шепнула я.

А та, что ещё вчера готова была меня загрызть, неожиданно шмякнула мне в ладонь свою огромную лапу. Я зашипела

от боли, а Джакут вздрогнула и будто бы ослабила давление.

— Камилла, Олег будет заранее уточнять удобное для тебя время. Всего по несколько минут в неделю, чтобы они привыкли к твоему запаху. Вообще, собаки у нас всегда в вольтерах, и выпускаются лишь по тревоге, но эта зараза ненавидит, когда кто-то покушается на её свободу, — Бесадзе присел на корточки, и Джакут неожиданно уложила голову на его плечо.

Это было так мило... Он обнимал мохнатого монстра, почесывал её шерсть, оттягивал шкуру под ошейником, а та довольно подмахивала хвостом, так и не убрав лапы с моей руки.

— Значит, Джакут, ты беглянка? — усмехнулась я, наслаждаясь этими телячьими нежностями, на которые, казалось бы, Бес попросту неспособен!

— Это моя любимица. Да, она огромная, зато охранница отменная, и нюх у неё, как у ищейки. Но ради справедливости стоит признать, что ещё ни разу никого не укусила. Она просто загоняет жертву, а потом веселится... Щенок! — Тимур поцеловал псину в лоб и поднялся, игнорируя недовольное рычание.

— Я провёл беседу с личным составом, — тихо ответил Олег и попытался взять Джакут за ошейник, но та взбрыкнула и упала на землю, укладывая голову на мои ноги.

— Олег, мне не нравится черед косяков... Сначала водителя мы пропускаем на территорию, где не ступала ни од-

на ногу гостя, потом у вас сбегает собака, а вы опомнились лишь через час. А если бы...

Договаривать Бесадзе не стал. И я снова мысленно поблагодарила его, потому что даже мне не хватило смелости обдумать этот вариант.

— Я всё понял, Босс, — Олег мотнул головой, принимая недовольство.

— И ещё... Камилла, Олег на время станет твоим личным телохранителем, пока я буду в отъезде, — Тимур хотел что-то добавить, но решил не делать этого при охране.

Я попрощалась с Джакут, пообещав к ней прийти, когда заживёт нога, а после, отказавшись от помощи, двинула к дому. Но и там меня ждало оживление: по обе стороны от подъездной дорожки начался монтаж каких-то хитрых металлических конструкций.

— Это ограждение, чтобы никто не сунул нос туда, куда не стоит, — Бесадзе, проигнорировав моё недовольство, поднял меня на руки и легко взмыл по лестнице.

— Ты уезжаешь? — спросила я, когда Альбина Марковна закрыла за нами дверь и помогла снять с меня обувь и пальто.

— Да, примерно на неделю. Доктор будет заезжать по вечерам, Олег становится на круглосуточное дежурство, а ещё к твоим окнам я думаю поставить пару собачьих будок, на случай, если тебе в голову придёт какая-нибудь шальная мысль.

— А что, если мне что-то понадобится? — я застонала,

когда Тимур внёс меня в мою комнату и усадил на кровать.

— У тебя есть Альбина и Кравцов... Или что ты имеешь в виду? — Тимур застыл, пытаюсь понять ход моих мыслей. — Я запрещаю тебе домогаться Олега! Знаешь, как сложно найти толкового начальника службы безопасности? Не возвращай дяденьку...

— Придурок, — фыркнула я и упала спиной на ворох подушек.

— Камилла, если ты про сестру, то её лечение уже оплачено, а медицинскую консультацию я хоть и могу дать, но она скорее навредит твоей сестре, чем поможет. А ещё как-то давно человек изобрёл телефон... Кстати, — Бесадзе кивнул на тумбу, где меня ждала знакомая коробочка. — Поменный телефон. Твой сломался...

— Стой! — крикнула я, когда Бесадзе уже развернулся и направился к выходу. — Ты обещал договориться насчёт работы!

— Какая работа? Ты на больничном! — он ударил кулаком в стену и повернулся.

— Это царапины, Тимур Петрович. А я через сутки взвою и начну творить глупости, только мой гребаный принц по контракту, привыкший спасать меня из любого дерьма, будет в отъезде. Я могу выйти на работу и занять себя хоть чем-то? — я тоже не стала скрывать злости, стойко вынося его тяжелый взгляд.

— Два дня дома! А потом можешь выходить, — выдохнул

Бесадзе и покинул мою спальню.

Но у меня было стойкое ощущение побега.

Он что... Он боится меня? Или себя?

Два дня больничного показались мне настоящим адом...

Грели лишь разговоры с Лилей. После операции прошло уже больше суток, за которые я успела привыкнуть к мысли, что моей сестре понадобится ещё одно вмешательство. Но, к сожалению, быстро провести его не получится, а значит, нам всем предстояло мучительное ожидание.

Лилька хныкала, просилась домой, но это было неудивительно, она не меньше меня ненавидела больницы. И единственный, кто был рад такому раскладу, это отец... Нет, он младшую любил, и известие о том, что до второго очага опухли добраться не успели, он принял как трагедию! Я видела его слезы, панику, страх... Но ещё я видела, что меньше всего сейчас он хочет разгрести дерьмо здесь, дома.

Однако мне было всё равно... Чтобы отвлечь Лилию, мне пришлось рассказать про своё ночное приключение и пого-ню от мохнатого монстра. Сестра не верила, что собаки могут быть такими огромными, поэтому, когда я чуть оклема-лась, вышла из дома и в сопровождении Олега вновь подо-шла к Джакут, Лилька была в шоке...

Да, собственно, я тоже была в шоке, потому что побег Джакут стали носить системный характер. Каждый вечер она вырывалась из вольера и приходила к моим окнам. Ложилась

ничком на веранду, тяжело вздыхала и засыпала прямо под дверью, на случай, если я решу пробежаться, и без неё. На второй день я не выдержала ипустила беглянку в комнату. Тогда Джакут лениво вошла и упала на пушистый ковёр по правую сторону от моей кровати.

Наверное, так начинается настоящая дружба? Сначала драка, а потом бесконечная верность.

Олег был недоволен самоволками, Демонесса и вовсе ворчала, соскребая черную шерсть с белоснежного ковра. Но нам с Джакут было фиолетово...

Рано утром в среду мне пришло короткое сообщение, вернее, очередной приказ от Бесадзе: *«К девяти утра тебя будут ждать в банке. Временно исполняющий обязанности предложит тебе несколько вариантов, можешь выбрать. И ещё... Все в курсе, что у тебя короткий день и технически ты на больничном, поэтому после обеда Олег заберет тебя, а ты не станешь сопротивляться и поедешь домой!»*

— Бе-бе-бе, — по-детски прохрипела я и вытащила язык, словно через экран Бесадзе мог меня увидеть. Но я явно чего-то не знала, потому что в следующее мгновение чат снова ожил, и прилетело новое сообщение:

«Если ты меня передразнила, то просто помни, что рано или поздно я вернусь...»

Что значит «рано или поздно»?

Я отбросила телефон, решив, что даже отвечать не стану. Он же сказал, на неделю? Или примерно на неделю...

Но внутри что-то сжалось, какое-то странное ощущение поселилось в груди, удушая то ли досадой, то ли идиотской ревностью.

Я вскочила с кровати по первому писку будильника. На часах было шесть утра, и сегодня была среда... А значит, я на законных основаниях могла покинуть этот дом.

Уже развернулась, чтобы побежать в душ, но замерла, уставившись в незашторенное окно... На веранде, покрываемая рыхлым снегом, лежала Джакут, моя верная стражница. К её побегам уже привыкли, и вся охрана знала, где именно искать нарушительницу спокойствия.

Но сейчас меня привлекла не собака... А снег! За ночь всё, что вчера ещё бесило пожухлой травой, покрылось толстым белоснежным покрывалом! Ветра не было, отчего огромные снежинки парили в воздухе, опускаясь в медленном танце по траектории спирали.

Невероятно красиво!

Чуть помедлив, я все же отправилась собираться, а когда вернулась, то от Джакут остался лишь тёмный след на досках веранды, но и он стал покрываться белой перхотью.

Я надела привычный строгий костюм, порадовалась, что вчера Павел Ильич снял неудобные повязки, и теперь мои порезы покрывал лишь специальный пластырь. Собрала волосы, нанесла привычный макияж, а когда вышла, из гостиной уже доносился аромат завтрака.

Альбина Марковна хлопотала вокруг стола, накрывая моё привычное место... слева от кресла Бесадзе. Стоило бросить взгляд, как странная тревога вновь вернулась, царапнув сердце. Без этого молчаливого здоровяка дом, и правда, казался безжизненным и пустым.

— Доброе утро, — прохрипела я.

— Доброе утро, Камилла Соломоновна, — Альбина одобритительно осмотрела меня с ног до головы, а после подняла мои ладони, с которых вчера тоже сняли пластырь.

Следы, конечно, ещё остались, но в целом самой большой трагедией была шишка на лбу и гематома, которую мне приходилось маскировать особо тщательно.

— С днём рождения, — вдруг выдала Альбина и обняла меня, крепко сжав плечи.

Чёрт... За суетой последних дней я совершенно забыла, что сегодня, и правда, был мой день рождения! Я хлопала глазами, наблюдая, как Альбина торжественно открывает клош, под которым дымилась каша, празднично украшенная ягодками.

— Спасибо... Я же совсем забыла!

— Тимур Петрович так и подумал, — кивнула Демонесса и вдруг достала из глубокого кармана фартука бархатную коробку, перетянутую шелковой лентой. — Это вам...

— Что за глупости? — вспыхнула я и отвела её руку, но Демонесса со злостью шмякнула ею об стол.

— Ты что, дурная? Даже если завтра ты окажешься на

воле, то все эти цацки могут дать тебе и твоей сестре хоть немного продыху! Только не говори, что тобой руководит гордость! Скорее это глупость...

Отмахнулась от ненужной нотации, я уже стала привыкать к этой резкой перемене настроения Демонессы: она мне то тётка родная, то врагиня кровная.

Но любопытство победило, я открыла коробку, и с губ сорвался стон. Это были часы... Те самые часы, о которых я мечтала ещё до того, как наша жизнь покатилась под косо-гор.

Естественно, это было белое золото, естественно, циферблат был украшен бриллиантами, естественно, это лимитированная коллекция, за которой даже самые прожжённые байеры могли гоняться годами!

— Часы не дарят... Примета плохая, — шикнула я, но руки сами потянулись к безупречному творению ювелиров, орущем о статусе. И Бесадзе не мог об этом не знать.

Сегодня в банке я стану целью номер один... Меня будут ждать не как специалиста, а как жену владельца. И часы, на стоимость которых можно купить приличную квартиру, со-служат мне услугу...

— Камилла Соломоновна, вы серьезно говорите о приметах? — Демонесса закатила глаза, а после достала ножницы и начала срезать пломбы с украшения, чтобы я могла надеть их незамедлительно. — Мне велено убедиться, что Тимур Петрович не прогадал с размером браслета.

— Как же он меня бесит!

— И на эту фразу у меня есть указание, — рассмеялась Альбина, аккуратно убирая коробку. — Велено передать: «*И ты меня жутко бесишь, Бесадзе*». А ещё велено напомнить, чтобы вы отнеслись к работе ответственно, ибо покрывать косяки жены куда дороже, чем посадить чертовку на цепь дома. И не забывать, что вы...

— Бесадзе, — закончила я её мысль и приступила к завтраку, украдкой поглядывая на подарок.

Глава 15

Олег, как ответственный охранник, уже стоял на крыльце, держа в руках черный зонт, чтобы пока мы шли к машине, меня не засыпало снегом.

До банка дорога была долгой, уверена, что был филиал и поближе, но привыкать к новому коллективу куда сложнее, чем возвращаться в старый. Во всяком случае, именно этим я оправдывала своё сомнительное решение.

Кортеж медленно въехал на служебную парковку, а мне вдруг стало неловко. Ещё пару месяцев назад я приезжала на маршрутке, а сейчас — в плотном кольце охраны. Гордиться тут было нечем, а местные сплетницы и без меня постановили, каким именно местом я всё это заслужила.

У входа меня встретил управляющий, что с первых секунд начал гарцевать в попытке выслужиться. После увольнения отца его место досталось Тимофею Лукину. Амбициозный лентяй, но бесподобно талантливый подлиза. Таких у нас любят... Такие и карьеру делают быстро, и друзьями важными обрастают стремительно.

Но сюрприз Тимофей все же припас. Оказалось, что выбор должности за меня уже сделан. И первым порывом было проткнуть ему ногу шпилькой или пустить на ужин моей новой подруге, но переступив порог своего личного кабинета, желание сопротивляться поубавилось.

Лукин назначил меня руководителем отдела по обслуживанию ВИП-клиентов. А значит... Никаких смен на кассе, дежурства в зале и нудной работы операционистом. Этот отдел считался элитой: тихий офис, благодарные клиенты, встречи в уютных кофейнях. Я лично знала людей, готовых обменять душу за эту должность.

И я погрузилась в привычную рутину, в которой не было место глупым мыслям. Первым делом меня представили коллективу, а после я засела за должностные инструкции. Если с сутью рабочих обязанностей я разобралась довольно быстро, то с коллективом было куда сложнее. Стоило войти в комнату отдыха, как стало понятно, что юным девам глубоко фиолетово, кто их новая начальница, им нужны были подробности, каким образом я смогла склеить самого Бесадзе.

И спустя несколько часов я поняла, что упустила один момент... В суеде утренних сборов я совершенно забыла про сменную пару туфель, а в сапогах в какой-то момент стало невыносимо жарко. Отсидев на нудном совещании почти полтора часа, я не выдержала и перехватила Лукина, когда вспомнила, что в кабинете отца должны были остаться мои вещи.

— Тимофей, а ты занял кабинет... Соболева? — я обернулась, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает.

— Нет, я остался в своём. На третьем этаже ремонт начали. А что? — Лукин напрягся, явно не понимая, к чему я веду.

— В его кабинете остались мои личные вещи. Я могу туда попасть?

— Да, возьми ключ у администратора. Только верни потом...

Стараясь не скакать от счастья, я поднялась на третий этаж, в котором было непривычно пусто... В коридоре стояли строительные леса, пахло краской, бывший кабинет заместителя был и вовсе распахнут, и в нём с грохотом разбирали желтый от протечки потолок. Прощмыгнула мимо рабочих и протиснулась к до боли знакомым дверям.

Вошла в кабинет, стараясь не смотреть по сторонам. Забежала в комнату отдыха, распахнула шкаф и выдохнула... Всё было на месте! Коробка с туфлями, сменная блузка, форменная юбка и пакет с брендованными шарфиками. Вот в этот пакет я и скинула всё своё добро, и уже было собралась выходить, как взгляд упал на заваленный каким-то мусором обеденный стол. Не знаю как, но в глаза буквально бросился знакомый бордовый чехол, лично мною надетый на лэптоп отца. Когда распродавали технику, мы искали этот компьютер по всем коробкам... Но так и не нашли. А он всё это время был здесь?

Подхватила и его, и выпавший конверт, сунула добычу в пакет, и стоило мне выйти из комнаты отдыха, как двери кабинета распахнулись. Лукин не ожидал, что я не стану закрываться, и прислонился, чтобы подслушать, а створка распахнулась, и временно исполняющий буквально рухнул к

моим ногам прямо на пыльный пол...

— Ты уже всё? А я переживал, что не сможешь открыть дверь, — он засуетился, начал отряхиваться, а я почему-то прикрыла пакет вешалкой с серой юбкой и улыбнулась.

— Всё в порядке... Спасибо, ты мой спаситель, а то я туфли забыла принести, — пропищала я, прикидываясь идиоткой, которая не заметила бездарную слезку, и, взмахнув лодочкой на тонком каблуке, вышла.

— Камилла, — приснул смехом Тимофей, смотря на меня, как на инопланетянку. — Ты же помнишь, что у тебя под окнами стоит кортеж водителей и охраны? Уверен, они бы с лёгкостью выполнили любую прихоть... А вообще, у нас магазин напротив, — Лукин указал на полыхающую вывеску бутика, что и правда был через дорогу.

И тут я поняла, что Штирлиц ещё никогда не был так близок к провалу. Экзамен по фривольной жизни жены самого богатого мужика области я явно завалила.

— Не забывайся, Лукин! — процедила я и оттолкнула любопытного придурка со своего пути. — Ненавижу, когда нарушаются личные границы!

Всё правильно, когда заканчиваются аргументы, открывается путь агрессии и щеголяния чужой фамилией.

К своему кабинету я просто неслась... Меня подгоняли любопытство и странное предчувствие.

Передела обувь, задёрнула жалюзи и, загородившись моноблоком, открыла лэптоп отца. Пароль у Соломона был

один на всё, и ввести его не составило никаких проблем. Ноутбук сразу включился, но тут же ошарашил низким уровнем аккумулятора. Но я даже не расстроилась... Моё внимание было приковано к свёрнутому на рабочем столе документу.

Это была сводная ведомость по всем счетам... Тимура Бесадзе!

Баланс, последние переводы... Некоторые графы были выделены, у других светились комментарии. Я машинально увеличивала масштаб, даже сделала скриншот, но вчитаться не успела, потому как лэптоп выключился.

Что ты задумал, Соломон? И куда ты меня втянул?

Осознание, что отец совершенно глупо и бесстрашно собирал информацию на своего хозяина, стала куда оглушительнее, чем новость о грязном бизнесе папеньки.

Если за завтраком я строила коварные планы, как задержаться в офисе, то сейчас я хотела побыстрее оказаться дома и досконально изучить содержимое ноутбука. Поэтому по первому звонку начальника службы безопасности оделась, попрощалась с коллективом и выскочила из офиса, пряча находку в своей сумке.

Всю дорогу я дергалась, гоняя страшную мысль... Бесадзе и так нарисовал мишень на лбу отца, а если он узнает о шпионаже, то у этого бесстрашного придурка просто не останется шанса! А что будет с Лилей, если Бесадзе его убьет? Что будет с нашим соглашением?

Боже! Гребанный ты Соломон, во что ты влип?

Мне так хотелось позвонить ему, наорать и потребовать ответа! Но, во-первых, на меня и так сурово посматривал Олег, списывая румянец на плохое самочувствие. А во-вторых, пока я не изучу находку, глупо раскрывать ее.

Стоило переступить порог дома, как меня ждал очередной шок... Я не узнавала в открывшейся моему взгляду цветочной оранжерее изящный интерьер дома! Цветы были буквально повсюду! Корзины, коробки, огромные вазы... В букетах бликовали открытки как со знакомыми фамилиями, так и те, что обычно сверкали в новостных сводках.

— Это компаньоны Тимура Петровича, — Альбина выпорхнула в холл и по привычке помогла снять пальто, потому что рука ещё стреляла спазмами при малейшем резком движении. — Зима вообще-то, Камилла Соломоновна, а вы в пальто...

— Шубу я продала в первую очередь, — отмахнулась и продолжила идти вдоль ряда цветов. — И что? Они про меня всё знают?

— А сложно не узнать, когда ваша пара уже несколько дней не сходит с обложек глянца. И вы, Камилла Соломоновна, давно бы об этом узнали, если бы не игнорировали прессу. И приношу я её не под яблочные огрызки, — Демонесса нырнула в подсобку и достала для меня целую стопку журналов.

Чёрт подери...

Я всю жизнь считала, что камера меня не любит. Ну не

получаюсь я на снимках, а мой паспорт вызывает оторопь даже у прожжённых пограничников. Но этот снимок... Он был воистину волшебным!

Фотограф поймал тот самый момент, когда Тимур в окружении охраны нёс меня на руках к ЗАГСу, а я, вскинув довольную моську к небу, ловила капли дождя. На фото не было лица Бесадзе, но это было и не нужно... Для залпа электрических импульсов по телу хватило и вида сильных рук, сжимающих меня в надежных объятиях. В этом вроде бы невинном жесте было столько эротики, страсти и заботы о совершенно чужом ему человеке, что на глаза навернулись слёзы.

— Обед готов, — тихо произнесла Демонесса, а я растерянно кивнула и отправилась к себе.

Так странно... Всё, что касалось Бесадзе, вызывало во мне какой-то неконтролируемый тайфун! И эта стихия зверела от мысли, что он уехал не один...

Чёрт! Я сама поставила ему ультиматум... И за эти три дня я не то что не слышала о Малике, я эту суку в глаза даже не видела. Если честно, я была уверена, что она примчится и задушит меня лживой тревогой и сопереживанием. Во всяком случае, я именно так бы и поступила с мнимой соперницей. Что может быть прекрасней, чем смотреть в изуродованное лицо врага? Но её и след простыл, а означать это могло лишь одно – она с Тимуром!

Освежившись под душем, надела спортивный костюм, по-

приветствовала заступившую на дежурство Джакут и пошла в столовую, дабы не злить Альбину. Я прихватила с собой телефон и только сейчас заметила бесконечную ленту уведомлений!

Меня поздравляли с днем рождения даже те, о ком я уже давно забыла. Были сообщения и с неизвестных номеров.

И спустя несколько минут я добралась до самого первого сообщения, которое умудрилась пропустить:

«Если ты отошла и хочешь убить меня чуть меньше, чем утром, то забери еще один подарок у Альбины Марковны. Она категорически отказывается бросаться под пули второй раз. С днём рождения, Ками...»

«Ками, доверься... Я тебя, Заразу, поймаю!» — по спине снова загуляли мураши, стиснула край столешницы, готовясь к очередному шоку.

— Ну? — я обернулась к Демонессе, а она закатила глаза и вышла в холл, а после вынесла огромный чехол, из-под которого торчал до боли знакомый мех... Шуба?

Это уже даже не смешно... И оправдания, что жене Бесадзе не подобает ходить в пальто, уже не работали. Я стиснула челюсть, проигнорировала подарок и приступила к обеду. Молчала и Демонесса. Её позицию я слышала утром, и спорить с фактами не было никакого смысла. Но внутри что-то хрустнуло и надломилось...

Он лично написал мне! Сам Бесадзе... В то время как отец и вовсе забыл о дне рождения старшей дочери. И на

контрасте этих фактов злость на родителя стала невыносимой!

«Спасибо...» — быстро ответила я на сообщение, пока Альбина отвлеклась и прекратила просверливать мой затылок.

Сославшись на усталость, я улизнула ещё до десерта, но подарок всё же забрала, проигнорировав ухмылку Альбины. Пусть скалится... А вот возьму и надену её завтра! Надежда, что у Малики все же слабое сердце, никак не покидала мой сотрясенный мозг.

Из горла вырвался смех... Нет, это был не интеллигентный смешок, это был прям хриплый истеричный гогот. Может, ей в подарок отправить парочку наших журналов? А что? Я там такая хорошенькая...

— Пойду Павлу Ильичу позвоню, что ли, — выплюнула мне в спину Альбина, сдерживая смех. — Ты до сотрясения-то пугала меня, а теперь и вовсе страшно засыпать стало...

— А вы, Альбина Марковна, на замок закрывайтесь, — не унималась я, продолжая содрогать опустевшие стены дома своим злодейским хохотом.

Войдя в свою комнату, я отнесла подарок Бесадзе в гардеробную, а проходя мимо внушительной стопки журналов, пробежалась пальцами по глянцу и улыбнулась. Какой же он засранец, этот Бесадзе... Я не знаю где он, не знаю с кем... но всё равно он будто рядом.

Потрясла головой, выталкивая из мыслей Тимура, и обложила документами, а после открыла уже зарядившийся ноутбук отца.

Но тут меня ждал сюрприз...

Стоило процессору подгрузиться и принять введённый пароль, как от моего приподнятого настроения не осталось и следа, потому что рабочий стол был пуст.

Пусто! Стерильно!

Все иконки папок, хаос сохранённых документов, фотографий, счетов – всё исчезло! Сменилась даже заставка, вместо нашего семейного фото теперь красовалась системная абстракция.

Руки тряслись, пока я искала скрытую папку с фотографиями, куда должен был упасть скриншот того документа. Меня чуть не разорвало на атомы, когда я увидела чудом сохранившийся снимок экрана! Я тут же отправила его на свой телефон, и как только передача завершилась, папка с фотографиями вспыхнула... и опустела!

Отец подтирал хвосты... Ну, естественно! Когда я включила лэптоп в офисе, он однозначно получил уведомление! И теперь, вместо того, чтобы быть с Лилей или поздравлять старшую дочь с днём рождения, он стирает следы своих махинаций!

А с другой стороны... Он же не знает, что именно я нашла ноутбук?

Я была в шоке! В ужасе! Руки дрожали, сердце заходило

в истерическом ритме. Да что руки... Мою травмированную голову и сотрясенные мозги ломило от такой боли, что было невыносимо смотреть на свет!

Я зажмурилась и начала считать до ста, пытаюсь вернуть себе спокойствие.

Боже, что он делает? Воровать у Бесадзе, одновременно возглавляя самый крупный филиал его банка? Следить за его счетами, собирать информацию, рискуя своей шкурой? Да что шкурой... Он на кон всю свою семью поставил! Хотя о какой семье я вообще говорю, если он меня лично привёл в лапы Беса...

Но для чего? На отца это совершенно не похоже. Да он даже за руль боится садиться, всю жизнь с водителем таскался! И теперь я узнаю, что он шпионил за одним из самых опасных людей страны? Серьёзно?

Я потянулась к телефону, набрала номер отца, но сухой голос автоответчика послал меня ко всем чертям. И даже хорошо, что всё так случилось... Сейчас, на эмоциях, я бы непременно наговорила ему лишнего! А мне нельзя...

Если столкну лбами отца и Тимура, то пострадаем лишь мы с Лилей.

Прежде чем открыть пересланный себе файл, я на всякий случай сменила пароль доступа к аккаунту и только после открыла чудом уцелевшую улику.

Я пыталась подойти к анализу с холодной головой, но от увиденных дат становилось дурно на физическом уровне.

Тут были данные за последние два года! Причем последнюю информацию он внёс в таблицу буквально накануне своего увольнения. Отец отслеживал малейшее движение денег со счетов Бесадзе. Мне не важны были суммы, я пыталась понять логику его действий.

А когда дошла до примечаний к таблице, по коже пробежали мурашки.

«Найти резервный счет. Он постоянно меняет алгоритм переводов, а после круга следы теряются».

Отец... Он что, искал, куда Бесадзе выводит свои деньги?

Я быстро просмотрела цепочку транзакций и вновь преисполнилась уважением к Бесадзе. Это какой-то запредельный уровень паранойи и хитрости! Хаотичные переводы, дробление крупных поступлений, всё это напоминало тщательно просчитанную шахматную партию. Тимур менял банки, путал след, а после мелкие суммы разом уходили на лицевые счета каких-то фирм, растворяясь в вечности...

Как отцу могло прийти в голову следить за Бесадзе? Этот засранец ни черта, ни Бога не боится... А Соломона Соболева и подавно! Он же для него букашка, размазать которую ничего не стоит.

Из горла вырывались всхлипы, я сжимала шею, уговаривая себя сохранять спокойствие.

И как этот человек мог одновременно управлять банком, быть крысой, но при этом оставить улику в кабинете? Как? Тупость века! Вот в этом весь Соломон Соболев...

Но во всём этом вертепе подлости и мерзости было ещё кое-что... И как бы я ни старалась заглушить эту мысль, она возвращалась, усиливая поселившуюся под сердцем ярость.

Для папы эта информация не несла никакой ценности — это факт.

То, что в рядах Бесадзе есть крыса — тоже факт.

Но если отец выполнял чьё-то задание, то этот некто должен обладать деньгами и связями? Тогда почему я оказалась в этом доме, почему заставила себя смириться с ролью заложницы?

Или у меня иная роль?

— Камилла Соломоновна, — в дверь постучала Демонесса. — У вас... У вас гости!

Глава 16

Открыв дверь, я заметила бледную Демонессу... Она даже не пыталась взять себя в руки, её глаза панически бегали, а в руке был зажат телефон.

— Кто?

— А-а-амировы, Погожев и Сивцовы с мэром, — на выдохе прошептала Альбина. — Тимур Петрович недоступен... Я даже не знаю, что делать? Олег предложил сказать, что вас нет дома.

— Они уже вошли?

— Их охрана досматривает, — шепнула Демонесса, словно нас могли слушать.

— Иди, готовься, я скоро подойду.

— Но...

— Альбина Марковна! — повысила я голос и обернулась к домоправительнице. — Если вы хоть немного мне доверяете, просто пойдите и поразите незваных гостей гостеприимством Бесадзе!

— Слушаюсь, — Демонесса хоть и нехотя, но всё же побежала по коридору к кухне.

А я... А я на негнущихся ногах отправилась в гардеробную. Они нарочно приехали, когда Тимура нет... И мой день рождения тут совершенно ни при чём!

Ну, тогда поиграем...

Пришлось сменить уютный костюм на трикотажное платье чуть ниже колен. Дабы не травмировать бедного Амирова, я даже надела полный комплект белья, собрала волосы в низкий хвост. Пожелтевшие гематомы спрятались под плотным консилером, а чтобы отвлечь внимание, пришлось усилить румянец.

И тут в голове вспыхнули слова Альбины: «Амировы, Погожев...».

Амировы... Если старик не нашёл за пару дней себе новую племянницу или жену, то значит... Малика в городе? А Бесадзе один?

— Уничтожу... — зловещий шепот вырвался из горла, я зажмурилась, окончательно оформляя свой план. Кровь вскипела, азарт с адреналином прилили к лицу, по коже прокатились мелкие всполохи разрядов.

Или выгорит, или Бесадзе меня убьёт, как и обещал. С другой стороны, если мой план сработает, риск быть придуманной Тимуром всё равно сохраняется.

Стоило мне выйти из комнаты, как я тут же впечаталась в Олега Кравцова. Этот здоровенный детина стоял спиной к дверям моей комнаты, его руки были закинута за спину, а из-под пиджака топорщилась кобура пистолета.

— Что, даже здороваться не будем? Сразу пиф-паф устроим? Чур, Малика моя, — хохотнула я и попыталась обойти Олега справа, но он повторил мой манёвр, перекрывая проход.

Кравцов судорожно смотрел в окно, словно в любой момент мог появиться Бесадзе! Но мы оба понимали, что этого не случится...

— Кого ждём, Олег? — я снова предприняла попытку обойти здоровяка.

— Группу поддержки. Одну я вас туда не отпущу, — сухо произнёс Кравцов, и вдруг ворота, и правда, скрипнули, выпуская на хозяйскую парковку две спортивные тачки.

— Кого? — я чуть повысила голос, но Олег так посмотрел на меня, что пришлось сдаться... Вместо ответа он снова кивнул на парковку.

Двери синего автомобиля распахнулись первыми, и из салона выскочил высокий брюнет. Мужчина нагнулся, и следом показался огромный букет белых роз. Следом и из чёрного авто вышел не менее знойный красавчик, но уже с корзиной красных роз.

— Это кто? — шепнула я, с ужасом наблюдая, как незнакомая парочка медленно, но уверенно двинулась прямо в нашу сторону.

Они не петляли по дорожкам, шли через газон, пытаясь не попасться в окна гостиной.

— Сказал же — группа поддержки, — рыкнул Олег и распахнул дверь на террасу.

Вообще, на мгновение я подумала, что стала свидетелем съёмок очередной части бондианы. Парочка порочных красавцев будто нарочно двигалась медленно, откровенно тара-

щась на меня, как на инопланетянку. Высокие, поджарые, одетые в привычные строгие костюмы... Снег покрывал их головы, плечи, но жеребчики словно и не замечали ни холода, ни ветра.

— Вот это да-а-а-а, — прохрипел первый, входя в галерею коридора, он стянул солнцезащитные очки, за которыми все это время прятался откровенно блядский взгляд мартовского кота. — Герман, ты тоже это видишь?

— Вижу, — кивнул второй красавчик, закрывая за собой дверь.

Эта наглая парочка, явно сошедшая с обложки глянцевого журнала, чуть ли не синхронно покачивалась в до боли знакомой мне манере: с пятки на носок... При этом они продолжали смотреть на меня, даже не пытаясь притушить любопытство в глазах.

Кравцов даже не шелохнулся с места, продолжая стоять между мной и тайными гостями. А когда мужчины перевели взгляд на него, тот покорно опустил голову, сделал осторожный шаг в сторону.

— Бесадзе мне что, в качестве третьего подарка стриптизеров заказал? — я заставила звучать свой голос ровно, вскинула подбородок, отвечая на их наглый взгляд встречным напором.

— А она мне нравится, Серёга, — тот, что вошёл последним, сделал первый шаг и в какой-то странной манере закружил вокруг меня, к нему присоединился и его дружок.

— Моська сладкая, — ответил первый и внезапно клацнул челюстью прямо над моим ухом... От неожиданности подскочила не я, а Кравцов!

— Язык острый, — прошептал второй, а после замер прямо напротив меня, продолжая сжимать корзину цветов.

— Годится, — кивнул первый и тоже остановился напротив.

— Камилла Соломоновна, знакомьтесь, это лучшие друзья Тимура Петровича, — выдохнул Кравцов.

— Сергей Баринов, — на выдохе прохрипел первый и, чуть склонив голову, протянул мне букет цветов, а когда я приняла дар, мужчина схватил меня за подбородок и подставил лицо под тусклый свет бра. — С днем рождения, Камилла. А я ещё могу... Руки-то помнят! Это я зашивал ваш прелестный лоб, будучи под прицелом ствола Бесадзе... Ну и чокнутый тебе муж достался, красавица.

Я инстинктивно прошлась пальцами по отметине на лбу и выдавила смущенную улыбку.

Баринов был высоким жгучим брюнетом с огромными серыми глазами, в которых полыхали стальные всполохи. Если от Бесадзе сочились мощь и угроза, этот вызывал ощущение тихой стихии. Буря там есть... но о ней никто не узнает! А это ещё опасней.

— Герман Гордеев, — выждав паузу, чтобы я вдоволь насмотрелась на друга, представился и второй, повторяя жест Баринова. Он так же чуть приклонил голову, то ли в попытке

извиниться за устроенный спектакль, то ли в знак уважения. — С днём рождения, Камилла. К сожалению, к твоему телу меня даже не подпустили... Но если что, я тоже неплохо вышиваю. В основном крестиком... Бабуленька научила.

А вот Гордеев был иным... Густые каштановые волосы, полупрозрачные голубые глаза, изысканные черты холёного лица. Про таких говорят – тёмная лошадка. Взгляд – сканнер, в нём коварство мыслей и обещание греховного падения... Всё с ним на грани: от дерзости до удара в морду – пара секунд.

Чёрт! Да они же как два полюса: один – горячий юг, а второй – холодный север...

— Эх... Значит, стриптиз отменяется? — прыснула я смехом, продолжая рассматривать красавчиков. — Зажмотился ваш друг?

— Ты только прикажи, Ками, я готов, — Гордеев уже схватился за ворот рубашки, но наше веселье прервал напряженный кашель Демонессы.

Она стояла в конце коридора, грозно сложив на груди руки, смотрела не на меня, а на непрошенных гостей.

— Добрый вечер, молодые люди!

— Альбиночка Ма-а-а-арковна, — хором протянули клоуны, а Демонесса вспыхнула румянцем и смущенно опустила глаза.

Боже, кто они такие, что засмущали мою любимую Ведьмочку?

— Тише вы! — шикнула она и ударила ноготком по часам.
— Это уже неприлично! Гости ждут! Вы либо спровадьте их, либо уже пора разыгрывать радость встречи.

— Неприлично — это приходить в гости без уведомления,
— отмахнулся Гордеев и поставил корзину на пол.

— Ну и? Зачем вы мне вызвали подмогу? — я посмотрела на Олега.

— Так уж вышло, Камилла Соломоновна, но ваш несносный муж вверил вашу безопасность не только Кравцову,
— Баринов подмигнул и дернул бровью, рассматривая мою огромную шишку на лбу.

— Вообще, Бесадзе долго тебя прятал, даже на свадьбу не пригласил. А мы такие милые мельхиоровые ложечки купили вам в подарок, — расхохотался Гордеев. — Нам приказано сопровождать там, где присутствие охраны будет неуместно. Короче, на всякий пожарный случай. И вот он наступил...

— Ясно, ну тогда идём, — я оттолкнулась от стены и засеменила по галерее.

— Кис-кис, — протянул Баринов, догоняя меня. — План есть?

— Боюсь, Серёга, что есть у Кис-кис план, но с нами она им не поделится. Не доверяет пока. Короче, импровизируем, как всегда...

С этими словами Гордеев толкнул двери, и мы вошли в гостиную, где, рассевшись на мягких диванах, уже вовсю ча-

ёвничали мои непрошенные гости.

— Добрый вечер, — сухо, но спокойно произнесла я, с удовольствием наблюдая удивлённые взгляды, когда собравшиеся рассмотрели моё сопровождение.

Кравцов тоже не спешил уходить, он занял удобную позицию у эркера и, нагло откинув полы пиджака, встал, опершись на стену плечом.

— Камилка! — первой на меня бросилась Ленка Сивцова, хороня в своих душных объятиях. — Гордеев? Баринов? А вы чего тут трётесь, пока Тимура дома нет?

— А у нас тот же вопрос, Сивцова, — Баринов сразу включил своё обольщение и незаметно отвел Ленку, утягивая её в разговор.

На меня хлынули поздравления, тонны лести, цветов, каких-то непонятных конвертов. Больше всех восхищался мэр, что ещё несколько дней назад так старательно язвил, пытаюсь напомнить моё место.

А теперь они все танцевали передо мной!

— Камилла Соломоновна, простите нас за столь внезапное вторжение, — последним откашлялся Амиров и нервно поднялся с дивана, чувствуя на затылке взгляд Кравцова. — Но мы подумали, что негоже столь прелестному созданию праздновать день рождения одной.

Амиров снова принялся хромать, медленно ковыляя по гостиной, опираясь на свою трость. За ним тёмной и покорной тенью шла Малика: взгляд приклеен к полу, очередной

наряд девственной монашки и тугая коса, спадающая через плечо.

— Добро пожаловать. Спасибо за поздравление. Право, не стоило, но мне безумно приятно, — я принимала цветы, улыбалась, даже ответила на быстрое объятие Малики, но стоило ко мне подойти Погожеву и протянуть руки, как Олег откашлялся с другой стороны комнаты, и этот наглец всё понял...

Гордеев тоже оказался не промах и, уловив напряжение охранника, вмиг утянул Погожева и старшего Сивцова в какую-то беседу, отводя от меня огонь.

Кравцов всё рассчитал! Когда мы с Амировым остались одни, он оттолкнулся от стены и переместился мне за спину. Эти молчаливые надзиратели разделили толпу, чтобы было проще контролировать.

— Боже, Альбина Марковна, сколько раз я пытался переманить вас у Бесадзе? — стонал старик Амиров, уминая пирожные.

— Альбина Марковна давно стала членом семьи. Боюсь, это невозможно, — улыбнулась я и взяла чашку, лишь бы занять чем-то руки и не задушить стервь, что исподтишка пялилась то на меня, то на свой телефон, словно ждала важной весточки.

— Знаю-знаю! Альбина Марковна Тимура ещё в школу водила за ручку...

А вот эта информация стала для меня откровением, но я

вовремя собралась и не показала своего удивления. А Амиров только этого и ждал! Этот интриган приехал поймать меня на лжи, что ли?

— Камилла, я слышал, вы вернулись на работу в банк? — он даже не попытался скрыть недовольства от бесполезной уловки и откинулся на спинку кресла.

— Да, Камиль Муратович, я не привыкла сидеть дома. А сейчас, когда рядом нет Лили, самое время попытаться вернуть свою жизнь в привычную колею.

— Так странно... Я был уверен, что Тимур из тех, кто не позволит своей супруге выходить из дома без охраны, — крикнул старик, строго посмотрев на племянницу, а выдрессированная Малика тут же убрала телефон.

— В этом вы правы, — я рассмеялась и повернулась к Кравцову, что совершенно безэмоционально следил за каждым движением Амирова. — Олег стал моей надежной тенью.

Я снова обвела гостиную взглядом, удивившись мастерству Гордеева и Баринова. Сивцовы и Погожев крепко попали в их сети и даже не обращали на нас никакого внимания.

— Камилла Соломоновна, — в гостиную вернулась Альбина, в её руках был мой вспыхивающий телефон. — Папа...

Папа? Да какой же это папа? Это нескончаемый источник проблем!

— Прошу прощения, Камиль Муратович, ответить отцу — святое, — я полоснула его самой искренней улыбкой и под-

нялась, дав Олегу понять, что тут сопровождение не требуется. Тот нахмурился, но, очевидно, согласился, что лучше приглядывать за Амировым.

Выскользнула из гостиной и отправилась в свою комнату.

— Да...

— Камилла, детка! — запыхавшись, проговорил отец. — Ты прости пустоголового старика! С днём рождения, родная моя!

Папа всё не унимался, желал мне и здоровья, и счастья... Тараторил всякую ерунду, а мои уши полыхали от давящей злости. Я металась по комнате, не в силах решить, что ему ответить... Признаться? Или не стоит?

Если расскажу про находку, то он заляжет на дно и уйдёт в отказ. А если не сказать, то у меня есть шанс найти зацепку.

У дверей веранды я заметила дежурившую Джакут и улыбнулась. Сдернула подаренную Бесадзе шубу, накинула на плечи и выскочила на улицу, пряча лицо в мокрой, но при этом горячей морде моей огромной собаки, что ещё несколько дней назад была моей погибелью.

Джакут фыркнула, согревая мои щёки облачком пара, и удивлённо посмотрела в глаза.

— Ты слышишь, Камилла?

— Да, спасибо, пап... Кстати, я тут нашла в банке твой лэптоп, — выпалила я, рассчитывая на эффект неожиданности. — Хотела включить его, но забыла пароль. Он работает? Я могу его взять?

— Пароль? — нервно хохотнул отец, провалив последний экзамен...

И он его с треском провалил! Единственный шанс сказать правду он разорвал в клочья. Из глаза выкатилась слеза, а Джакут внезапно ткнулась носом и стёрла солёную каплю.

— Да какой пароль? Вы с Лилушей же этим занимаетесь. Старый я стал, Камилла... Старый. А ты скажи мужу, может, он разорится и подарит тебе ноутбук? Стоп... А что ты делала в банке?

— Ладно, пап, мне пора. У меня гости, — выдохнула я, скидывая голову к небу, и тут же вспомнился Бесадзе... Что он там все время пытается увидеть?

Я отбила вызов, выключила телефон, на случай, если отец решится перезвонить, и снова обняла мощную шею Джакут.

Но внезапно моя подруга тихо зарычала и повернула голову в сторону нового ограждения, что теперь отсекало парадную часть территории от хозяйской.

— Тише... Нельзя! — строго шепнула я, и Джакут прижала морду к полу, но продолжила тихо рычать.

Но я уловила причину беспокойства охранницы. Из-за угла дома, и правда, доносились голоса.

Наплевав на забивающийся в туфли снег, я аккуратно двинулась вдоль дома, пытаясь подойти к ограждению как можно ближе. Пальцы сводило от страха, но тут шелковистая шерсть проскользила по подушечкам. Оказалось, Джакут все это время шла рядом, буквально ступая след в след.

— Тише! — снова шикнула я на всякий случай.

— Артур! Нужно что-то делать! Эту суку нужно выкинуть из дома! Ты видел её? Видел? Сидит тут как хозяйка...

Как только я узнала этот противный голос, по спине пробежал мороз, сковавший меня, как ледяную статую, чтобы не смела и шелохнуться!

— Малика, мне кажется, ты преувеличиваешь, — послышался смутно знакомый голос. Я попыталась привстать на цыпочки, но ограждение, обитое красивым деревом, надёжно отсекало меня от спрятавшихся в кустах голубков. — Они заключили сделку. Тебе нечего переживать. Как только Соболев вернёт то, что украл, так и договору придёт конец.

Я поочередно прогоняла всех, с кем удалось познакомиться за это время, но пока совпадений мужских голосов не находила.

— Артур! Ты знаешь, что все бутики Тамариной сгорели? — всхлипнула Малика и заскулила.

— А кто такая Тамарина?

— Как кто? Любовница мэра, с которой у Соболевой был конфликт и на благотворительном вечере, и в ЗАГСе! Думаешь, почему мэр лично примчался поздравлять эту суку? Думаешь, почему они все пришли сюда, хотя знали, что Бесадзе нет в городе? — было заметно, что Малика еле сдерживалась, чтобы не заорать. — Тимур спалил все её магазины только потому, что этой суке просто нахамили... За меня он так не вступался!

— Да? — неожиданно усмехнулся незнакомец. — Он тебя выкупил у мужа-тирана! Забыла, как за тебя Айка Бесадзе просила перед братом? Забыла уже, как на цепи сидела и соплями с кровью умывалась? Ты ему благодарна по гроб жизни должна быть... Тебя брат не спас, а Бесадзе вписался.

— Только Бесадзе потом и убил моего брата! — зло прошипела Малика. — Или ты уже забыл? А ведь вы были лучшими друзьями... Алана уже нет, а ты на побегушках до сих пор. Не надоело?

С каждым новым открытием мозг пульсировал всё сильнее и сильнее.

— Твой брат сам виноват... Он знал, что Бесадзе не умеет прощать! Чего ты от меня хочешь? Бесу и его друзьям можно всё! И дядя твой простил убийство сына, и мэр после пожара примчался и толкает тосты его суке! От меня-то ты чего хочешь?

— Да они из страха приехали! Боятся, что за свою жену Бесадзе спалит весь город! И вообще, почему я тебе это говорю? Это ты, Артур, его правая рука... Это ты должен быть в курсе дел, а не я!

Артур... Правая рука Бесадзе? А почему я его не видела?

— Тимур ещё до свадьбы отправил меня по другим делам, — яростно зарычал мужчина и неожиданно ударил кулаком в ограждение, ровно в то место, где я стояла....

Я не то чтобы была в шоке, и не то чтобы испугалась за себя... Я испугалась, что Джакут сейчас меня выдаст!

Но, оказывается, порой собаки умнее людей... Она стояла в полной изготовке и смотрела мне в глаза так, словно умоляла дать отмашку и сделать счет 5:0 против непрошенных гостей. Но я ласково гладила её по морде, мысленно умоляя потерпеть...

— Артур, ты понимаешь, что он защитил её? — хрипела Малика, срываясь в рыдания. — Я не могу этого допустить! Дядя со своими правилами не вечный. Он скоро умрёт, и тогда Тимур станет моим! Я войду с ним в зал советов, я надену цвет его камня! А ты займёшь место Кравцова.

Зал советов? Цвет камня? О чем, черт подери, она опять говорит?

— У тебя есть план? — прорычал мужчина, и в ограждение снова прилетел удар.

— Нет, — Малика вдруг зарыдала, да так искренне, что на миг моё сердце дрогнуло, правда, эта сука сама всё испортила: — Для начала нужно избавиться от Соболевой. А мне нужно выйти замуж за Бесадзе!

Ярость заполнила моё тело... Кровь бурлила, я не чувствовала холода, околевших ног, да я даже сердце своё слышать перестала. Смотрела на Джакут и скрежетала зубами вместо неё.

Ну нет, милая моя... Ни за кого ты замуж не выйдешь!

— Но чур, не кусаться, — шепнула я, сжимая ошейник Джакут. — Только напугай их... Нельзя, чтобы она вернулась в дом незаметно. Можно, Джакут, можно!

Я отпустила ошейник, а сама, пряча хруст снега за яростным лаем Джакут, рванула в спальню. Сбросила шубу, быстро сменила туфли, вытерев ноги о ковёр, а после спокойно вышла из комнаты.

И к моменту, когда я переуступила порог гостиной, из холла послышался истошный визг Малики.

— А-а-а-а-а! Помогите! — орала гадина, пытаюсь закрыть дверь, в которую ломилась моя верная Джакут.

Моё появление никто не заметил, кроме Гордеева, Барина и Кравцова. Они дружно вскинули бровь, пропуская истеричную толпу на крик, а всё, что оставалось мне — наивно улыбаться.

А что? Я ничего не делала...

Глава 17

— Фу! — крикнула я, вбежав в холл.

Джакут растерянно и разочарованно посмотрела на меня, как на предательницу, которая сначала разрешила повеселиться, а потом запретила.

Прости, девочка, их кровью мы умоемся в следующий раз. А пока посмотрим, как Малика будет оправдываться перед дядюшкой.

— Олег, отведёшь Джакут в вольер? — я обернулась к красному от сдерживаемого смеха Кравцову, и тот покорно протиснулся мимо забившейся в угол Малики, но задержался, бросив недовольный взгляд вглубь подсобки.

Я вытянула шею, но так и не поняла, что же так разозлило Кравцова.

— Малика, что случилось? Ты что, выходила на улицу? — вбросила я первую петарду во вспыхивающее пламя... Теперь главное, чтобы мой расчёт оказался правильным.

— Я только... открыла дверь, — идиотка начала заикаться, стирая тыльной стороной ладони слезы. Малика растерянно смотрела через тонированное стекло двери, как Олег уводил Джакут, даже не прикасаясь к ней.

— А зачем ты открываешь дверь в чужом доме? — грохнул Амиров, сам того не понимая, вступая в мою игру.

— Я... Я... — начала заикаться Малика, посматривая за

спину дяде.

— Это я виноват, Камиль Муратович, — и тут из гостевой гардеробной вышагнул невысокий коренастый молодой человек. И как только он повернулся ко мне лицом, я сразу узнала в этом плечистом блондинчике того самого мужчину, который в момент нашего завтрака с Маликой принёс Бесадзе какие-то новости. Он нервно прошёлся по светлым волосам, стряхивая капли растаявшего снега.

— Мне нужен был Олег... Я подошёл к двери, хотел позвонить, а тут мимо проходила Малика Маратовна. Вот она мне и открыла, — быстро врал блондинчик, вырывая рыдающую суку. — А потом выскочила собака!

Попались... Вот и тайный поделщик Малики! Приятно познакомиться...

Я готова была ликовать и танцевать от того, что мой стихийный план разыгрывался просто идеально. Но меня тут же заземлили быстрым тычком в бок. Гордеев таращил глаза и всем своим видом показывал, что я потеряла контроль и над своими эмоциями, и над ситуацией.

— Боже! Что у вас тут за зверинец, Камилла Соломоновна? — прохрипел мэр, прижимаясь к стене. — Средневековые какое-то... В мир технологий вы до сих пор держите бойцовских псов? Вы видели это чудовище? Оно же одним укусом может хребет переломить!

— А это оберег от незваных гостей. Вы вот теперь знать будете, что просто так входить на территорию не стоит, —

особо мило улыбнулась мэру и подошла ближе к виновнице суеты. — Малика, милая, с тобой всё хорошо? А ты чего вся мокрая-то? В волосах снег... Дай я тебя отряхну, что ли!

— Я не понял, ты почему в снегу, Малика? Ты просто открыла дверь или всё же выходила из дома? — прохрипел Амиров, но тут же заткнулся, а в следующее мгновение схватил племянницу за локоть и потянул вон из моего дома. — Ты уезжаешь!

Попалась, гадина... В свою же ловушку и попалась! Будешь знать, как шептаться со шпионами втайне от дядюшки.

А я ещё гадала, чего она так на телефон посматривает? Грешным делом подумала, что от Бесадзе весточки ждёт. Но нет... встреча у неё важная была!

— Камилла Соломоновна, а может, уже хватит чаёвничать? — подал голос Баринов. — Предлагаю выпить шампанского за хозяйку дома! Ну? Кто со мной?

Первой оживилась Ленка Сивцова, а следом за ней потянулась и вся свора гостей, вмиг забывшая про инцидент.

А я ещё долго смотрела в стеклянные створки парадного входа, наблюдая, как Амиров усаживает племянницу в машину.

Значит, вот что заставило Малику оступиться, забыв про осторожность? Она взбесилась, что Бесадзе отомстил за меня. Спалил магазинчики мэрской любовницы? И теперь вся орава пришла грехи замаливать, дыбы избежать её участи? Интересно...

Губы растянулись в коварной улыбке, но я прикрыла их правой рукой. В зеркальном отражении дверей сверкнул одобрителный блеск моего обручального кольца. Накрыла его, проходясь подушечками пальцев по острым граням камней, и вдруг по телу растеклись спокойствие, полное исступление и фурор.

Он спалил её вшивые магазины! За неаккуратное слово, за угрозу, за косой взгляд... Спалил за меня! За дочь предателя! Но как только он узнает всю правду, в этом пламени сгорит вся моя семья...

— Камилла, — шепнул Гордеев, что все это время стоял около меня. — Не знаю, что ты тут провернула, но я в восторге. Быть может, и для меня найдётся роль?

— Если Амиров вернётся, мне нужно с ним поговорить, — прошептала я, напряженно наблюдая за стариком, устроившим разнос своей непослушной племяннице на улице.

Камиль размахивал рукой, что-то яростно шипел, то и дело скрываясь с головой в салоне авто. Даже водитель смущённо отошёл к воротам, чтобы не мешать старику воспитывать мерзавку.

Стыдно ли мне? Да нет.... Это она обнажила меч войны. Остался последний акт спектакля. И что-то мне подсказывало, что ярость Амирова сейчас сыграет на моей стороне.

— Очень интересно, — протянул Герман, но вопросов задавать не стал, лишь подтолкнул меня в сторону гостиной, а сам направился на улицу. — Тогда пойду, защищу идиотку,

а потом приведу к тебе Амирова. Кстати, — Гордеев обернулся, и я заметила его коварную ухмылку. — Бесадзе, а ты мне нравишься...

Мои незваные гости вовсю веселились. Баринов был истинной душой компании и самозабвенно травил байки, а Альбина Марковна, пытаясь скрыть дрожь в руках, разливала по фужерам шампанское. Демонесса бросала в меня злые взгляды, и я понимала, что за самодеятельность ещё придётся ответить.

Я вновь приказала взять себя в руки и влилась в компанию. Ленка села рядом, по-дружески обняла меня, а Баринов продолжал рассказывать про своё неудавшееся восхождение на Эверест. Сергей так ловко управлял вниманием толпы, что никто не заметил возвращения Гордеева и красного от злости Амирова.

Герман кивнул мне в знак выполненного задания и присоединился к Баринovu. А я медленно поднялась с дивана, наполнила чашку свежим чаем и направилась к старику, что нарочно отсел ото всех в самый дальний угол.

— Камиль Муратович, — я улыбнулась и опустилась в кресло напротив. — У вас всё хорошо? Выпейте чаю? Бабушка говорила, что в любой непонятной ситуации нужно пить чай. Он согревает и успокаивает... А хотите, я Альбину попрошу принести вам капелек успокоительных?

— Нет, спасибо, — Амиров поднял на меня явно удивленный взгляд. — Вы, молодые, не понимаете, как это слож-

но — растить детей...

— Это правда, — я улыбнулась и отвела взгляд, пытаюсь придать беседе непринужденную атмосферу. — У меня нет детей, но за сестру я переживаю, как за дочь. Мы все разные... Лилиюшка моя — чистая и трогательная ромашка. А я — настоящий бес...

— Да, Камилла, есть в тебе бесовщина неуправляемая, — расхохотался Амиров и кивнул на мэра. — Чаплыгин до сих пор не может пережить позор своей любовницы. Но благо, что страха в нём куда больше, чем дерзости... Впрочем, как и во всех нас.

— Позор, Камиль Муратович, это не сорванный парик, а само наличие любовницы, — сухо ответила я и поджала губы. — Отец всегда говорил, что счастье женщины зависит от расторопности родителей. Выдали замуж вовремя — обеспечили её беззаботную жизнь и чистое имя без пересудов и осуждений. А если упустить, то глядишь, потом твоё чадо станет чьей-то теневой женой... или, упаси Господи, любовницей!

— Тут он прав, дочерей нужно воспитывать в большей строгости, чем сыновей, — вдруг задумчиво протянул Амиров, невольно заглотив мою наживку.

— Это точно! — мне пришлось напрячься, чтобы придать смеху беззаботный перелив. — Он так и говорил — если кто со мной и сможет справиться, то только Бесадзе! Получается, распустил меня отец, а наказание получил Тимур...

Я глупо хихикала, а старик цвёл, лелея мысль, что кара для Бесадзе прилетела в виде такой жены, как я.

— А ты забавная, Камилла. Я даже понимаю, почему тобой очарован Бесадзе. В таких заноз обычно и влюбляются, — вдруг произнес Амиров, скользя по мне внимательным взглядом. — Но я слышал, что тебе готовили другого жениха...

— Да? — удивилась я, но уже искренне, и Амиров довольнo заурчал, что наконец-то нащупал слабость. — Вообще, это горе, когда в семье нет наследника. Что взять с дочерей? Даже вот, к примеру, Погожев, — я мотнула головой на бывшего лучшего друга моего папеньки. — Холостой, а из наследников только блаженная дочь, мечтающая стать энтомологом. Она же вместе со мной училась, заваливала каждую сессию, потому что финансы — совершенно не её. Вот он загнётся от вольной холостяцкой жизни — кто во главе его ресторанной империи встанет?

Говорила спокойно, а сама посмеивалась над эмоциональной сценкой Барина и Гордеева. Игнорировала пристальный взгляд Амирова, дышала ровно, держала лицо, чтобы не выдать себя.

— Жениться надо дяде Андрею. Ну, молодой же ещё! Глядишь, и наследника заделает, — вздохнула, сделав вид, что искренне переживаю за его бизнес. — И жена ему нужна умная, спокойная, из хорошей семьи.

— С днём рождения! — воскликнул Барин и поднял

бокал шампанского.

— Ну, что-то мы засиделись, — прохрипел Амиров и как-то резво вскочил, и не вспомнив про свою трость.

Старик смотрел себе под ноги и о чем-то напряженно думал, совершенно забыв попрощаться. Как жаль... А ведь он так хотел поздравить меня с днём рождения! Неужто задумал коварный план?

Но Амиров быстро пришёл в себя и резко обернулся...

— Камилла, ты уж прости меня, — он учтиво поклонился и даже подарил довольно искреннюю улыбку. — Я так расстроился, что чуть не забыл, для чего приехал. До Тимура сегодня я дозвониться не смог, поэтому передаю тебе.

Амиров достал из внутреннего кармана золотой конверт, перевязанный бархатной тесьмой.

— В субботу открытие гостиницы после реконструкции, я буду рад, если вы почтите меня своим присутствием. Хотелось лично передать вам приглашение, ну и поздравить с днем рождения молодую супругу Бесадзе, — старик снова склонился, неожиданно взял меня за руку и прижался холодными губами к костяшкам. — Быть может, тогда Бес не спалит гостинцу?

Не спалит Бес, спалю я... Если не сделаешь то, чего я хочу!

— Спасибо за приглашение, Камиль Муратович, — процедила я, пытаясь сдержать рвотные позывы. — Но за мужа не ручаюсь. Он у меня такой вспыльчивый!

— Так, расходимся! Гости — хорошо, но всё в меру... — дал команду Амиров, и толпа засуетилась.

И лишь Баринов с Гордеевым облегченно и как-то синхронно вздохнули. Гости по пятому кругу засыпали меня поздравлениями, пожеланиями и пьяненькими улыбками, а после направились в холл, где их уже ожидала Альбина Марковна, чтобы помочь выдать верхнюю одежду.

У подъезда уже стоял сверкающий мигалками кортеж мэра. Да и остальные довольно шустро рассыпались по машинам, покидая мой дом.

Внутри меня копились восторг, страх и какое-то едкое коварство... В голове вспыхивали обрывки подслушанного разговора:

«Он защищает её!»

«Спалил все бутики...»

«Наказал за суку...»

Конечно, наказал... Но, наверное, глупо искать подвох и скрытый смысл в этом? Разве он мог пропустить это? Моё оскорбление автоматически становится плевком ему в ноги. А такого Бесадзе не прощает.

Перевела взгляд на покачивающегося от шампанского Погожева, угодившего в цепкие лапы Амирова. Эх, дядя Андрей... Жалко мне тебя. Тупая тебе жена достанется, зато красивая-я-я-я.

— Бесадзе тебя убьёт, — подытожил Баринов, стоя по правую руку от меня.

— Если не сдашь Камиллу, то, может, и не убьёт, — хмыкнул Гордеев и коварно подмигнул.

— Если не я, то Кравцов сдаст, — Сергей протянул мне бокал шампанского, а после чокнулся.

— Не сдаст... Олег отвечает только на заданные вопросы. А Бес не знает, что нужно спрашивать. Лично я ничего не видел и не слышал, — Герман тоже ударился своим бокалом о мой. — С днём рождения тебя, Камилла Соломоновна. Ну и с боевым крещением, что ли.

— Не знаю, что ты задумала, Бесадзе, — Баринов вдруг улыбнулся и опустил взгляд. — Но если это то, что я думаю, то сыграно грубо...

— Я ж говорю, с боевым крещением, — подбодрил меня Гордеев. — Следующую соперницу Камилла устранит более филигранно. Прощай, Малика...

Глава 18

— Гребаный Бесадзе! — шипела я, по сотому кругу меняя наряд, пока пыталась дозвониться до Тимура, вот только его телефон уже вторые сутки молчал.

Признаться, я была уверена, что за мою аферу с Амировым Бесадзе выпотрошит меня даже через динамик телефона. Но он замолчал, и это наказание оказалось куда страшнее!

И что я должна думать?

Знает и нарочно молчит? Или ещё не знает и очень занят? А вдруг... его уже нет?

Стоило мне пропустить эту мысль, как ладони покрылись испариной, а по пальцам пробежали колики. Дура! Ну что я несу?

Сжала телефон, давая секунду передышки, чтобы просмаковать это странное и какое-то неудобное ощущение. И в какой момент всё изменилось? Почему вместо радости от пустоты дома и отсутствия давления его величественной персоны? Почему я вообще... беспокоюсь? И почему это чувство так похоже на тоску?

Я что, соскучилась? По кому? По Бесадзе?

Кажется, мне тоже пора проверить мозг, потому что я определённо больна!

— Надеюсь, муженёк, ты там икаешь, — повторила по-

пытку дозвониться, но опять напоролась на автоответчик и тогда решила написать сообщение:

«Бесадзе! Ты мой муж! И на гребаные светские рауты мы должны ходить вместе, это было частью нашего соглашения! Какого чёрта ты молчишь? Надеюсь, ты ещё жив, потому что мы до сих пор не подписали брачный договор... И если ты умрёшь, то вся твоя империя достанется мне! А я всё спущу на стриптизёров, золотые браслеты и красивые туфельки... Просто поверь на слово.»

— Альбина! — крикнула я, зная, что Демонесса уже час дежурит в спальне. Её тяжелые вздохи были слышны даже через запертую дверь гардеробной.

— Да, — Альбина вошла и усмехнулась, отмечая устроенный мной хаос.

— Где Кравцов? Ты уверена, что Тимур сказал ему сопровождать меня на раут Амирова? — шипела я, прислоняя к телу то одно платье, то другое. — Ему точно не послышалось?

Пока я могла забываться на работе, время бежало быстро, и в голову не лезли всяческие дурные мысли. И субботу я планировала тоже посвятить поискам... За эти три дня я изрыла всю базу, пытаюсь понять, кто мог платить отцу за информацию о Бесадзе. Словно знание могло отмыть нашу семью от позора.

Но во время завтрака пришёл Кравцов и сообщил, что машина будет готова к шести, и в виду занятости моего муженька, мне придётся взять весь удар на себя!

Грёбанный Бесадзе!

— Быть может, это? — Альбина проигнорировала мой вопрос и вытянула с верхней перекладины новое платье... Оно было ещё в чехле, и даже когда Демонесса развернула его, я не смогла вспомнить, в какой агонии купила его.

Заметив моё замешательство, Демонесса добавила:

— Его тоже прислал Тимур Петрович...

Я прислонила к себе бесподобное творение из крупного чёрного кружева... По телу пробежался трепет, как только кожи коснулась грубая ткань, что местами делала меня обнаженной, а местами надёжно укрывала все стратегически важные зоны.

Оно было бесподобно! Откровенное, дерзкое, но при этом строгое и даже классическое. Но так я думала, пока не перевернула вешалку, ухнув от глубины выреза на спине... Это даже не маршрутная карта для мужских фантазий, это манифест и вызов их стойкости.

А что? Пусть Бесадзе на всю катушку кайфанет от раута, который пропустил. Быть может, я и на этих фотографиях выйду хорошенькой?

— Годится! — кивнула я и без стеснения скинула халат.

Стоило надеть платье, моя ярость изрядно потускнела... Желание выгулять эту красоту стало пугающе острым! Чёрные разводы прикрывали грудь, бёдра, а тонкая сетка бесстыже открывала красоту стройных ног и изящную линию талии.

Пока я крутилась у зеркала, Альбина подобрала клатч, выставила новенькие туфли. Надев шпильки, я предприняла последнюю попытку дозвониться до Тимура, а после покорно надела подаренную шубу и вышла из спальни.

Кравцов был на своём месте... Всё так же собран, суров и немногословен.

— Олег...

— Камилла Соломоновна, мне не слышалось. Тимур Петрович просил уважить Амирова. Всего полчаса... — Кравцов двинулся вперед, чтобы открыть для меня дверь.

— Я не могу дозвониться до Бесадзе. Почему он всё это сказал тебе, а не мне лично?

— Сегодня не лучший день, чтобы с ним спорить, — вдруг произнёс Кравцов и сам же смутился сказанному, словно сболтнул лишнего.

— Олег, что произошло? — вмиг уцепилась я, отметив тревогу в его взгляде.

— Он жив... Обычные проблемы. Камилла Соломоновна, машина готова. И ещё... Чтобы вам было спокойнее, Тимур Петрович организовал для вас сопровождение.

Кравцов распахнул входную дверь, а когда отошёл в сторону, я увидела парочку стриптизёров-любителей. Гордеев и Баринов стояли у машины, сверкая смокингами и своим неоспоримым мужским очарованием.

— Привет, крошка-Бесадзе!

Как только мы сели в лимузин, я развернулась к своим

конвоирам:

— Ну? Вы-то мне расскажете, что случилось с мужем моим дорогим?

— Поверь, Тимур в рогалик сворачивал и за меньшее. Лично я еще пожить хочу, — сурово произнес Гордеев и отвернулся к окну. Баринов тоже последовал его примеру. Но по их напряженному внешнему виду было понятно, случилось что-то серьёзное...

До гостиницы мы ехали молча. Да лучше бы я вовсе была одна, вместо этого загадочного сопровождения. А для чего они приставлены? Чтобы никто не посмел притронуться к собственности Бесадзе?

Три ха-ха, Тимур Петрович... Вы ещё пожалеете, что отправили меня на приём одну.

Слышала, что центральную гостиницу уже второй год реконструируют, знала и то, что этот объект исторического наследия кто-то выкупил, но даже не догадывалась, что в городе есть ещё один игрок...

Вообще, моё расследование таило в себе множество сюрпризов. Я обнаружила, что иерархия «большой деньги» нашего города выходит за рамки публичности. Далеко не все актеры медийны... Вот и Амиров оказался теневой лошадкой, в чьих руках были почти все гостиницы и курортные зоны нашего региона. Но главным открытием стало то, что во всех сферах бизнеса я обнаружила руку Бесадзе! Он, как опасный вирус, поразил всё, до чего дотягивались его шу-

пальца.

— Удачи, — шепнул Баринов, помогая мне выбраться из лимузина.

Гордеев же первым зашагал ко входу, оттягивая на себя внимание гостей и прессы. И в его тени мы спокойно добрались до виновника торжества.

Амиров, одетый в щегольской смокинг, стоял у парадного входа и лично приветствовал важных гостей. От центрального проспекта тянулась красная ковровая дорожка, и вышколенные официанты возле сверкающих горок шампанского, а за ограждением суежилась пресса, слепя залпами фотовспышек.

Но стоило признать, что картинка поражала... Старинное здание было просто не узнать! Белоснежная штукатурка, восстановленная лепнина, карнизы, позолоченные извилистые мраморные лестницы. Дизайнеры мужественно устояли перед искушением опошлить все современной простотой и сохранили дух прошлого.

— Камилла Соломоновна, рад вас видеть, — Амиров перекинул праздничную лакированную трость и, перехватив мою руку, прижался губами к костяшкам. — Жаль, что Тимур не успел... Но это понятно. Весь город буквально гудит от шокирующей новости!

— Это же Бесадзе, он из всего выберется и выгоду ещё найдёт, — абстрактно ответила я, совершенно не понимая, о чём идет речь.

Я не стала дальше слушать эти бестолковые дежурные речи... Достала из сумки телефон, чтобы поставить таймер на обратный отсчёт, после которого смогу свалить с этого праздника жизни. Мне нужно продержаться всего полчаса!

Сегодня на меня тарасились как-то по-особенному... Во-первых, из взглядов гостей пропала жалость. Я снова была для них равной, а не нищенкой, просящей подачку. А во-вторых... Они словно сочувствовали!

Чёрт, подери... Да что там случилось?

В этот момент мой телефон ожил, а на экране высветилась фотография отца. Сжала гаджет и хотела было сбросить звонок, но что-то меня удержало...

А вдруг он что-то знает?

Я затерялась в толпе, сбрасывая хвост своего сопровождения, безошибочно нашла женский туалет и заскочила в небольшое одиночное помещение, заперев дверь на замок.

— Да...

— Сегодня ты должна сбежать! — процедил отец, пропустив приветствие.

В трубке повисла тяжелая тишина, прерываемая его яростными выдохами.

— Бесадзе нет в городе, и ему сейчас не до тебя. Камилла, слушай внимательно! Через полтора часа тебя найдёт надежный человек...

— Стоп! — закричала я, упираясь горячим лбом в холодный кафель. — Ты что несёшь? А Лиля? Какой побег?

— Камилла, ну ты же уже всё поняла. Ты моя дочь, и не могла не сопоставить факты. Да, я торговал информацией по Бесадзе! И как только он всё узнает, будет уже неважно, что ты его жена. Он всех нас убьёт...

— А Лиля?

— Одну операцию сделали, мы сбежим, а потом придумаем, что делать дальше. Камилла! Сегодня... Ты должна сбежать сегодня! Слышишь? Вы же не подписали брачный контракт? Придёт время, и ты станешь... — прохрипел отец, а после звонок прервался.

Я снова и снова пыталась дозвониться до него, то ли чтобы накричать, то ли собираясь уточнить, кто ко мне придёт, и куда мы побежим? А кем это, интересно, я стану, как только придёт время? Откуда он знает, что Бесадзе нет в городе, что сейчас ему не до моего побега?

Вопросов было так много, а ответов по-прежнему не было. Сердце лупило, как ненормальное, по телу гуляла крупная дрожь, я даже держаться за мраморную столешницу раковины не могла, пальцы соскальзывали. Меня пробивало от пяток до кончиков волос!

Что отец задумал? Во что втягивает нас? Ну ладно, я уже смирилась со своей ролью, свыклась с местом, научилась жить, зная, что навсегда останусь статусной куклой.

Но Лиля? Ей пятнадцать! Она ещё жизни не видела, у неё только появился шанс побороть болезнь... И мой трусливый отец опять решил все испортить?

Он же бежит не от беды... Он свою задницу спасает, потому что Бесадзе дышит ему в затылок!

Но... Но ведь я тоже не сдала отца Тимуру. Не сказала о найденном документе. Теперь... Я тоже его подельница?

— Боже... — заскулила я, скатываясь по стене прямо на пол.

Страх липкой лентой опутал тело, парализовал работу мозга, оборвал дыхание.

Что делать?

«Бесадзе убил моего брата!»

«Он не умеет прощать... И твой брат сам виноват!»

«Ты останешься рядом, пока отец не вернёт то, что украл...»

Так... У меня есть полтора часа, чтобы дозвониться до отца, заставить рассказать всю правду и попытаться убедить его больше не делать глупостей. Ещё с прошлыми не разобрались.

У меня был план... И до Бесадзе, и после него! Я привыкла ставить цели и переть к ним, невзирая на препятствия. Вообще, когда планы рушатся, принято винить судьбу, форту, отвернувшуюся удачу... Но, как правило, у провалов вполне человеческие руки. А в моём случае они всегда одни и те же – ОТЕЦ!

Если бы отец не влип в это дерьмо... Если бы не воровал деньги Бесадзе, если бы не сливал о нем информацию, всё было бы иначе. Я не знала мотивов, которые двигали отцом.

Но я успела немного узнать Бесадзе...

Больше он Соломона не простит! Он его убьёт... И это неоспоримый факт.

Не знаю, откуда я взяла силы, но пришлось встать. Намочила белоснежное полотенце холодной водой и начала обмывать, пытаюсь прогнать слезы, не испортив макияж. Дышала полной грудью. Медленно вбирала воздух, ждала три удара сердца и выдыхала.

Но румянец не отступал... Наоборот, красные пятна убежали на шею, прятались под воротом платья, что сейчас особенно красиво переливалось мелкой россыпью камней в искусственном освещении.

А может... Может, отец прав? Бесадзе опасен... И лишь сбежав, я могу попытаться уберечь семью?

— Чёрт, закрыто, — за дверью раздался знакомый голос, после дрогнула ручка. — Ты чокнулась? Меня Кравцов и так в охранники перевёл... Нам нельзя больше видаться!

Я замерла, почти не дышала. От неожиданности сердце присмирело, не пытаюсь убить меня зашкаливающим пульсом.

— Я не выйду замуж за Погожева! — верещала Малика.

Горло задрожало от рвущегося хохота... Чёрт подери! Что, серьёзно? Всё было так просто? Да Амиров мне процент должен, ибо Малика точно угробит Погожева и станет наследницей его империи!

— Артур! У меня ещё есть шанс... Дядя обмолвился, что

сегодня одновременно было совершено четыре нападения на инкассаторские машины Бесадзе. Их маршрут знали всего несколько человек. И в этом списке отец Соболевой...

Если минуту назад я думала, что хуже уже и быть не может, но отец ставил очередной рекорд по тупости! Нет... Если Соломон продал маршрут инкассаторов, то нам точно не выбраться. Стоп... а откуда тогда у него деньги на побег?

— Блядь! Блядь! — шипела я, сжимая кулак... Но от удара меня остановил страх быть обнаруженной.

— Тимур скоро поймёт, что он его и сдал! И тогда вышвырнет мерзавку... Артур! Ты должен мне помочь. Намекни Кравцову про Соломона. Дядя так боится Тимура, что не станет помогать мне. Мне вообще кажется, что эта дрянь как-то очаровала его!

— Малика, ты чокнулась? — после недолгой паузы слышался хриплый смешок. — Ты заигралась! Ничего я говорить не стану!

— Артур, помоги! Как только Тимур выгонит эту суку, я поговорю с дядей. Попрошу благословения. Признаюсь ему, что все это время...

— Малика, ты идиотка! Ты пойдёшь просить благословения? Чтобы что... Неужели ты не поняла, что если бы Бесадзе хотел взять тебя в жены, то сделал бы это по щелчку пальцев! Да дяде проще тебя убить, чем признать, что его племянница полтора года была шлюхой Бесадзе. Твой дядя убийство единственного сына ему простил, потому что бо-

ится до ужаса, а тебя, идиотку... он забудет через пару дней. Была проблема, и не стало.

Я слышала, как зарыдала Малика, но внутри ничего не дрогнуло. Она убивалась не из-за неразделённой любви, она просто хотела стать Бесадзе!

Вообще, всё это общество вызывало у меня отвращение! Я словно в сточной канаве барахталась! Повсюду улыбки, бриллианты, достаток, а души людские гнильем подёрнуты. И никто не замечал этого зловония... А я их видела насквозь!

— Но я не хочу замуж за Погожева! Он же старый!

— Быстрее вдовой станешь, — внезапно рассмеялся Артур. — Смирись, дура... Игра завершена. А я тебе говорил, что идея угрожать Камилле плохо закончится? Так вот... Она плохо и закончилась. Но меня ты за собой не утащишь. Я не буду за тебя подставляться перед Бесадзе. Он — отмороженный! Сердце ледяное. Кстати... Счастливого брака, Малика! И не затягивай с наследником...

Сначала послышались торопливые мужские шаги, потом — жалкое завывание Малики, а после хлопнула дверь соседнего туалета, и, воспользовавшись моментом, я покинула своё укрытие.

Моя голова грозилась лопнуть от избытка информации! Как же я устала от этих секретов, от тайн, от мерзости... Проходя мимо бара, схватила бокал шампанского, осушила его залпом, а вот второй уже стиснула за ножку, как подоба-

ет дамам высшего общества.

Отрепетированная до машинальности улыбка сама расплзлась по лицу... Смотрела на толпу гостей, но их лица размыло. Слезы все никак не высыхали, мысли путались, ноги трусились.

Что делать?

— А вот и беглянка, — меня вдруг обступили с трёх сторон.

Кравцов полыхал от ярости, даже не пытаясь смягчить эмоции во взгляде. Баринов было наклонился, чтобы что-то спросить, но тут в зале погас свет, и на сцену вышла музыкальная группа. Допрос пришлось отложить, ибо музыка заглушала любое слово. А я была даже рада... Набирала сообщения отцу, лелея надежду, что могу отговорить его от глупостей.

А когда в голову залетела шальная мысль, я написала Лиле:

«Птичка, как дела?»

«Привет, Ками... Всё хорошо. Только что сделали новые снимки. Я устала...»

«Держись, моя крошка!»

«А может, твой богатый муж отпустит тебя ко мне? Хотя бы на пару дней?»

«Я поговорю. Как папа? Где он?»

«Он сейчас говорит с врачом. Со мной ездил на снимки. Ему что-то передать?»

«Скажи, чтобы не делал глупостей».

«Он этого не умеет, ты же знаешь...»

— Знаю, — шепнула я и убрала телефон в сумку.

Ещё как знаю... Соломон! Ну что ты за мужик такой? Я снова и снова прогоняла в мозгу разговор с отцом, пытаюсь найти хоть малейшую зацепку.

Глоток шампанского... Ещё один. Но легче не становилось. Наоборот, внутри что-то стягивалось, страх выкручивался на максимум. Безэмоционально следила за сценой, но вдруг...

Вдруг всё изменилось! Сменился даже воздух, превращаясь в обжигающий кисель. Густой мрак не смог скрыть волнения гостей, слышались шепотки и любопытные взгляды мне за спину.

По обнажённой коже побежали мурашки, а волна щекотки, сменяемая то холодом, то жаром, рухнула вниз живота. Мышцы налились, сердце замерло и больше не билось...

ОН здесь!

Мне не нужно было смотреть в хитрые морды Гордеева и Барина. Достаточно было пекучего лазера, зафиксировавшегося на моём затылке. И это ощущение я прекрасно знала.

Так смотрит только он... Бесадзе!

И сердце вновь затарахтело, подстраиваясь под тяжелые шаги. И чем ближе он подходил, тем отчаяннее звенел бокал, и когда на пальцы выплеснулись капли шампанского, я отставила бокал, признавая полное поражение.

Ну ты и влипла, Камилла... Понять, что скучала, когда тебе предложили сбежать?

Резкое касание, расплывающийся ожог под тяжелой мужской ладонью и ласковое движение от лопаток до самой задницы... Я была готова, а ноги все равно подогнулись.

Но Тимур уложил вторую руку на мой живот и резко притянул к себе. Спинай впечаталась в его грудь, чувствуя, как пальцы наглеца скользнули под глубокий вырез и теперь ласково оглаживали задницу. Воздух вышибло, легкие схлопнулись... Тимур склонился, едва касаясь губами моего уха, а я уже готова была сдохнуть!

Этот мужчина был смертельно опасен! Он забирал воздух, способность сопротивляться, желание жить... А взамен дарил полное ощущение спокойствия и безопасности! Иссушал и тут же наполнял жизнью. Бесил, но будил всё спрятанное в самых укромных уголках! Он будто грабил меня, убивал, но взамен дарил бессмертие и нежность порока...

Все неправильное становилось нормальным. А привычное – чужим...

Как можно ощущать себя спокойно и безопасно рядом с тем, кто взял тебя в качестве залога? С тем, кто управляет твоей жизнью, как хрупкой спичкой. Одно усилие, она треснет пополам... И пластический хирург уже ничего не зашьёт, не исправит.

Его касания оставляют шрамы на теле, в душе... Но стоит ему появиться, и рубцы рассасываются! Я до сих пор не могу

забыть его руки на своих волосах... Он так бережно заплетал косу, словно делал это сотни раз! Мягко перебирал пряди, а потом нёс меня на руках, словно моя жизнь — это самое ценное, что когда-либо находилось в его объятиях.

А ещё... Я его боялась. До жути, до омута боялась его неприкрытого желания, которое он отчаянно пытался обуздать. Но разве я занимаюсь не тем же? Вернуть контроль, ясность мыслей и равнодушие к человеку, в которого нельзя влюбляться.

А ещё я ему нагло вру! Скрываю факты, не говорю о подслушанных разговорах, о расследовании, которое затеяла без его одобрения. Я для него ничуть не лучше, чем Соболев... Очередная предательница, нарушившая соглашение.

— Ты так и не помирилась с нижним бельём, жена?

Я уже и забыла его голос... Грудной, мощный, но при этом глухой, как шорох осенней листвы. Он пробирал до мурашек, въедаясь в каждую клеточку!

— А ты потерял свой телефон, муж? — передразнила я его, а когда распахнула глаза, то ни Гордеева, ни Баринова уже не было... Нас тактично оставили наедине. Предатели!

Мы стояли посреди толпы, а когда по залу прокатилась музыка, и гости стали разбредаться по парочкам, Бесадзе оттолкнулся, утягивая меня в танец.

И здесь он другой... Ему всё равно на условности приличия! Он нарочно бросал вызов... Обе его руки покоились на моём животе, пальцы ласково бродили по выпирающим ко-

стяшкам бедер, то поднимаясь выше, то спускаясь к лобку... Тимур то собирал тонкую ткань платья в складки, впуская прохладный воздух гулять по обнаженным ногам, то прижимал, укрывая от чужих глаз.

Кружил меня с грацией дикого зверя. Потянул за волосы, заставляя отбросить голову на его плечо, чтобы он мог видеть меня всю... Его губы касались то уха, то шеи, то линии челюсти.

Сердце лупило, как ненормальное, а Тимур изредка прижимал ладонь к груди, пытаясь приручить эту непокорную мышцу! И она слушалась! Ритм замедлялся, но когда его пальцы вновь касались чувствительных мест, она опять пускалась в смертельный галоп.

Он меня убьёт... Нет, моё тело меня убьёт, руководствуясь желанием Бесадзе. Порочная игра, смысл которой — продемонстрировать власть над всем живым! Надо мной...

— А я, оказывается, скучал, жена.

— Не смей меня, Бесадзе. Когда скучают – пишут, звонят и не отправляют жен на рауты, где каждый второй её презирает!

— Точно скучал... Твоя едкая дерзость – лакомый десерт, — цыкнул он прямо в ухо, а я чуть не взвизгнула от прострелившей щекотки.

— Приятного аппетита, Бесадзе!

— Во-первых, у вас с обществом взаимно абьюзивные отношения. Ты их ненавидишь, они презирают тебя за дерзость

характера, который принято ломать у девочек лет... в пять. А во-вторых, я приехал, как и обещал. Чем же ты недовольна? — Тимур все же перехватил мою руку и крутанул, а после обвил руками талию, прижимая к себе так близко, как только мог.

Я почти не дышала! Легкие сжались, а я боялась поднять голову. Казалось, если наши взгляды столкнутся, он всё поймёт! Увидит страх, ложь, тайны...

А может... Может, он уже всё знает? И сейчас глумится, проверяя меня?

— Приехал... но опоздал!

Тимур явно устал ждать, в привычной манере сжал мой подбородок и мягко потянул вверх.

И я подчинилась...

Его зеленые, как чистейшие изумруды, глаза переливались сотнями огоньков. Лицо мягкое, расслабленное, без малейшей тени тревоги. То ли притворяется изумительно, то ли Малика наврала... Да если бы за день хлопнули часть инкассаторских машин, то был бы он здесь?

Был... Если бы точно знал, кто именно в этом виноват.

Чёрт... Папа!

— Ты или боишься, или так рада меня видеть, — шепнул Тимур, и его лицо дёрнулось, а через мгновение мои губы ошпарило... Влажный, твёрдый язык проскользил по зубам, буквально требуя впустить его!

Бесадзе снова нажал на подбородок, и челюсть разомкну-

лась.

И в этот раз от осторожности не осталось и следа... Он больше не знакомился, не давал время привыкнуть. Он брал то, что принадлежало ему по праву. А именно – меня... А ведь это была правда. Я принадлежала ему полностью!

Его язык сплёлся с моим, Тимур то проходил по нёбу, то касался зубов, он словно исследовал каждый миллиметр моего рта. Собирал то, что не взял в ЗАГСе!

Его поцелуй не был пошлым, не был вульгарным. От посторонних взглядов нас прикрывала его ладонь, что ласково бродила по лицу, то и дело ныряя в мои волосы. Но ещё этот поцелуй был сокрушительным... Я никогда ничего подобного не испытывала. Как можно сгорать, умирать, но при этом парить от какого-то странного восторга?

Как можно быть благодарной за спасение сестры, но при этом всерьёз думать о побеге?

Как можно влюбиться в того, кто ждёт повода наказать твоего отца?

— Ты, жёнушка, слишком тиха... А это либо к дождю, либо к беде, — Тимур разорвал поцелуй, а после прижался подбородку пальцами и аккуратно стер размазавшуюся помаду. — И мой тебе совет — лучше бы быть дождю...

Веки слабо подрагивали, но это не мешало видеть усиливающийся за окном снегопад.

Значит, быть беде...

Глава 19

— Теперь так будет всегда? — усмехнулась я, медленно обводя взглядом толпу, шокированную столь откровенным проявлением чувств Бесадзе.

Вот засранец... А Демонесса была права, в управлении общественным мнением ему нет равных. Все уже забыли про ограбление инкассаторов, Тимур мастерски переключил всеобщее внимание на относительно невинный супружеский поцелуй. И ведь ни за что не признается, что этот поцелуй – первобытный зов природы... И я не скажу!

— Так — это как?

— Ты уезжаешь и управляешь женой на удалёнке. Муж на фрилансе?

— Как ты там мне написала? — внезапно Бесадзе рассмеялся мне прямо в ухо, и от этого волшебного звука я покачнулась, но он лишь усилил объятие. — *«Надеюсь, ты жив, потому что брачный контракт мы ещё не подписали... Спущу всё твоё состояние на стриптизёров и золотые браслеты...»* Всё верно? Я ничего не упустил?

— Там ещё были туфельки, — шикнула я и попыталась вырвать руку, но пугающе громкий щелчок вокруг запястья затмил собой даже звук живой музыки.

Я открыла рот, не понимая, для чего... То ли поблагодарить, то ли напомнить, что я – жена фиктивная, и мои при-

хоти — скорее способ побесить его, чем руководство к действию. Мне даже не нужно было опускать взгляд, холод ласкового скольжения сам отвечал на все вопросы. Кандалы из драгметалла. Прилюдно... Унизительно, как откуп за долгую командировку... Но так возбуждающе!

— А стриптизёры ждут в лимузине, я правильно понимаю?

— Я рассчитывал, что ты с этим разберёшься сама. Я тебе вон каких хлопцев подогнал, неужели не уломала? — снова расхохотался Тимур, чуть закидывая голову.

И если я думала, что толпа была в шоке от поцелуя, то нет...

Собравшиеся отреагировали на его смех, как на уведомление о ракетной опасности! Таращились на нас, как на экспонаты кунсткамеры! Они будто ни разу не слышали смеха Бесадзе, всерьёз считая его киборгом.

Ещё никогда мне не приходилось чувствовать такую концентрацию женской зависти... Сотни взглядов и яд шепотков летели мне в спину отравленными стрелами. Но Тимур обхватил мои плечи, закрывая ото всех, и резко обернулся на серпентарий, после чего гости вновь продолжили жить своей жизнью, забыв о парочке безумцев.

— Ты и без меня неплохо веселишься, Ками. Вот что мне с тобой делать?

— Танцевать? — вскинула бровь, бросая вызов мужу. — Не этого ли ждут собравшиеся? Боже, Бесадзе, если ты ещё

и танцуешь шикарно, то я лично перегрызу горло Малике.

И я сама себе подписала путёвку в ад... Потому что Бесадзе явно плохо понимал слово «танец».

Нет... Не танец это был!

Это был секс на износ... До морального истощения, слабости и неспособности мыслить! Бесадзе наступал, грозя удушающим захватом... Шаг за шагом, прижимаясь телом так, что дыхание сбоило! Но я отвечала на его напор ответным ходом... Мои бёдра ядовитой змеей скользили под горячими мужскими ладонями, и в шею залпом артиллерии летели его мощные выдохи.

Но в какой-то момент я поняла, что он упивается моим сопротивлением.

Сильные пальцы скользили по линии челюсти, то и дело спускаясь к шее. И каждый раз запинаясь о высокий ворот платья, я слышала его негодующий рык. И тогда ладони убегали по предплечьям к талии, а оттуда в самый низ... Кожа в вырезе полыхала, по ней носились обезумевшие мурашки... Мне было и холодно, и жарко одновременно! На спине выступила испарина, Бесадзе бесстыже разгонял эту влагу пальцами, слегка скребя ногтями по нежной коже.

Я не могла оторваться от его лица... Внешнее спокойствие бесило, но стоило окунуться в омут зеленых глаз, как все тайны этого своенравного мужчины вспыхивали переливом изумрудов.

— Не смотри так, иначе решу, что, и правда, скучал!

— Ками-и-и-и... А ты не знаешь, с чего вдруг Амиров решил выдать Малику замуж за Погожева? — прошептал Тимур и вонзился зубами в мой подбородок, ласково смывая боль скольжением языка по коже.

— Боже! Радость-то какая! Пойду поздравлю молодых, — я было оттолкнулась от его груди, но Тимур впился рукой в мою задницу, да так, что нервы прострелило!

— Потом поздравить... Ну?

— Не имею никакого представления... Муж у меня суровый, запретил общаться с Амировым. Где я, а где он — опасный и ужасный старик с тростью? — едва сдержала улыбку и всё же опустила голову, рассматривая толстый браслет из белого золота, что так гармонично перекликался с подаренными часами. — Но ты даже не пытайся перевести тему. Мне фиолетово, где и с кем теперь будет жить Малика, а вот твоё исчезновение мне не нравится.

— Ты могла позвонить, могла написать, задать вопрос. Или просто поделиться, что скучаешь до томных эротических снов. Или рассказать, что же так сильно мучает мою женушку.

Бесадзе снова дернул подбородок, а я... я не успела оградиться от него щитами. Взгляд Тимура превратился в прожигающие лучи сканера! Он вошёл в мою голову! По-хозяйски заполнил собой всё пространство!

— Ещё что сделать? Бесадзе, ты меня со шлюхой своей ручной перепутал? — я отвела глаза, но Бесадзе дернул ру-

кой, заставляя вернуть взгляд.

И я видела, как темнеет его аура... Как изумруды искр сменяются черными всполохами мрачного оникса. От его веселья не осталось и следа! Он снова был Тимуром Бесадзе, не знающим ни пощады, ни прощения, ни жалости.

Боже, что я делаю? Он держит наживку, а я плыву на пёструю блесну, понимая, что там моя жизнь и закончится. Но как можно бояться, восхищаться, планировать побег... И всё это одновременно!

— Тимур, неужели ты так расстроился, что Малика больше не будет согревать твою постель? — с вызовом прохрипела я. — Неужели она так хороша в сексе? Никогда бы не подумала.

— Не переживай, я помню, где находится твоя спальня...

— Чего? Бесадзе, ты в поездке вирусом каким переболел? С чего ты решил, что я впущу тебя в свою кровать?

— Не хочешь в кровать, я знаю сотни других мест для обмена супружескими задолженностями. А ты сама сделала выбор, устранив свою соперницу. Лишила секса? Будь добра восполни образовавшийся вакуум, — Тимур отклонился, достал из кармана оружий мобильник. И вдруг его взгляд сменился, словно он только и ждал этого звонка. — Алло...

Бесадзе не разжимал руки, тянул меня за собой, как собачонку, разбаловавшуюся без хозяина. А я почему-то улыбалась, как идиотка, которую почесали за ушком!

Он что, даже не наорёт за свою Малику? Или таких дур у него вагон и тележка? Одной больше, одной меньше...

Заметила, как стремительно меняется Тимур. Его напряжение было явным, пугающим. Чёрт... Я даже не спросила про инкассаторские машины. Ну что я за дерьмовая жена?

Мы остановились на верхней ступени крыльца, холодный ветер ударял его в грудь, колыхал полы пиджака, но Тимур не чувствовал мороза. Его взгляд становился темнее ночи, челюсть превратилась в камень, по руке передавалась вибрация ярости.

Тимур отвернулся, нарочно подставив свой голос порыву сильного ветра, чтобы я не смогла ничего услышать.

— Камилла Соломоновна, — шепнул Кравцов и опустил на мои плечи шубу, а после встал перед боссом, заложив за спиной руки в знак полной готовности.

Бесадзе отбил вызов, вдохнул полной грудью, и его пальцы начали стягивать моё запястье всё крепче и крепче... Тонкая лента боли расплылась по коже, но я сдержалась.

— Олег, бери парней, и дуйте в аэропорт, — Бесадзе дёрнулся, когда понял, что делает мне больно, резко ослабил хват, а теплая подушечка пальца заскользила по коже, снимая боль. — Встречаешь Мантурова, забираешь... Забираешь то, что он привёз, и мчишь на Луговой, в хранилище.

— Тимур Петрович, я... Я был не готов, не знал, что вы в городе. У меня из сопровождения лишь трое парней, но кто останется с вами? — Кравцов покраснел, едва сдерживая

негодование из-за рухнувших планов.

— Оставь своего водителя. И быстро в аэропорт! Быстро, Олег! — рывкнул Тимур так, что Кравцов подскочил.

Какой аэропорт? Что там такого важного привезли, что он готов отправить всю охрану? Почему Бесадзе такой напряженный, хотя ещё пару минут назад смеялся в голос?

Только Кравцов прыгнул в лимузин, как следом у крыльца притормозил чёрный «мерин», за рулём которого сидел... Артур.

— Идём, — скомандовал Бесадзе уже мне, но я упёрлась каблуками в красную дорожку.

— Тимур, что происходит?

Страх пробрал до костей... А как же побег? Как же выделенные мне полтора часа?

Я ничего не могла с собой поделать... Ощущение золотой клетки, в которой меня заперли, душила стальным хватом, загоняя в угол страх.

А чего я боюсь? Чего?

Я бы всё равно не решилась бежать! Доверять отцу, при условии, что последние два года он только и делал, что врал? Его руками, его интригами наша семья оказалась посмешищем, а я... Я оказалась замужем за Бесадзе!

Нет, верить кому угодно, но не отцу.

— Камилла, поверь, сейчас не стоит со мной спорить. Я становлюсь максимально неприятным, когда злюсь, — Тимур втолкнул меня на заднее сиденье, после сел и сам. — А

таким я даже самому себе не нравлюсь.

Он рывком стянул пиджак, галстук, расстегнул три пуговицы сорочки, словно ему было жарко и душно... А меня наоборот пробивала дрожь! Куталась в шубу, прятала лицо в пушистом мехе, пыталась восстановить дыхание. Но это было невозможно... Смотрела на него, а душа в пятки проваливалась.

— Говори, — прохрипел Бесадзе и, схватив меня за щиколотку, потянул к себе.

Тяжелые руки обвили меня, а после локоть согнулся, и шею стянуло стальным узлом... И теперь даже воздух стал наградой, и каждый вдох нужно было заслужить!

— Говори, Ками, я же вижу, как тебя разрывает, — хрипел он, вжимаясь своим лбом в мой. — Глаза бегают, губы дрожат, а сердце заходится в панике. Говори...

Горячие губы скользили по лицу, уже не беспокоясь о макияже, ведь мы были одни!

Машина летела по центральному проспекту, огоньки иллюминации отражались в его полыхающих глазах, скользили по гладкой коже, по лоснящейся щетине, подсвечивали рассекающий шрам.

Унылый город заглядывал в салон, напиваясь стихийной и животной страстью некогда чужих друг другу людей... Но чем дольше я смотрела в его пьяные глаза, тем отчетливее понимала, что если и дышать, то только им!

Вдох... Воздух в салоне стал тягучим от желания. Моя ру-

ка, будто чужая, потянулась к его лицу, опустилась на ребристую отметину. Такой холодный и бугристый, как невидимая линия рушащейся дистанции...

И с каждой секундой некогда пугающий шрам становился всё притягательней, как и любое несовершенство в человеке, что пробился через твою броню прямо к полыхающему сердцу. Скользила по серебристой отметине, рассекающей его щетину, кончиками пальцев вбирала фантомную боль, клочущую в ледяной бездне его сердца. А Бесадзе подавался навстречу, как одичавший котяра, заскучавший по теплу и нежности.

Тимур не обнимал, он сковывал, подавляя малейший намёк на бунт. Его руки стальными прутьями всё яростней опутывали моё тело, медленно перетягивая к себе на колени. Поддрагивающая ладонь проскользила по моему бедру, он уцепился за тонкий каблук лодочки, скинул ее с легким щелчком на пол, затем вторую. Потянул меня вверх, заставив согнуть колени и открыться его воле...

Наши тела слились резким ударом. И в бёдра, сквозь тонкую ткань платья, с разрушительной силой уперлась гранитная твердость желания. Его ласки были не на грани боли, они и были болью, зудящей на кончиках пальцев. Это выжигающее изнутри чувство было таким сладким, пьянящим, как смертельный яд.

Да я в награду забирала даже его сдерживаемую ярость, отравляющее недоверие и контролируемое желание! Все

дымным дурманом укуталось, и я поплыла... расплылась по его рукам, вбирая всё, что он может дать.

Лишь когда машина вырвалась из плотной застройки мегаполиса, когда растворились любопытные фонари, а мы свернули в слепящую тьму безлюдной трассы, его железная хватка дрогнула.

Бесадзе прижался губами к моим, но не для поцелуя, а для захвата. И его язык, грубый и требовательный, вновь вошёл в мой рот, начав тот развратный, бесстыдный танец, где больше не было места нежности.

Он вновь обхватил мою шею, подчиняя каждый вдох... Подушечка большого пальца легла в ямку между ключицами и затянула ритм для сердца. И даже оно подчинилось...

— Говори, блядь! — его рык рванул по перепонкам, заглушая рев двигателя и дубасящие басы музыки, которой Артур пытался оградиться от творившегося на заднем сиденье безумия.

Его язык терзал мой, забирая воздух, слёзы, всхлипы... Медленно высасывая правду.

Он не просил, а требовал... Но каждый раз, когда я открывала рот, он обрушивался на меня своим дурманящим поцелуем! И голова вновь начинала кружиться...

Правда, горькая и спасительная, уже замерла на самом кончике языка, готовая сорваться, но в отражении бокового окна я поймала силуэт нашего водителя...

Однако сомнение не успело сформироваться, как по са-

лону, пронзая напряженную тишину, прокатился пугающий хрип, а машину дико тряхануло, будто мы на всей скорости промчались по железнодорожным путям.

— Чёрт!

Крики слились с оглушительным скрежетом металла... Бесадзе вжал меня в себя, чтобы я не свернула себе шею в этой смертельной карусели.

Артур отчаянно пытался удержать машину, остановить вращение по скользкому асфальту, пока во тьме не вспыхнул залп рыжих искр от столкновения с ограждением. А следом удар... Резкий, мощный... Меня отбросило на Тимура, а он так легко перехватил мои губы. И даже сейчас в эпицентре хаоса, он воровал свой... законный поцелуй. Вот только взгляд его уже транслировал не желание трахнуть, а потребность свернуть мне шею!

Тьму разрезали слепящие лучи приближающихся машин. Я было подумала, что это помощь... Сейчас нам помогут! Но... Слух взорвался от нового, пугающе надрывного хрипа! И крик Артура заглушил и хруст лобового стекла, и глухой хлопок.

— Блядь! — рыкнул Бесадзе, и в следующее мгновение мир перевернулся.

Одним резким движением он скинул меня с сиденья, а для верности придавил ногой, пригвоздив к полу. В темноте сначала сверкнул чёрный блеск его налившихся яростью глаз, а после и гладкого ствола пистолета, обнимаемого красивыми

пальцами...

Я лежала на спине и не сводила взгляд с точёного профиля. Хватаясь за возможность, собирала эту картинку, откладывая в память... Едкое предчувствие беды обрушилось сокрушительной бурей, останавливая моё сердце.

«Или к дождю, или к беде...»

— К беде, — вырвалось из меня, когда послышался хлопок, а затем уже знакомый звон бьющегося стекла.

Яркая вспышка, и меня осыпало осколками, а белоснежная сорочка на груди Тимура вздулась и взорвалась алыми лохмотьями. Его мощное тело подалось вперёд, выгнулось и рухнуло на спинку сиденья...

И снова россыпь, но уже не стекла, а тёплых кровавых брызг!

Металлический запах заполнил лёгкие, осел на губах, языке...

Истошный крик замер, умирая в сведенной от ужаса челюсти.

От шока я даже не почувствовала, как в распахнувшуюся дверь ворвался порыв ледяного ветра. Моя голова вывалилась прямо на трассу, а волосы превратились в шёлковый ковёр для мужских ботинок на грубой подошве.

— Чёрт! Парни, тут дочь Соболева! Какого чёрта она тут? — закричал незнакомец, грохоча искаженным от плотной маски голосом. Отвратительные чужие руки вцепились в плечи, и меня выбросило вон из тёплого салона...

Я тянулась обратно, цепляясь руками, держалась взглядом за кровавое пятно, пожирающее матовый шелк его рубашки. Трусиха... Тряслась, не в силах посмотреть в красивое мужественное лицо!

Но тут Бесадзе исчез... Его тоже выкинули из машины, но следом раздался залп глухих выстрелов, знаменующих приговор... Но чей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.